

Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери
в с. Старая Южа (Южское благочиние)
Савинское благочиние Шуйской епархии
Русской православной церкви (Московский патриархат)

**ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ
АЛЬМАНАХ**

Выпуск 13

**К 200-летию каменной церкви
в селе Малая Ламна Южского района
Ивановской области**

Шуя-Южа
2024

Издаётся с июля 2006 года

Редактор-составитель А. Е. Лихачёв

Редакционная коллегия:

К. Е. Балдин, д-р истор. наук (г. Иваново)
Д. Ю. Кривцов, канд. истор. наук (г. Дзержинск)
А. Е. Лихачёв, священник, канд. богосл. (г. Южа)
(редактор-составитель)

В выпуске используются следующие сокращения:

ГАИО – Государственный архив Ивановской области (также может быть Иркутской области)
ГУАК – Губернские учёные архивные комиссии, региональные научно-исторические
организации в Российской империи
ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва
ИЭЗ РАН – Институт этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая
Российской академии наук, г. Москва
ОПИ ГИМ – отдел письменных источников Государственного исторического музея, г. Москва
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи (многотомник)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
ЦГИ – Центр гуманитарных инициатив

Настоящий выпуск посвящён 200-летию каменной церкви в с. Малая Ламна (на берегу Ламенского озера) Южского района Ивановской области, построенной в 1823 г. на месте обетного храма князя Д. М. Пожарского (деревянный храм периода 1615-25 гг.). Сборник начинает подготовку грядущего юбилея – 700-летия мученической кончины в Орде князя Фёдора Стародубского (+1330). В нём 3 материала, связанных с темой. Поэтому он выходит при финансовой поддержке Савинского благочиния, к которому относится храм Рождества Богородицы в с. Алексино, месте погребения благоверного князя.

Желающие помочь в восстановлении обетного храма могут направлять свои предложения через старосту Пашкову Валентину Николаевну, т. +7-916-955-54-42, или через э/почту редакции yuzha-church@yandex.ru.

Предисловие

Настоящий выпуск продолжающегося издания *Пожарский юбилейный альманах* составлен на основе электронных материалов, поступивших в редакцию сборника, а также ряда выступлений на XIX конференции «*Пожарские Неопалимовские чтения*» в Юже в ноябре 2023 г. Недавно ушедший 2023 год был годом сразу двух больших юбилеев – 600-летия Явления Креста близ с. Антушково (этому событию и был посвящён предыдущий выпуск № 12) и **200-летия освящения каменной церкви Сретения Владимирской иконы Божией Матери в с. Малая Ламна** Южского района. У нас не достало ресурса издать за один год сразу два сборника, почему было получено благословение правящего Владыки Шуйской епархии епископа Иоанна восполнить это в начале нынешнего года, что мы и делаем. 1 раздел сборника уже по традиции – юбилейный. С посвящением сборника также перекликаются материалы разделов «Семейный фотоархив» (с воспоминаниями уроженца с. Малая Ламна В.Н.Серникова) и «Творческое приношение родному краю» (со стихами о Ламне палехской поэтессы М.М.Бокаревой).

Данный храм замечателен для нашей земли прежде всего тем, что он с большой вероятностью является обетным храмом князя Д.М.Пожарского (об этом см. письмо в редакцию Л.Ю.Серебряковой и ответ Д.Ю.Кривцова) за победу в битве над Ходкевичем в сентябре 1612 г. Кроме того, в мугрёвских владениях Гончаровых мог побывать А.С.Пушкин, супруга которого имела обыкновение уезжать летом из Санкт-Петербурга туда в имение. И, наконец, самым знаменитым выходцем из села Малая Ламна был потомок старинного рода сельских священнослужителей Пётр Михайлович Альбицкий (его дед и тёзка иерей Пётр был настоятелем этой церкви), который во второй половине XIX века стал признанным на всю Россию специалистом в сфере баллистики и пороха.

Особенностью данного выпуска является расширение тематики «Пожарского» раздела, теперь мы его именуем «Проблемы изучения Смуты и рода князей Пожарских-Стародубских». Это связано с началом длительной работы по подготовке к важному юбилею, 700-летию подвига святого предка князя Д.М.Пожарского – благоверного князя-мученика Фёдора Ивановича Стародубского, погибшего в Орде в 1330 г. Мы надеемся впредь собирать и издавать материалы, связанные с его памятью и народным почитанием, начало чему полагаем здесь. Для этого обращались к администрации Савинского района с предложением помочь ей в организации в Савино новой краеведческой конференции «Стародубских чтений», каковые могли бы послужить систематизации работы по восстановлению и увековечиванию памяти святого князя-мученика Феодора как народного героя.

Важная рубрика нашего издания, становящаяся традиционной – «*Стояние в вере*» – в этом выпуске представлена статьёй о новом священномученике Николае (1875-1937), уроженце Писцовской (либо Сарахотской) волости села Лосево (ныне урочище Лосево Писцовского с/поселения Комсомольского района), архиепископе Великоустюжском, с материалами, предоставленными автору его потомками. Остальные традиционные разделы нашего альманаха сохраняются. Есть статья д.и.н. Н.Н.Грибова по археологии, с очень интересными выводами о ходе славянской колонизации Волжско-Окского междуречья, но мы не стали её выделять в отдельный раздел, а включили в историческую рубрику. Раздел *церковной истории и духовной культуры* в этот раз представлен новыми материалами по истории Николо-Шартомского монастыря в XVIII веке.

Раздел «*Наши публикации*», где мы стараемся помещать вводимые в научный оборот новые архивные источники, представляет «*Наказ Разбойного приказа шуйскому дворянину В.Я.Воронову*» (предисловие и публикация Б.Л.Макарьянца) – важный документ не только для локальной истории Шуйской земли, но вносящий лепту данных о составителе документа, которым вероятно был дьяк Семён Головин, действовавший под управлением князя Д.М.Пожарского. Статья Г.Р.Якушкина во 2-м разделе позволяет более детально осветить этот вопрос.

Напоминаем, что наше продолжающееся издание является **краеведческим**, то есть открытым для любых авторов, лишь бы они обоснованно излагали свои исследования и наблюдения. Среди наших авторов есть не только историки, археологи или музейные работники, но и врачи и рабочие, художники и предприниматели, пенсионеры и студенты. Если какая-то тема, статья Вас заинтересовали и Вам есть что сказать в диалоге с автором – смело пишите на наш э/адрес yuzha-church@yandex.ru, мы с готовностью поможем в совместной работе привести Ваши наработки в достойный для публикации вид. Мы даже готовы в следующих выпусках, если они состоятся, открыть специальный раздел: «*Краеведческие письма в редакцию*».

Новые выпуски издаются по мере накопления материалов и находления средств для тиража. Вашу поддержку альманаху можете направлять э/переводом по ссылке: <https://old-yuzha.ru/pozhertvovat.html>.

Раздел I

К 200-летнему юбилею освящения здания каменной церкви в с. Малая Ламна

От редакции

В прошлом году каменной церкви Сретения иконы Владимирской в селе Малая Ламна исполнилось 200 лет. Частично разрушенное здание усилиями местных благотворителей консервируется, много лет в нём проводятся молебны, а за последние два года совершены четыре Божественные Литургии. Но молитвенная жизнь на этом месте гораздо древнее. В нашем издании мы уже неоднократно касались истории этого храма, села и самой Мугреевской вотчины, к которой относилась Малая Ламна. В выпуске №1 была опубликована статья Г.Р. и М.М.Якушкиных «Наброски к истории храмов Южского района», написанная на основе выявленных в начале 2000-х годов описей (в фонде ОГИ ГИМ «Сельские и городские церкви Российской империи»), которые ещё практически не введены в научный оборот. В статье приводится отрывок из книги В.В.Зверинского с первым письменным упоминанием мужского монастыря на месте Ламенской церкви в Сузdalских писцовых книгах 1628-30 гг.: «Да к селу ж Мугрееву и присёлку Могучеву на Богоявленском озере монастырь, а в нем церковь Сретения Пресвятые Богородицы иконы Владимирския, да придел Иоанна Богослова да Петра митрополита Московского Чудотворца древяна клетки (то есть, сложена деревянным срубом), а в церкви образа и свечи, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и колокола, и всякое церковное строение боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, а у церкви на монастыре в келье черный поп (т.е., постоянно живущий иеромонах, совершивший богослужения), да братии 14 старцев, питаются от церкви Божией...» [Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования. О православных монастырях в Российской империи. СПб. 2005. Т. 3. С. 178.]

Авторы также приводят самое древнее упоминание церкви Богоявления на Ламне, ставшее известным благодаря публикации Актов Сузdalского Спа-

со-Евфимьева монастыря 1506-1608 гг.: «В 1557/58 г. князь Григорий Семёнович Пожарский по данной грамоте дал архимандриту Спасо-Евфимьева монастырю Михаилу впрок без выкупа «благословение отца своего княжа Семеново ...свою вотчину в Стародубском уезде селцу над озером Богоявленским. А в нем церковь Святого Богоявленья, со всем, что к тому селцу исстари потягло, куды плуг и соха и топор и коса ходила, и с лесом, и з рыбною ловлею, и со всяким угодьем» [Акты Сузdalского Свято-Евфимьева монастыря. М.: 1998. С. 226]. Таким образом, если это упоминание считать самым ранним, молитвенная жизнь на берегах Ламны продолжается около 470 лет, если не больше.

Важные уточнения о судьбе монастыря можно сделать на основе статьи Якушкиных в №6 нашего альманаха «Страницы истории Мугреевских владений князя Д.М.Пожарского». Известно, что по причине хозяйственной разрухи Смутного времени крестьянская жизнь в наших краях пришла в крайнее запустение. По упомянутой писцовой книге 1628-30 гг. видно, что близ монастыря пашенной земли уже не имеется (то есть «плуг и соха уже не ходят»), вотчинник (хозяин земель, князь Д.М.Пожарский) дал на прокормление братии три отхожие Южские пустоши, в которых можно было пахать «наездами одну четь с осминою» (то есть небольшие бесхозные поля в большом отдалении от обители). Больше того, в переписной книге 1646 года исследователи обратили внимание на запись, согласно которой монастырь упоминается как нежилой. Он назван в числе селений, «тянущих» к сельцу Могучево: «да к тому ж сельцу деревень: д. Нестерово, д. Поткино, д. Фомина, д. Кропивное, д. Быково, д. Погорелка, д. Косино, д. Столбово, пустошь монастырь Богоявленской с пустошьми» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д.290а. Л.44-45об.]. Ведь «пустошью» назывались брошенные сельские поселения с угодьями. На основании этой записи авторы делают вероятный вывод, что монастырь прекратил своё существование после кончины князя в 1642 г. А к.и.н. Д.Ю.Кривцов резонно замечает, что монастырь прекратил своё существование ещё раньше, так как совсем не упоминается в духовной грамоте (завещании) Д.М.Пожарского того же 1642 года, который не мог не сделать хоть какого-то вклада в свой ружный монастырь.

Однако мы можем косвенно судить о переносе Богоявленского храма из какого-то запустевшего селения в другое место: на основании интересной подробности в описи икон церкви Богоявления с. Мугреево-Дмитровского (как мы выше упоминали, это в ст. Якушкиных в сборнике №1). Согласно записи 1902 г., в иконостасе храма есть образ, который к числу древнейших икон «...приналежит, местная икона Богоявления Господня: доска липовая с выемкой, вышина доски один аршин 10 вершков, ширина 1 аршин 4 вершка... По церковной летописи (пока не выявлена – Л.А.Е.) икона принесена из Богоявленского монастыря вместе с храмом, монастырь был в Мугреевской местности. Причём написание иконы автором датируется ранее 1628 года» [ОПИ ГИМ. Ф.406. Д. «Опись церквей и древних церковных предметов с. Мугреево-Спасского Вязниковского уезда»]. Якушкины относят это упоминание к истории церкви Большой Ламны, но мы с

ними не можем согласиться, потому что перенос храма со всей утварью намного более естественно выглядит в рамках земель одного вотчина, а земли по северной стороне озера (как северо-западной, где Б. Ламна, так и северо-восточной, за р. Исток) относились уже к Лухскому уезду и имели совсем других хозяев. Наоборот, описание приоткрывает тайну появления в с. Спасском (самое древнее название М.-Дмитровского) двух церквей в одном селении – к более древнему храму преп. Евфимия была присовокуплена Богоявленская церковь, потому что это было ближайшее к озеру село (кстати, для Б.Ламны оно не является ближайшим). Как нам известно со слов местных жителей (см. ст. В.Н.Серникова в этом выпуске), старинная просёлочная дорога шла от Ламны через Остапово и лес прямо на М.-Дмитровское (по переписным книгам, это было 8 вёрст). И самое интересное, что упоминание возраста иконы («старше 1628 г.») намекает на упомянутое строение монастырское при князе Пожарском, которое могло происходить в период с 1615 по 1627 годы [Кривцов Д.Ю. К церковной истории окрестностей Ламенского озера // Пожарский альманах, вып. 9. Иваново-Южа. 2020. С.22] Но можно возразить, что по переписной книге 1628-30 гг. упоминается церковь Сретения Владимирской иконы. На что можно ответить, что большинство монастырей имели несколько храмов, чем как раз легко объясняется именование всего через 16 лет запустевшего монастыря «Богоявленским». Кроме того, он мог так именоваться по названию озера, возле которого был построен. Чтобы разобраться, обратимся теперь к проблемам местного землевладения, которое хорошо проанализировано в выпуске №9 нашего альманаха, в упомянутой статье Д.Ю.Кривцова.

Юго-восточный берег Ламенского озера входил в Могучевскую вотчину (позже, волость), история которой в XVI веке хорошо известна на основании меновых грамот и др. документов (они в ст. проанализированы Кривцовым). Важно для нашей темы, что во всех этих документах церковь в Малой Ламне не упоминается. На протяжении полувека это почти неизменяемый список поселений, но при этом историк делает очень интересное наблюдение о хозяйственной деградации Ламенской округи ещё со второй половины XVI века, так как в период с 1557 до 1587 г. часть деревень (Кропивная, Родионово, Поткино, Нестерово, Косино, Быково и Столбово) превратились в пустоши. А Смутное время этот процесс ускорило, в документе 1606 г. и Могучее упоминается как пустошь. Поэтому упомянутая Богоявленская церковь была не в Малой Ламне, а в исчезнувшем потом селе Богоявленском, которое локализуется на самой южной точке берега Ламенского озера, рядом со впадением в него реки Вокши [РГИА. Ф. 1350 Третий (Межевой) департамент Сената. Оп. 312. Д. 53. Л. 91 об. № 873. На Плане генерального межевания Вязниковского уезда Владимирской губернии участок этой пустоши показан под № 459]. Далее, Кривцов замечает: «Очевидно, что Богоявленское на раннем этапе своего существования (ещё до середины XVI в.) являлось значительным поселением на берегу озера, которому и передало своё название. В источниках XVI–XVII в. озеро неизменно именуется Богоявленским. И явно уже

от названия озера построенный князем Дмитрием Михайловичем Пожарским монастырь получил дополнительное название – Богоявленская пустынь, хотя села этого к моменту строительства монастыря уже не было». Это и подтверждается приведённым упоминанием в летописи о переносе иконы Богоявления вместе с храмом. Когда только мог произойти этот перенос? Сам факт вполне согласуется с русским обычаем не оставлять храмы в запустении, а переносить вместе с престолами на другое место. Так было, например, и со старой деревянной церковью в нашем Смоленском приходе в Старой Юже. При строительстве новой каменной церкви (1795 г.) деревянный был перенесён на кладбище и переосвящён как Троицкий. Был ли второй храм Богоявления в небольшом монастыре Пожарского, мы точно сказать не можем, но это не исключено ради сохранения святыни исчезнувшего села.

Можно ли определить, хотя бы приблизительно, время переноса Богоявленского храма в с. Спасское (Мугреево-Дмитровское)? Обратимся к истории церквей этого села, описанной в вышеупомянутой статье Якушкиных (вып. №1). Уже в документах 1628-30 гг., когда по соседству действовала Богоявленская обитель, говорится о двух храмах в нём, вмч. Димитрия Солунского с Богоявленским приделом (верх храма деревянный) и другая Троицкая с приделом прп. Евфимия Сузdalского (деревянный сруб). Возможно, Богоявленский придел был устроен в связи с запустением села Богоявленского в начале XVII века и необходимостью переноса оттуда святынь, вот только были они перенесены в монастырь на Малой Ламне или сразу в Дмитровское, неизвестно. Но по переписной книге земель Сузdalского уезда 1678 г. церковь в с. Дмитровское уже именуется как Богоявленская, без указания приделов, что косвенно подтверждает факт переноса, упомянутый в церковно-приходской летописи Дмитровской церкви. Скорее всего, это произошло около 1650 г., когда наследники Д.М.Пожарского поняли, что обитель возродиться не сможет, и позаботились о переносе святынь на место ближайшего села. При этом икона Богоявления, если она попала в монастырь из запустевшего одноименного села, снова была перенесена уже на последнее место.

Что касается предыстории непосредственно церкви на Малой Ламне, 200-летие которой мы отмечаем, надо сказать, что со второй половины XVII столетия начинается возрождение крестьянской жизни, пустоши снова превращаются в деревни, и особенно этот процесс усилился с серединой следующего XVIII столетия. На картах этого времени мы видим возрождённые сёла и деревни, но село Богоявленское уже не возрождается, только упоминается как пахотные земли Богоявленской пустоши, «земля илеватая, хлеб и покосы средственные, лес дровяной» [Там же]. Известно, что в 1744 г. князь Ю.А.Долгоруков, владевший Мугреевской вотчиной (в т.ч. юго-восточным берегом Ламенского озера), продал своё имение, им начинает владеть основатель парусного производства в России А.А.Гончаров (1705-1784, предок Н.Гончаровой, супруги А.С.Пушкина). В с. Мугреево-Никольском он также, как когда-то в Калуге, построил «полотня-

ный завод» (прядильно-ткацкую парусную мануфактуру). В его наследственных бумагах (1784 г.) упоминается «Сретенский присёлок, Малая Ламна тож», в котором проживали 40 крестьянских душ [Фролов Н.В. Предания и быль Ламненского зера. Газета «Призыв» Ковровского р-на, июнь 2008. <https://www.prizyv.ru/2008/06/predaniya-i-byil-lamneneskogo-ozera/>] (под названием «погост Сретенский» он же есть на карте 1808 г.). Снова наполнены жизнью ближайшие к озеру деревни Могучево, Крапивново, Высоково (новое название деревни Поткино), Сереново, Остапово. Судя по карте начала XIX в., за озером даже ещё один храм появляется (правда, в отдалении) – в селе Пашково (совр. дер. Пашки). То есть мы видим, как название существовавшей в монастыре при князе Д.М.Пожарском церкви переходит на возрождённое селение, которое получает статус «присёлка» – т.е. малое селение при церкви. А название «Малая» оно получает для отличия от древнего села «Ламна» на северо-западном берегу озера, которое с этого времени именуется «Большой Ламной». В Экономических примечаниях к материалам генерального межевания Вязниковского уезда Владимирской губернии (1798 г.) это же поселение поименовано уже как село (т.е. статус его повысился), только название его записано просто как «Ламна», и в нём упоминается наличие деревянной церкви, без поименования престолов [РГИА. Ф. 1350 Третий (Межевой) департамент Сената. Оп. 312. Д. 53. Лл. 91 об., 92. № 875].

С известной долей осторожности мы можем сказать, что пустошь, возникшая на месте заброшенного Сретенского монастыря, где-то в начале или середине XVIII века была возрождена, и наш богомольный народ, памятую о находившемся здесь храме, построил на его месте деревянную церковь, которую и упоминают в документах, и вероятно, что её снова посвятили Сретению Владимирской иконы. Каменное здание на её месте задумали построить в 1818 г. (в том году была выдана храмозданная грамота), и осуществили это из кирпича в 1823 г., построив храм из двух частей – высокой, с престолом Сретения, и примыкающей с запада низкой – с престолом в честь святителя Николая. Видимо, на зиму высокий храм закрывался, и переходили служить в тёплый Никольский придел. Древность храма подтверждается имеющейся в нём старинной крупной иконой святителя Николая (около 130 см в высоту), которую составитель описи (1902 г.) священник Иоанн Виноградов отнёс к XVII веку. Она, возможно, являлась немой свидетельницей всех переносов святынь от монастыря к другим сёлам и обратно. Если эта икона, действительно, была ещё в монашеской обители на Ламне, становится понятным желание строителей каменного храма добавить к Сретенскому престолу Никольский. Только за три поколения, прошедшие со времени строительства, память о связях новой церкви на Малой Ламне с монастырём Д.М.Пожарского и об «обетных приделах» (о чём сказано в публикуемом ниже письме Л.Ю.Серебряковой) его деревянной церкви была утрачена совсем. О старинных предметах храма и утрате связи – см. ниже в статье М.М.Якушкиной.

Описание церкви села Малая Ламна (по материалам ОПИ ГИМ)

В середине XIX – начале XX веков в обществе отчетливо проявился интерес к собиранию и сохранению древностей. Святейший Правительствующий Синод указом от 12 октября 1866 г. обратился к епархиальным архиереям с предложением, «не признают ли они возможным и полезным завести во вверенных им епархиях церковные летописи»¹. Согласно «Определению Святейшего Синода от 31 января – 27 февраля 1903 г. об у становлении правил упорядочения способов охранения памятников церковной древности в монастырях и церквях Империи» было предписано:

I. В целях упорядочения способов охранения памятников церковной древности в монастырях и церквях империи, установить следующие правила:

1) В Московской Патриаршей библиотеке сосредоточить копии с описей ризниц тех монастырей и церквей, где осталась еще старина, причем на местах хранения древности описи современных ризниц должны быть совершен но выделены от описей древних вещей.

2) При составлении копии описи предметов старины сделать проверку их особыми комиссиями из настоятеля, ключаря или ризничего. Если место хранения старины губернский город, то присоединить в комиссию одного из преподавателей семинарии, в уездном городе, где есть духовное училище, одного из преподавателей оного, если же такового училища нет, – ближайшего благочинного.

3) Все, включенное в эту опись, ни в каком случае не может быть отчуждаемо без разрешения Святейшего Синода, причем ходатайства о таком отчуждении направляется в Московскую Святейшего Синода контору на заключение.

4) В Патриаршей библиотеке сосредоточить все описи старинных монастырей, соборов и церквей до 1800 года включительно.

II. Поручить епархиальным начальствам сделать распоряжение о составлении настоятелями подлежащих монастырей и церквей, означенных в первом и втором пунктах вышеизложенных правил описей и копий с них, о проверке сих последних установленными во втором пункте комиссиями и о доставлении засим проверенных копий в Патриаршую библиотеку, преддав рив при этом хранителей древних ризниц и библиотек, что за неисполнение и нарушение вышеуказанных правил виновные будут подвергнуты строгой ответственности. О чём для всеобщего сведения и руководства епархиальным начальствам напечатать в «Церковных Ведомостях».[1903. №11]².

В 1904 году с мест через благочинных в консистории, а оттуда в Синодальную Патриаршую библиотеку, начинают собираться описания древних церковных предметов (в настоящее время они составляют основу фонда «Материалы городских и сельских церквей Российской империи»³. Формуляром для их составления послужил усовершенствованный формуляр 1853 г. московского митрополита Филарета (Дроздова)⁴. Согласно ему обязательно было описание: церкви с указанием времени строительства, освящения и переделок и позднейших росписей; образов с размерами, местоположением в храме и сведениями о происхождении; церковной утвари, в том числе в алтаре; богослужебных книг и церковной документации; для каждого предмета требовалось указать год или век происхождения предметов. Описи составлялись под руководством ГУАК и ЦАО, на местах инструкции уточнялись. Протоиерей В.В. Косаткин⁵ писал: «Труд по приведению определения Святейшего Синода в исполнение я принял на себя по должностям члена консистории. Признавая, с одной стороны, особенную важность сих описей не только в значении средства к сохранению древних церковных предметов, но и в научном отношении вообще, а для археологии Владимирского края в частности, как опыт классификации вещественных памятников, которые являются источниками для археологии, а с другой стороны, в видах однообразия формы описей и возможно полного содержания их, я составил особые правила, которые, по утверждении почившим Владимирским архиепископом Сергием,⁶ были опубликованы по епархии. Внешний вид описей должен быть – лист писчей бумаги, хорошей доброты, почерк не торопливый, чёткий, разборчивый, без помарок.

Первая страница и, если понадобится, вторая и третья – должны быть облинёваны, как в клировой ведомости «о церкви». На первой странице писать о храме, причём особое внимание обратить на то, когда построен храм, или основан монастырь, и откуда это известно (храмозданная грамота, или надписи, или предания, существующие в народе).

Вид (стиль) храма, равносторонним ли (греческим) крестом, или квадратный, или круглый, или столпообразный, как башни, 6- или 8-гранный. Известен ли храмоздатель, нет ли украшений наружных стен (резные камни с изображениями людей, зверей, трав и тому подобного), кафельные (изразцовые); желательно более подробное описание для изображения изразцов и их размещения, плиты и прочего. Какая стенопись внутри храма: по сырому грунту (альфresco) или на масле. Известен ли художник и время расписания церкви. Сохранилось ли первоначальное стенное письмо, или оно было возобновлено, и когда именно. В чём заключалось возобновление.

После описания храма должно именовать и описывать древние предметы, находящиеся в храме. Порядок описываемых предметов должно заимствовать из церковной описи.

После описания храма должно именовать и описывать древние предметы, находящиеся в храме. Порядок описываемых предметов должно заимствовать из церковной описи, именно:

Часть 1

1. Древние иконы в алтаре.
2. Древние иконы в предалтарном иконостасе.
3. Древние иконы в прочих местах храма.
4. Древние раки святых мощей (где есть).
5. Надгробницы или надгробные памятники (где есть) и прочее.
6. Лампады, подсвечники, аналои и прочее.

Часть 2

Евангелия, кресты напрестольные, сосуды, дарохранительницы, кадила и прочее, брачные венцы, антиминсы, воздухи, облачения и прочее; древности, не принадлежащие к Богослужению, как-то: военные доспехи, оружие и орудия в разных видах и прочее.

Часть 3

Опись книгохранилища: рукописи, печатные книги и прочее.

При описании предалтарного иконостаса, если он старинного устройства, следует сказать: прямой ли он, резной ли из дерева, в резьбе есть ли карнизы, гроздья, листья с цветами, сколько ярусов, какого устройства царские двери (гладкие, резные), нет ли накладок разноцветной фольги или слюды, узоров и цветов оловянных или медных, есть ли столбцы по обеим сторонам, а вверху городки и подзоры, на самых дверях нет ли клейм в виде одноглавой, трёхглавой или пятиглавой церкви для помещения образов.

При описании икон в алтаре, иконостасе и других частях храма желалось бы описание их: Византийские они или Русские. Нет ли икон, жалованных от Великих Князей и Княгинь, Царей, Цариц и Царевен, Святителей, бояр и других частных лиц. Если есть о вкладах архивные записи или надписи на образах, то списать их в опись той или другой иконы. При переустройствах церквей иногда древние иконы переносятся в кладовые. Пересмотреть сии иконы и описать их, как сказано выше. Если они не были в своё время внесены в опись, внести в новосоставляемую опись. При описании древней иконы нужно обращать внимание, какой она ширины и высоты. Доска с выемкою или гладкая. Какая доска: деревянная, каменная, металлическая или воскомастиковая. Сохранились ли краски, или от времени потемнели. Не были ли возобновлены или реставрированы, и когда именно. Изображения святыхписаны по золотому полю, или по белому, или по зелёному, или по красному. Поле нередко служить признаком школы иконописаний: так, белое поле было принадлежностью первого периода Строгановской школы; зелёное (праздненье) было в употреблении у новгородских иконописцев, тёмное орехового цвета принадлежит старым монастырским письмам.

При описании надгробниц, надгробных памятников и камней сказать, в какой части храма они находятся, какого размера, есть ли на них надписи резные в глубь или выпуклые, или на особых досках, из какого камня устроены: дикого, белого песчаного, гранитного, мраморного. Надписи, если есть, списать. Желательно скопировать надписи карандашом через пропускную бумагу, каковой снимок приложить к описанию. Таковые же снимки желательно иметь и с других надписей на древних предметах, утвари, облачениях и прочем.

При описании икон, крестов, евангелий и апостолов нужно означать металлы окладов их (риз) и какие оклады: басменные, сканные, чеканные, обронные, чешуйчатые; нет ли в украшениях финифти, черни, жемчуга, или каких камней и сколько последних, на полях окладов не наложены ли золотые или серебряные дробницы с резными изображениями святых, украшенные чернью или финифтью; нет ли на образах древних привесок (крестов, панагий, монет, колец, перстней, блях, рясен, гривен и цат). Если последние сохраняются в ризницах, то особо описать их во 2-й части описи. Не известны ли вкладчики сих окладов и привесок. Нет ли образов на металлических досках и какие украшения их. Нет ли литых образов или резных из дерева.

При описании богослужебных сосудов нужно означать вид золотых и серебряных сосудов, вес, украшения, надписи, изображения, выпуклые они или резные, и обращать внимание на вид оловянных сосудов, на их изображения и на надписи на деревянных сосудах. Не известны ли жертвователи и кто из святых мужей священнодействовал в этих сосудах. То же нужно наблюдать и при описании ковчегов, кадил, венцов брачных и других древних предметов в храме. При описании книгохранилища нужно наблюдать: нет ли надписей, помещённых в книгах, о времени поступления книги в церковь или монастырь покупкою или вкладом от кого либо, или о событиях церковных или монастырских. Если есть такие надписи, то внести их в опись.

При описи синодиков нужно выписать, какие внесены роды в синодики, царские, княжеские или боярские. Не помещены ли какие грамоты о поминовении лиц, убитых на войне. Какие помещены рисунки. Не упоминается ли в синодике год кончины какого лица и место его погребения.

Если есть в церкви или в монастыре описные или вкладные книги, то нет ли в них описания церкви, или монастыря, или церковной утвари, времени написания образов, литья колоколов. В каком году они составлены. Не внесены ли в оные книги великолепные и царские пожалования и частные вклады. Нет ли старых грамот, писанных на больших листах и столбцах-свитках. Какие в церкви находятся рукописи пергаментные и бумажные, с изображениями или без оных. В чём состоят изображения и нет ли под ними имён художников.

При описании печатных книг внести в описи старопечатные издания, печатанные старославянскими буквами за границей (с 1491) и в России (с 1564) до 1800 годов. Описать, что помещено на гравированных листах.

Очень возможно, что иные древние вещи, по их малоценностии, не внесены в церковную опись; ответственности за то составители настоящих церковных описей не будут подлежать, впрочем, при условии, если пропущенные вещи будут внесены в эту, ныне требуемую опись.

По получении описей из мест составления таковых я ознакомил с содержанием их Владимирскую учёную архивную комиссию в заседании 24 октября 1904 года. Последняя, имея своею задачею собирание и изучение памятников старины Владимирской губернии, испросила у архиепископа разрешение воспользоваться собранными в описях данными для помещения их в своих изданиях и поручила приведение в систему, редакцию и надзор за печатанием описей мне, как действительному члену Владимирской учёной архивной комиссии»⁷.

Сведения в описи древних предметов отличаются лаконичностью. История храма начинается с упоминания храмозданной грамоты от 22 июня 1818, данной епископом Владимирским Ксенофонтом. Отсутствует упоминание о существовании на этом месте храмов, монастырей, часовен, а также какие-либо предания о подвизавшихся святых. Зафиксировано четыре древних предмета: две иконы XVII в., Евангелие XVII в. и Евангелие XVIII в. без указа-

Божественная литургия в день 200-летия храма 6 июля 2023 года

ния имён вкладчиков и благотворителей. Можно сделать вывод, что в данном случае связь с существовавшим на этих землях монастырём, основанным кн. Д.М. Пожарским (особенно в свете усилившегося в эти годы интереса к событиям Смутного времени) оказалась забытой, а также согласиться с аргументированной точкой зрения уважаемого исследователя Д.Ю. Кривцова о современном историческом мифотворчестве⁸.

Приложение

Опись древних предметов церковных, находящихся во Владимирской церкви села Малой Ламны Вязниковского уезда

Церковь во имя Владимирской Божией Матери построена средствами прихожан в 1823 году (храмозданная грамота, данная епископом Владимирским Ксенофонтом 1818 года июня 22 дня). Общий вид храма с приделом Святителя Николая чудотворца, пристроенным к западной стене главного храма, имеет вид продолговатый – форму корабля. Здание главного храма в основании своем имеет вид квадрата, мерою в длину 3 саж. 1 арш. и в ширину 3 саж. 2 арш., каменное одноэтажное в два света. Стенной наружной живописи, архитектурных украшений и надписей не имеется. Внутри храма стены украшены живописью (на масле), сделанной в 1858 году.

Часть 1-я. Опись церкви.

Древние иконы в предъалтарном иконостасе главного храма.

1. Образ святителя и чудотворца Николая с житием, деревянный на липовой д[о]ске, мерою 25x19 верш. Д[о]ска с выемкою. Изображение святителя в средине иконы поясное, а по краям вокруг 18 картин из жизни святителя. Над главою святителя изображение ветхозаветной Пр. Троицы, а в углах – солнце и луна со звездами. По сторонам главы святителя изображения Спасителя и Божией Матери. Икона стиля византийского, письма монастырского. Поле иконы темно-зеленое, фон темно-желтый. В позднейшее время на икону сделана медно-посребренная риза. Икона находится в нижнем ярусе иконостаса на левом клиросе. 17-го века.

Древние иконы в прочих местах храма.

2. Икона пресвятые Богородицы Можайские, на простой д[о]ске, мерою 13x10 вершк., на короткой рукояти. Д[о]ска с выемкою. Изображение Божией Матери с предвечным младенцем поясное. Икона стиля византийского, письма монастырского. Поле иконы и фон темно-зеленый. Краски от времени потемнели. На ней риза и венец выниланы из бичеты по фольге. На оборотной стороне изображение св. чудотворца Николая, такого же размера и письма. 17-го века.

Часть 2-я. Опись ризницы. Гл. 1-я. Евангелия.

3. Св. Евангелие в $\frac{1}{2}$ л[иста] на простой бумаге, в переплете из красного бархата. Средник и евангелисты чеканные, басменные. Напечатано в 1677 году при государе великом князе Феодоре Алексиевиче, при патриархе Московском Иоакиме. 1677 года.

4. Св. Евангелие в лист, на полуалександрийской бумаге, напечатано 1779 года, в окладе медногосребренном. 1779 года.

Опись древних церковных предметов составлял:

Священник Иоанн Виноградов

Псаломщик Павел Вознесенский.

Благочинный 3-го округа Вязниковского уезда села Палеха протоиерей Николай Чихачев [подписи – автографы]

ОПИ ГИМ. Ф.406. Оп.1. Д.499. Л.1 – 2. Подлинник

-
1. Мусин А.Е. Церковная старина в современной России. СПб, 2010; Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв. Сборник документов. М., 1997.
 2. Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1909 г. Вып. 2-3. Вятка, 1910. Сс. 49-50.
 3. ОПИ ГИМ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 80 – 3095. Обзор фонда «Материалы городских и сельских церквей Российской империи» (из собрания Отдела письменных источников) подготовлен М.М. Якушкиной и будет доступен для изучения на официальном сайте ГИМ.
 4. Митрополит Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867) – архиепископ (1821), митрополит Московский и Коломенский. В 1994 г. Русской православной церковью прославлен в лице святых в святительском чине.
 5. Косаткин Василий Васильевич (1845–1914) – протоиерей (с 1886) преподаватель во Владимирском ДУ, священник Успенского собора во Владимире, настоятель Дмитриевского собора (1881). По его инициативе было сделано отопление собора, позолочен иконостас, поновлена настенная живопись, построена звонница. штатный член Консистории (1891). Под редакцией В.В. Косаткина вышла книга «Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. Ч. 1. Монастыри» (Владимир, 1906), Член Императорского Московского археологического общества и действительный член Владимирской, Нижегородской и Костромской ГУАК.
 6. Архиепископ Сергий (Спасский Иван Александрович, 1830–1904), духовный писатель, учёный, историк. Соборный иеромонах Московского Донского Ставропигиального монастыря (1859), настоятель Московского Знаменского монастыря (1863–1866), настоятель Московского Спасо-Андрониевского монастыря (1880–1882). С 21 ноября 1892 г. – архиепископ Владимирский и Сузdalский.
 7. [Косаткин В.В.] Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия: краткие исторические сведения с приложением описей сохранившихся в них древних предметов. Ч. 1. Монастыри. Владимир. 1906. Сс. 1-6.
 8. Кривцов Д.Ю. К церковной истории окрестностей Ламенского озера (Заметки академического историка на фоне массовых исторических представлений) // Пожарский юбилейный альманах. Южа. 2020. Вып.9. К 20-летию открытия Смоленского прихода в Старой Юже. Сс. 13-34.

Письмо в редакцию Пожарского юбилейного альманаха

Произошла удивительная история! Я даже сказала бы – чудо! И это чудо – явное участие в судьбе храма на Малой Ламне святых бессребреников Космы и Дамиана – Небесных покровителей Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина! Но всё по порядку...

Сразу скажу, что я не профессиональный историк. Но преподаю литературу, а также имею право преподавать историю в общеобразовательной школе. А также был опыт работы с архивными документами, когда работала над документальным фильмом об одной из разрушенных церквей Санкт-Петербургской митрополии. И так случилось, что меня попросили написать статью, по предоставленным материалам, об одном из разрушающихся храмов на берегу Богоявленского озера, в селе Малая Ламна Южского края Ивановской области. По предоставленным материалам (со ссылкой на С.М.Соловьёва), эта заброшенная церковь была построенной по обету, данному князем Дмитрием Пожарским со своей ратью 24 августа/6 сентября 1612 года в тот момент, когда ополченцы не могли войти в Кремль.

О церковной истории Малой Ламны написана статья Д.Ю. Кривцовым, одним из профессиональных историков. И в ней приводятся множество ссылок на различные архивные источники, которые «подтверждают», что в Мало-Ламенской церкви «чего-либо замечательного по древности... не имеется», и «скорее всего, дани в патриаршую казну с неё не шло, так как она стояла разрушенная, без причта и службы». Ссылка на Соловьёва не принимается, так как «у Соловьёва нет ссылок на источники, которыми он пользовался, а значит говорить о том, что это и есть тот самый храм, который был построен ПО ОБЕТУ Дмитрием Пожарским – нельзя»*. А если «ничего замечательного нет», то и восстанавливать эту церковь, судя по этим выводам, не стоит. И вот, историк Соловьёв, который работал 30 лет исключительно на архивных материалах и создал действительно профессиональный исторический труд из 29 томов, оказывается, не имеет авторитета <...>

У Соловьёва в 8 томе (из 29-ти), в 8 главе, очень подробно о тех днях 1612 года повествуется следующее: «24 числа (августа), в понедельник, опять на рассвете, начался бой и продолжался до шестого часа по восхождении солнца; поляки смяли русских и втолпили их в реку, так что сам Пожарский с своим полком едва устоял и принужден был переправиться на левый берег...

* Фраза М.М. Якушкиной, сказанная автору письма в устной беседе. А нам Дмитрий Юрьевич Кривцов высказывал устно сомнение вообще в реальности этого молебна, при тогдашней тяжелейшей военной обстановке.

Видя общее движение казаков, ополчение Пожарского также двинулось вперед, острог Клементьевский был снова взят у поляков, и русская пехота залегла по ямам и крапивам по всем дорогам, чтобы не пропускать гетмана к городу. Уже начинало темнеть, а решительного еще ничего не было; по всем полкам пели молебны со слезами, чтоб Бог избавил от погибели Московское государство, дали обет всею ратью поставить три храма: во имя Сретения Богородицы, Иоанна Богослова и Петра митрополита».

Вставал вопрос, откуда мог брать эту информацию Соловьёв, из какого источника? По логике, это должны были быть летописи, так как духовные причины тех или иных событий обязательно указывались именно в наших летописях. Знаете, я как человек православный, понимаю, что без помощи Божьей здесь ничего не получится. Молились с единомышленниками, чтобы направил Господь. Обращались и к Владимирской иконе Божьей Матери, и к святителю Петру митрополиту московскому чудотворцу, и к апостолу и евангелисту Иоанну Богослову...

И вот, стала я искать в тех книгах о Дмитрии Пожарском, где есть ссылки на источники. И, о, удача! 13 ноября 2021 года у Юрия Моисеевича Эскина я нашла ссылку на «**Новый летописец**» (в книге «Хроники Смутного времени»), где шло описание событий за 24 августа 1612 года. И решила искать эту летопись через интернет. И вот, в **главе XIV, в 316 хронике**, читаем следующее: «О побоище гетмана и об отходе гетмана от Москвы.

Августа в 24-й день, на память святого отца нашего Петра митрополита, пошел гетман с запасами на проход в Москву. <...> И был бой великий с утра до шестого часа; гетман же, видя против себя крепкое стояние московских людей, напустился на них всеми людьми, сотни и полки смял и втолтал в Москву реку. Едва сам князь Дмитрий с полком своим стоял против них. <...> Люди же стояли в великом ужасе и посыпали к казакам, чтобы сообща сражаться с гетманом. Они же отнюдь не помогали <...>, пехота легла по ямам и по зарослям на пути, чтобы не пропустить гетмана в город. Всею ратью начали плакать и служить молебны, чтобы Московское государство Бог избавил от погибели, и обещали всею ратью поставить храм во имя Сретения Пречистой Богородицы и во имя святого апостола и евангелиста Ивана Богослова да Петра митрополита, московского чудотворца. День же был близок к вечеру, и вложил Бог храбрость в немощного: пришел Кузьма Минин к князю Дмитрию Михайловичу и просил у него людей. Князь Дмитрий же ему ответил: «Бери кого хочешь». Он же взял ротмистра Хмелевского и три сотни дворянские, и перешел за Москву реку, и встал у Крымского двора. Тут же стояла у Крымского двора рота литовская конная да пешая. Кузьма же с теми сотнями напустился прямо на них. Они же были Богом гонимы и помощью Пречистой Богоматери и московских чудотворцев и, не дожидаясь

их, побежали к таборам Хаткеевым, и рота роту смяла. Пехота же, видя то, из ям и из зарослей пошла натиском к таборам. Конные же все напустились [на них]. Гетман же, покинув многие запасы и шатры, побежал из таборов. Вое-воды же и ратные люди встали по рву деревянного города, запасы и шатры все захватили. Многие же люди хотели биться. Начальники же их не пустили за ров, говоря им, что не бывает в один день две радости, а то сделалось помошью Божией».

Слава Богу! И в «Новом летописце» указано, что был дан «обет построить храм» (а не «три храма», как у Соловьёва). Для нас это было настоящее открытие! И это случилось вечером 13 ноября. Ведь это святые покровители Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина! Ведь крестильное имя Дмитрия Пожарского – Козьма! Вечер 13 ноября по церковному календарю – это уже 14-е число – день рождения Дмитрия Михайловича! По старому стилю – 1 ноября, а по-новому – 14 ноября! Получается, что святые бессребреники Косьма и Дамиан, небесные покровители героев Смутного времени, а значит, и сами Дмитрий, в крещении Косьма, вместе с Кузьмой Мининым, так как это день и его именин, молились и помогали нам!

Об этом храме, в честь Сретения Владимирской иконы Б.М. с приделами святителя Петра московского чудотворца и апостола Иоанна Богослова, построенном в вотчине князя, в Писцовой книге 1628 года сказано следующее: «...на озере Богоявленском монастырь, в нем церковь Сретения Богородицы Владимирской с приделами в честь ап. Иоанна Богослова и св. Петра, митрополита Московского, древяна клецки, строение кн. Д. М. Пожарского, в монастыре черный поп и 14 человек братии, питаются от церкви Божией... пашни нет, но на питание дано им 3 отхожих пустошей».

А в «Своде памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область» (Часть 3», М., Наука, 2000, с. 662-663) указано: «МАЛАЯ ЛАМНА. ЦЕРКОВЬ ВЛАДИМИРСКАЯ, 1-я треть XIX в. <...> Участие Небесных покровителей Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина в судьбе явленного храма, или история с «Историей...», изображение №2. <...> Расположена на погосте, вне села, в окружении деревьев. Кирпичная оштукатуренная церковь построена в 1823 г. на месте старой деревянной, известной с 1628 г.» (Березин, Добронравов, 1898, с. 389-391).

И нашим славным предкам важно, чтобы этот храм не был в таком небрежении, а был бы сохранён и восстановлен нами.

Усилиями Валентины Николаевны Пашковой, детским врачом из Москвы, пенсионеркой, ведётся работа по привлечению внимания к истории храма, пишутся обращения в разные инстанции. Из Комитета Ивановской области по государственной охране объектов культурного наследия пришёл ответ, что «бремя содержания несёт собственник. В настоящее время правообладатель

объекта не определён». Также обещано, что «будет проработан вопрос о признании его бесхозным....» Из Московской Патриархии пришёл ответ, где указано следующее: «Комитетом Ивановской области по охране культурного наследия ведутся переговоры с местной сельской администрацией о передаче храма на баланс Комитета, что позволит признать указанный храм объектом культурного наследия. Данный статус даёт возможность реставрации храма за счёт бюджетных средств. <...> Возможным вариантом промежуточного решения вопроса могла бы стать организация благотворительного Фонда, в цели и задачи которого будет входить сбор средств для консервации и реставрации церкви». Дело движется медленно. А пока... Храм окончательно не разрушается силами всё тех же неравнодушных людей.

Из отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ пришёл ответ, что по запросу из Шуйской епархии «по поводу текущего состояния памятника церковной архитектуры», информация следующая: «в храме навели порядок и законсервировали его, а именно: расчистили кладбище и прихрамовую территорию, накрыли крышу плёнкой, сделали временные окна и двери. <...> В храме совершаются молебны, но полноценная приходская деятельность в пустующем храме невозможна». Правда, назвать «консервацией» плёнку, которую на свою пенсию покупает Валентина Николаевна Пашкова, после каждой зимы, вряд ли можно. Да и добираться до храма можно только летом, в сухую погоду. Необходимо укреплять дорогу. И здесь администрация прислушалась. Даст Бог, дорогу укрепят.

Есть благословение благочинного иерея Василия Смирнова, по просьбе всё той же р.Б. Валентины, иеромонаха Алексию (Аванесяну), настоятелю храма в с. Мугреево-Дмитриевское, проводить в храме молебны. Надеемся, что Комиссия по определению собственника припишет храм именно к этому приходу. Явлена Святыня! Храм Сретения Владимирской иконы Божьей Матери, построенный по обету Дмитрия Пожарского. И в такие смутные для России времена явлена, когда вновь за Кремль идёт духовная брань... И Дмитрий Пожарский с небесной ратью вновь готовы явить свою помощь... Матерь Божья вновь готова обращать в бегство новые полчища новых Тамерланов... Неужели не откликнемся?

Л. Ю. Серебрякова, учитель литературы
в «Школе имени императора Александра III».
Г. Гатчина Ленинградской обл.

Бой II ополчения с армией Ходкевича.
Литография Поца по рисунку П.Е. Коверзнова. Журнал «Нива», 1910 год

**История с географией или снова о массовом
и профессиональном историческом сознании**
(ответ Д. Ю. Крицюка)

В конце 80-х годов минувшего XX столетия наша историческая наука начала активно высвобождаться из долгого и горького пленения «единственно правильной» и «единственно научной» марксистско-ленинской методологии. Знаменем возвращения к лучшим дореволюционным традициям отечественной академической историографии стали тогда переиздания классических трудов исследователей русского прошлого – Сергея Михайловича Соловьёва и Василия Осиповича Ключевского. И в те времена у меня, ещё только студента исторического факультета Нижегородского университета, вышел небольшой спор со старшим коллегой – заслуженным нижегородским школьным преподавателем истории Борисом Самуиловичем Духаном. Вообще-то мы оба были рады возвращению в нашу жизнь сочинений Соловьёва и Ключевского, но Борис Самуилович был убеждён, что Ключевского будут читать не только профессиональные историки, но и простые любители отечественной истории, а вот чтение Соловьёва так и не выйдет из узкого круга историков-профессионалов. Я не соглашался и настаивал, что «История России» С.М. Соловьёва тоже будет интересна и доступна пониманию массового

читателя. И вот, спустя четверть века после того разговора судьба предоставила мне возможность убедиться, что я всё-таки был прав. Ну, хотя бы отчасти...

Прав в том, что люди, непричастные к профессиональным занятиям историей, действительно берут в руки тома из собрания сочинений С.М. Соловьёва и читают их с явным интересом. Письмо школьной учительницы литературы Л.Ю. Серебряковой тому несомненное свидетельство. И оно же выступает наглядным свидетельством того, что с пониманием прочитанного текста оказывается не всё так просто. Ибо только непониманием структуры научного текста можно объяснить до нелепости странное представление о том, что в «Истории России с древнейших времён» «у Соловьёва нет ссылок на источники, которыми он пользовался»*.

Многоуважаемая Любовь Юрьевна, откройте, пожалуйста, ещё раз восьмой том этой «Истории...» и дочитайте его завершающую восьмую главу до конца. До самого конца. Там в конце стоит сноска 95. А на следующей странице начинается раздел, озаглавленный «Примечания к 8 тому»; и в конце его находится примечание 95. В этом примечании перечислены *многие десятки* отечественных и иностранных, опубликованных и архивных источников, которыми Сергей Михайлович пользовался при написании одной только этой восьмой главы восьмого тома.

В том числе в данном примечании указаны и несколько изданий так заинтересовавшего Вас «Нового летописца»: в составе «Летописи о многих мятежах...» (по изданию – М., 1788), в составе Никоновской летописи (Т. VIII. СПб., 1792) и отдельное издание Нового летописца по списку М.А. Оболенского (Временник Московского общества истории и древностей российских. Т. XVII. М., 1853). Кстати, все эти издания есть в открытом доступе в интернете, и чтобы познакомиться с текстом Нового летописца теперь не надо ехать в научные библиотеки.

Но так или иначе Новый летописец попал в поле Вашего зрения; пусть не в оригинале, а в переводе на современный русский язык, Вы сумели познакомиться с содержанием этого исторического сочинения. И даже смогли «подловить» самого Сергея Михайловича Соловьёва на неточном следовании источнику, когда он писал, что «по всем полкам пели молебны со слезами, чтоб Бог избавил от погибели Московское государство, дали обет всею ратью поставить три храма: во имя Сретения Богородицы, Иоанна Богослова и Петра митрополита». Вы же, совершенно справедливо, отметили, что в тексте Нового летописца речь идёт не о трёх, а только об одном храме с тройствен-

* Здесь взаимное недопонимание: Д.Ю. решил, что замечание об отсутствии ссылок у Соловьёва автор письма Любовь Юрьевна относит ко всему его труду, хотя она только повторила слова М.М. Якушкиной, они касались только отсутствия пофразового комментария. Но последующий абзац, в любом случае, для читателя полезен как методическая рекомендация по работе с исторической литературой.

ным посвящением престолов – в честь Сретения Пресвятой Богородицы, во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова, и во имя святителя Петра митрополита Московского Чудотворца. Правда, Вы запутались в понимании характера боевых действий 24 августа 1612 г. Вы полагаете, что в этот день «ополченцы не могли войти в Кремль». Но до Кремля им было ещё очень далеко; на тот момент ещё не был даже «очищен» от врагов Китай-город. А 24 августа в Кремль хотел прорваться как раз враг – гетман Ходкевич, с запасом пороха и продовольствия для осаждённых соотечественников; ополченцы же отчаянно противостояли его атакам. Настолько отчаянно, что даже пришлось молиться со слезами и давать храмоздательный обет.

К безусловной Вашей чести, Любовь Юрьевна, стоит отметить, что Вы совершенно верно указали на полное совпадение посвящений церковных престолов в обете 24 августа 1612 г. и в храме небольшого монастырька, стоявшего на вотчиной земле князя Дмитрия Михайловича Пожарского в 20–30-х гг. XVII в. Хотя, согласно тексту Нового летописца (с разнотечениями по разным спискам разных редакций) храм обещали поставить «всем воинством», «всю ратью», «все вкупе», но очевидно коллективное обещание пришлось исполнять одному Д.М. Пожарскому на свои собственные средства. И, если вотчинный Сретенский монастырь действительно был основан Д.М. Пожарским по обету, данному 24 августа 1612 г. (а это весьма вероятно), то это существенный аргумент в пользу точки зрения тех профессиональных историков (как Ваш покорный слуга – Д.Ю. Кривцов и коллеги Г.Р. и М.М. Якушкины, Ю.М. Эскин), которые настаивают на том, что никакого Сретенского/Богоявленского монастыря на берегах Ламенского озера ранее второго десятилетия XVII в. не существовало (как бы ни хотелось обратного некоторым местным краеведам-любителям).

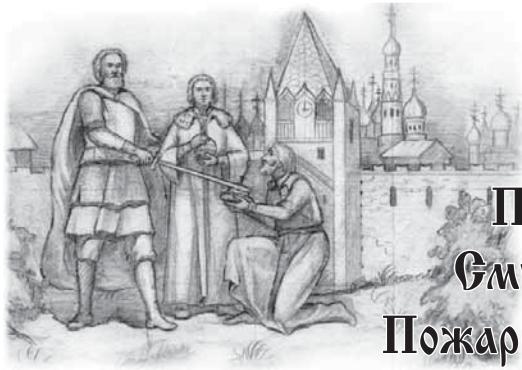
А вот тут наша история начинает уже сопрягаться с географией. И приходится уже в который раз объяснять, что в 1627/28–1629/30 гг. сохранившиеся до наших дней исторические источники фиксируют два Сретенских храма в окрестностях Ламенского озера. Первый – уже упомянутый нами монастырских храм, стоявший в вотчине князя Д.М. Пожарского на южном берегу озера, там, где сейчас располагается поселение Малая Ламна. Второй – стоял на северо-запад от побережья озера в селе Большая Ламна, принадлежавшем тогда помещикам Марышкиным; в этом же селе был и ещё один храм – во имя святителя Николая Чудотворца. И картина запустения Сретенского храма в 20-х гг. XVII в., когда он стоял с развалившимся верхом без причта и службы, относится к Больше-Ламенской церкви в поместье Марышиных. Никакого отношения к монастырскому Сретенскому храму в вотчине Д.М. Пожарского это запустение не имеет. Зафиксируем ещё раз – речь идёт о двух разных храмах с очень разной исторической судьбой.

Сретенский храм в Большой Ламне очевидно совсем запустел и исчез из наших источников аж до начала XIX в. На протяжении всего этого времени,

вплоть до 1798 г., в данном селе упоминается только Никольский храм. Но в начале XIX в. там вновь стоят два деревянных храма – и Никольский, и Сретенский. Оба они сгорают незадолго до 1815 г. А в 1815–1825 гг. вместо погибших в пожаре двух деревянных церквей был построен один каменный храм с тремя престолами: в честь Сретения Господня, в честь Успения Пресвятой Богородицы и во имя Николая Чудотворца. И обратите, пожалуйста, внимание на посвящение центрального храмового престола – в честь Сретения Господня, а не Сретения Владимирского образа Божией Матери.

Совсем по-другому развивалась история храмов на южном берегу Ламенского озера, на месте нынешней Малой Ламны. Монастырь, поставленный Д.М. Пожарским, прекратил своё существование и превратился в пустошь уже в первой половине 40-х гг. XVII в. С тех пор источники не фиксируют там никакого (от слова – совсем) храма до самого конца XVIII в. В 1798 г. там, наконец, упоминается деревянный храм, но, к сожалению, без указания его посвящения. Судя по тому, что копии с метрических книг, хранившихся в Мало-Ламенской церкви в конце XIX в., начинались только с 1795 г., деревянный храм появился там, в лучшем случае, в последних десятилетиях XVIII в. То есть на протяжении полутора столетий – с 40-х гг. XVII в. до конца XVIII в. – церковная жизнь на южном берегу Ламенского озера была прервана. В 1823 г. на месте деревянной церкви конца XVIII в. был построен каменный храм, существующий в Малой Ламне и поныне, 200-летие освящения которого мы отмечаем. Широко распространённое представление церковного историка рубежа XIX–XX вв. В.С. Добронравова о том, что каменная Сретенская церковь в Малой Ламне была построена на месте деревянного Никольского храма, известного с 1628 г., является ошибкой. В Малой Ламне в 1628 г. никакого Никольского храма не было. Он был в другом селе – в Большой Ламне, на другом берегу озера.

А вот цитируемое Вами, Любовь Юрьевна, утверждение В.С. Добронравова относительно того, что в Мало-Ламенской церкви «чего-либо замечательного по древности... не имеется», является абсолютно справедливым. Откуда же там взяться замечательным древностям, если *непрерывная* история этого храма не уходит дальше конца XVIII столетия? А ожидать, что после полуторавекового перерыва там окажутся «древности» эпохи Д.М. Пожарского – это, простите уж, верх наивности. Зато отнюдь не наивно, а очень расчётливо выглядит Ваше обвинение, иначе не назовёшь, в адрес профессиональных историков (в том числе и в адрес автора этих строк): «А если «ничего замечательного нет», то и восстанавливать эту церковь, судя по этим выводам, не стóит». Не стоит за нас додумывать «выводы», которых ни я, ни кто-либо из моих коллег, – профессиональных историков, – никогда не делал. Не нужно перекладывать с большой головы на здоровую. Наши исследования к проблемам восстановления или не восстановления церквей, о которых мы пишем, не имеют решительно никакого касательства. Это проблемы энтузиастов вроде Вас, Любовь Юрьевна. И помоги Господь, справиться Вам со всеми Вашими проблемами!

Раздел II

Проблемы изучения Смуты и рода князей Пожарских-Стародубских

А. Е. Лихачёв, священник

К истории почитания святого князя-страстотерпца Феодора Стародубского

Быть у человека одно удивительное свойство – он в некотором отношении «всечеловек». Наше существование так устроено, что мы живём опытом всех поколений, живших до нас. Мы этого почти не замечаем, что пользуясь словом, любым продуктом нашей культурной деятельности – мы как подарками пользуемся достижениями сотен предшествующих поколений. Например, кушаем грибы – какие вкусные! – а ведь не один десяток людей отдали буквально жизни (!) за то, чтобы мы знали, какие из них есть нельзя, а какие можно, и как их безопасно приготовить и хранить. **Смерть многих неизвестных нам людей служит сохранению нашей жизни.**

И ёщё: есть такая вера, которая именно этот принцип считает подлинной основой человеческой жизни. Её Основатель сказал: «Если семя, падши в землю, не умрёт, то останется одно. А если умрёт, то принесёт много плода». И вслед за своим Учителем, на смерть ради торжества Жизни, пошли согласно все Его ученики. Конечно, мы говорим о христианстве, точнее, о его сути. Святые – это и есть те люди, для которых любовь оказалась сильнее страха смерти, любовь к Богу или близким, не важно. Святые – это семена новой жизни в сумерках истории, это «пассионарии», меняющие ход развития цивилизаций, это титаны духа, но при всём этом – маленькие «человеки», незаметные для современников, со своими мелкими несовершенствами. Как и все фундаментальные аксиомы подлинной религии, явление святости тоже парадоксально, потому что оно **свидетельствует о соединении**, казалось бы, несоединимого – плоти и духа, физической немощи и внутренней силы, скоропреходящего земного существования и Вечного бытия, **человека и Самого Бога**.

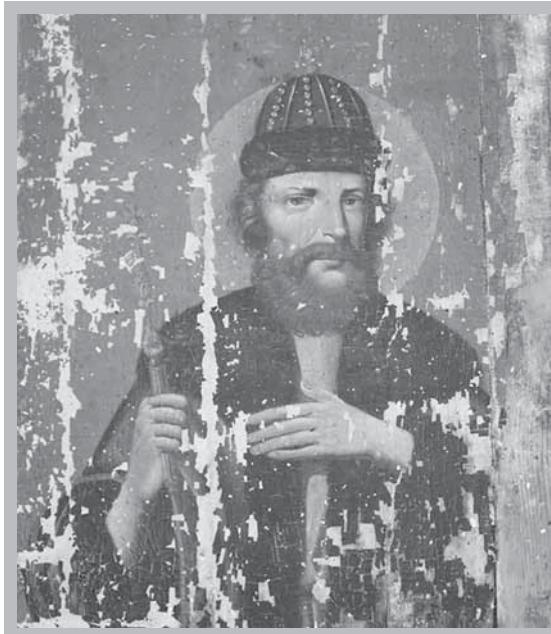
Но это означает страшную вещь: как легко за внешностью проглядеть суть. И увидев второстепенное, проглядеть главное. Как просто ошибиться, и посвятить целые годы и лучшие силы молодости погоне за призраками! В этом сложнейшем деле нащупывания целей и смыслов жизни святые для нас – как путеводные звёзды. Великое несчастье нашего времени, что для тысяч российских мальчишек и девчонок примерами для подражания, идеалами становятся пустышные, разрекламированные «манекены», поп-звёзды. А образы Самого Господа, Его Пречистой Матери или святых апостолов и мучеников за Христа – абстрактными чужеродными и непонятными фигурами (а тут суперсовременные батюшки их и вовсе, в «манге» показывают). И ещё очень-очень печалит то, что мы всё дальше отходим от самой возможности **понять** этих святых, потому что полюбить их невозможно, не поняв. Но понимание не может произойти без опоры в нашей душе, если в ней уже нет ничего святого. Только тот, кто реально рисковал жизнью за другого, поймёт, что такое самоотвержение святых; кто принимал на себя клевету за добре дело и не мстил, поймёт кротость святых; кто хоть раз ощутил на себе милостивый взор Живого Бога и трепетно возрадовался, поймёт молитву святых. Таково **церковное почитание** святых, в его отличии от мирского «признания заслуг». Почитание предполагает **личное** отношение, для верующей души они становятся иногда ближе родных, с ними идёт внутренний диалог и ощущается их **участие в нашей жизни**. Важно отметить, что подобное «пересечение реальностей»¹ (то, что внешние наблюдатели называют «чудесами») является фактом, точнее, постоянным повторяющимся явлением в жизни православной Церкви. Как после этого смешно выглядят неверующие исследователи-психологи, рассуждающие про «чудеса по заказу» и «эффект плацебо» – их мелким душам вообще незнакомо понятие христианской любви, которая превозмогает смерть, столетия и даёт нам чудо общения со святыми. Интенсивность этого общения (будет оно разовым и внешне поразительным или постоянным и глубоко внутренним) зависит уже от нас самих и той благодати, которой Создатель наитствует нас при нашем усердии. Итак, отличая «почитание» от «исторической памяти», размыслим об истории почитания князя Фёдора Стародубского.

Почитание князя Феодора Стародубского (+1330 г.) как святого, очевидно, началось вскоре после Куликовской битвы, когда русскими людьми была осознана задача сплочения Руси и освобождения её от монгольского ига как дело священное (в ней принимал участие его сын Андрей в полке правой руки). У нас слишком мало для определённого вывода письменных данных, но тот факт, что спустя два века после его страдальческой кончины, в Духовной грамоте (завещании) княгиня Аксинья Ромодановская (1542/43 г.) пишет как о чём-то совсем привычном – «в Олексин к Пречистой, где лежить благоверный князь Федор»² – говорит о его более раннем почитании. На возражение, что

Село Алексино. Фото Михаила Круковского. 1914 г.

«благоверными» в средние века уважительно именовали всех князей, как и «христолюбивыми», хорошо рассудил Д.Ю.Кривцов (см. его статью в этом выпуске), сделав вывод, что «Благоверный» было персональное прозвище князя, отражающее его святость. Наиболее твёрдо это свидетельствуется в синодике (записи рода князя Д.М.Пожарского) XVII в. Успенского собора в Ростове, где говорится: «Род князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Князя Ивана, Благоверного князя Федора, Князя Андрея, Князя Василия...»³ Но ещё более важным свидетельством святости князя было проявление чудесной Божией силы по молитвам у его святых мощей, что по традиции православной Церкви является главным аргументом прославления в лице святых.⁴ Известно, что в Алексино в начале XVIII века собирались сотни людей, потому что всем князь был известен как великий угодник Божий, чьи святые мощи исполнены благодати. Поскольку село было владением Троице-Сергиевой Лавры (вложено в обитель княгиней Авдотьей Шемякиной-Пронской, дочерью князя Ивана Мезецкого по данной грамоте 1559/60 г. и подтверждено духовной 1574/75 г.), тетрадки с записью чудес у мощей князя переписывались лаврскими «служками» и составляли пухлые тома, часть из которых, к несчастью, сгорела при пожаре в (предположительно) Смутное время. Из сохранившихся записей все были сопровождены «рукоприкладством» (то есть заверительной подписью) многих священников или уважаемых людей (пятерых и даже семерых).

И вот по особому Промыслу Божию, смысл которого открылся только недавно, в феврале 1722 г. происходит, казалось бы, горькое событие: во исполнение Духовного регламента⁵ нового государственного закона о церкви, настоятель Алексинской церкви вызывается епископом Сузdalльским Варлаамом в Консисторию, ему чинится допрос и из храма забираются тетрадки с чудесами и обе иконы князя-мученика. Материалы допроса и «Представление» епархиального руководства отправляются в

Синод, при этом епископом на «всякий случай» молебны петь запрещается, но разрешается служить панихиды. Ответа из Синода не приходит 21 (!) год. Через 8 лет, когда на Сузdalскую кафедру заступил новый владыка, алексинские прихожане обратились с ходатайством восстановить почитание князя, но им было отказано, только один из его образов был возвращён в село. Окончательно (после 2-го допроса о. Леонтия в 1744 г.) почитание благоверного князя было Синодом запрещено в ноябре 1746 года, настоятелю и причту предписывалось все признаки могилы (перильца, надгробия) уничтожить и даже панихид князю не служить («а за Феодором Стародубским оное село Алексино во владении было ль, о том в крепостях не явствует; и тако о том князе Феодоре Стародубском есть сомнительство, что подлинное ль тело его под тое церковью погребено...»), и было предписано «такого празднества не спровождать и за святого не почитать».⁶ В 1774 г. деревянную церковь (уже вторую) уничтожил пожар, а в 1802 – и третью. После этого память о князе в народе стала угасать, место погребения забылось, и только ежегодные заупокойная Литургия и панихида 21 июня и ярмарка на торговой площади села в этот день, называемая «Благоверной», напоминали верующим о князе. Тем не менее память о святом в народе жила: у агиографов XIX века встречаются упоминания о благоверном князе Фёдоре как о чтимом панихидами святом. Например, упоминает его среди святых церковный историк, архимандрит Воскресенского Ново-Иерусалимского мона-

стыря Леонид (Кавелин) в своём агиографическом справочнике 1891 года.⁷ Е.Е.Голубинский, работавший в 1890-е годы с архивом Св.Синода, посвящает его личности целых две страницы своего труда и, опираясь на материал дела 1744 г. (№80) «О мощах, без должного освидетельствования вскрытых», приводит известное донесение Суздальской консистории, которая «производила поверку записей о чудесах Феодора Стародубского, и оказалось, что все записи ложны»⁸. В аналогичном ключе упоминался святой и в труде архиеп. Сергия (Спасского) «Полный месяцеслов Востока».

О почитании князя Фёдора Ивановича в селе Алексине Решемской десятины Ковровского уезда (ныне Савинский р-н Ивановской области) широкая общественность узнала в июне 1906 г., когда на III областном археологическом съезде в г. Владимире выступили историки-архивисты, нашедшие при разборе архива Суздальской консистории «Дело о церковном чествовании князя Ф. Стародубского». К этому моменту в существовавшем в с. Алексино Рождественском храме память о святом почти угасла, хотя в этом крупном торговом селе на средства прихожан-офицеров в начале XIX в. были выстроены два больших каменных храма, Рождества Богородицы (1806-1813 гг.) и Иоакима и Анны (1808 г.).⁹ Один из историков, преподаватель Владимирской духовной семинарии и руководитель архивов Суздальской и Владимирской консисторий, Н.В.Малицкий (1871-1935), в своих оценках решения Суздальской епархиальной конторы и выводах осторожен («само название *Благоверный*, которое за князем сохранила история, даёт некоторый повод думать, что народное предание и здесь не лишено некоторой доли правды»), в по-гребении князя в с. Алексино выражает сомнение, соглашаясь с определением консистории о недостоверности предания (вышеприведённая Духовная княгини Аксиньи Ромодановской к тому времени ещё не была найдена), а подлинность показаний об исцелениях отрицает вовсе. Другой исследователь, независимо от Малицкого ознакомившийся с делом – Григорий Александрович Ряжский (1872-1951), юрист-адвокат и опытнейший архивный работник,¹⁰ более тщательно исследовал аргументы «объсков» Суздальской консистории, вопрос о месте погребения князя и географические указания записок о чудесах. Ряжский не ограничился принятием к сведению выводов суздальского заключения, но озабочился проверкой самих материалов дела и обнаружил недобросовестность вывода о «ложности чудес». Он пришёл к следующим неоспоримым выводам: 1) что князь Феодор Благоверный – лицо историческое; 2) что факт его смерти в Орде в царство хана Узбека несомнен; 3) что обстоятельства его кончины, изложенные в предании, весьма вероятны; 4) ещё более вероятен факт его погребения в крупном центре – Алексине; 5) нет никаких данных, заставляющих сомневаться в достоверности описанных чудесных исцелений. Но самое важное – к своей статье, опубликованной в книге «Труды III областного историко-археологического

съезда в г. Владимире июня 1906 г.», он поместил Приложение¹¹, включавшее все записи из сохранившейся тетрадки на мощах: тропарь, кондак князю и последние записи исцелений.

В последующий период развития исторической науки многое было уточнено. В Рогожском летописце, найденном Н.П. Лихачёвым в 1906 г. и опубликованном в 1922 г., упоминалось об участии в 1319 г. некоего князя Ярослава Стародубского в московском посольстве в Тверь, и есть основания предполагать, что это второе «княжье имя» благоверного князя (см. подробнее ст. Д.Ю.Кривцова), в 1920-е годы С.Б. Веселовским была найдена духовная грамота княжны Аксиньи Ромодановской, из которой стало достоверно известно, что князь действительно был погребён в «Олексине». Так что со временем правота Г.А.Ряжского и предвзятость сузdalской консистории (вкупе с Г.Н.Малицким) становятся всё очевиднее, только, увы, период богооборческой власти не способствовал обнародованию правды.

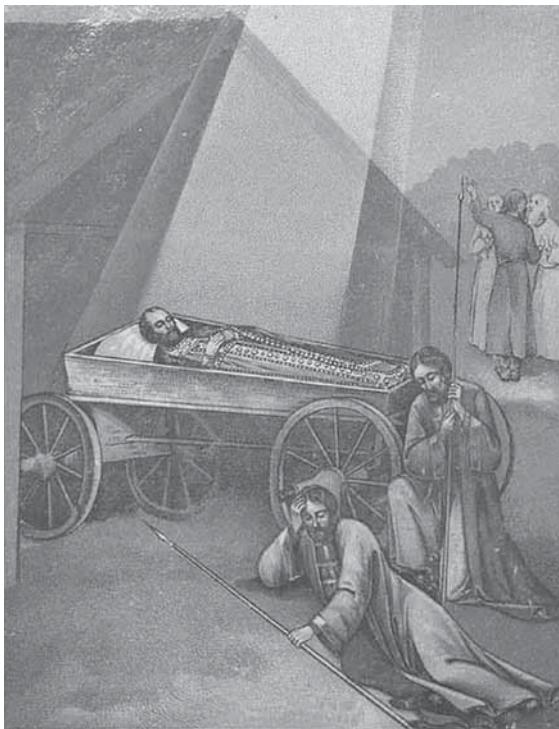
В советское время храмы села (Рождественский и Иоакима и Анны) были закрыты властями (мы пока не знаем историю их закрытия, это дело ближайшего будущего), как водится, полуразрушены и осквернены. По смутным преданиям, святыни в развалинах не осталось, верующие где-то спрятали мощи своего святого от поругания. Село в 1990-е годы совсем запустело, теперь там нет ни одного постоянного жителя, хотя около трёх десятков домов ещё сохраняются дачниками. Но самое печальное – полное разрушение как храмов со святынями, так и архивов с важными документами (многое было уничтожено по актам как «не представляющее ценности»), в том числе и бесценные записи о чудесах при мощах князя и его святые образа. Была попытка уничтожить и саму веру в душах человеческих. Казалось бы, ничего от святого места не осталось! Однако всё это произошло не без воли Божией: если бы не судебное дело Сузdalского управления, разве не сгорели бы оставшиеся записи в двух последующих пожарах? Разве смог бы тогда Г.А.Ряжский сохранить для нас житийное предание бабки о. Леонтия (супруги его деда о. Симеона), слышанное ею в детстве (а она родилась в 20-е годы XVII века) и записанное на допросе со слов священника? А оно достойно всякого внимания, так как дополняет скучные строки летописей и родословцев о жизни и подвиге князя-страстотерпца.

Со слов рассказчицы, князь пошёл однажды со своим отрядом в Орду на войну (действительно, был такой вид дани – участие русских воинов в монгольских походах). «Но безбожный царь Азбяк схватил князя и стал мучить его многими мукаами, тело всё по частям изрубил, а княжеское войско побил. Тело убитого князя было брошено между другими трупами, но, к удивлению всех, птицы на него не садились. И видя то оставшееся войско собрало изрубленные части тела князя Феодора и не сыскали было одного перста и хотели без того перста люди его везти на Москву. Но лошади то тело не повезли и

с места не сдвинули, а они стали искать того перста, и как сыскали и в гроб обще с телом положили – лошади двинулись и привезли к Москве. И в Москве думали, где бы то тело погребсти, и вздумали, чтобы отвезти его в вотчину в село Ряполово Сузdalского уезда, которое от того Алексина в расстоянии в 10 верстах, и лошади опять то тело не повезли и с места не сдвинули, а они паки вздумали, чтобы отвезти его и погребсти в селе Алексине, то тело двинулось, лошади повезли и привезли в то село Алексино, где под церковью и похоронили его; от гроба его в то время многим приходящим было

исцеление»¹². Весь рассказ передаёт в высшей степени вероятное событие – точно таким же способом за несколько лет до того тот же золотоордынский хан Узбек зверски убил Тверского князя Михаила с его сыном Феодором («и розоиманы быша по составом», как говорит об этом Троицкая летопись). А расстояние в 17 километров от Ряполово до Алексино мы и теперь проходим крестным ходом, удостоверяясь в точности деталей. Григорий Александрович потрудился найти карты как старинные, так и более поздние, конца XVIII века, и разыскать названия всех населённых пунктов, про которые не-брежные служки духовных контор написали, что «многих сёл и деревень, как из Владимирской провинциальной канцелярии промеморией объявлено, не имеется и не памятует». Все они были сохранившиеся, да только настояще дознание среди потомков исцелённых (а это спустя сто лет или более!), как следствует из объявления существующих населённых пунктов «несуществующими», вообще и не было проведено.

Все эти аргументы Г.А.Ряжского позже были приняты во внимание, но архиепископ Сергий (Спасский), составивший в 1902-03 гг. (на основании данных 1901-902 гг.) «Верный месяцеслов»¹³, не дожил (+1904) до разбора этого явного недоразумения с запрещением почитания святого князя и по-

тому не смог включить его имя для почитания, хотя сам был правящим архиереем Владимирским. Если бы Бог судил ему дожить до вышеупомянутого съезда, он бы определённо восстановил почитание великого страдальца, как это вскоре и было сделано. Потому что он сам так написал в письме о своих установках (о «Верном месяцеслове»): «Он составлен со всевозможным вниманием. Обращено особенное внимание на то, чтобы *не опустить кого-либо из канонизованных святых* или не внести кого-либо [не]канонизованных». Одна из видных русских агиографов эмиграции, монахиня Таисия (Карцова), уже включает благоверного князя как святого в своё исследование «1000 лет русской святости», вышедшее в свет во Франции в 1977 г.¹⁴ В нём она пользуется данными из предания о его кончине. В нашей стране святость князя Фёдора была подтверждена при установлении в 1982 г. празднования собора Владимира и Суздалей Серафима (Фадеева) включил имя князя Феодора Благоверного в этот список как местно чтимого, с традиционным днём памяти 21 июня (4 июля н. ст.), что получило благословение Святейшего Патриарха Пимена.

В самом начале нового XXI века бескорыстными трудами верующих кровля Иоакимовской церкви в с. Алексино частично была восстановлена, обустроен алтарь для летних служб. По дошедшим до нас сведениям от одной престарелой местной жительницы, её 5-летней девочкой водили на кладбище (за пределами села, это было в начале 30-х годов), где в склепе на цепях висел гроб святого. Благочинный района иеромонах Игнатий стал служить в день памяти князя ежегодные молебны. С 2017 г. по землям Южского, Палехского и Савинского районов стал проходить многодневный крестный ход, в храме Рождества Богородицы был расчищен и обустроен алтарь, и с 2020 г. 3 августа при участии крестоходцев и паломников из Савино стали служиться ежегодные Божественные Литургии. Краеведы помнили имя князя, ему посвящались статьи в газетах, Ковровском сборнике, а когда открылся Ковровский районный краеведческий музей, князьям Стародубским была посвящена целая экспозиция. Работа по восстановлению исторической памяти вообще активно проводится в Коврове (северо-западная часть района в древности была землёй Стародубского княжества), и в августе 2022 г. был открыт филиал музея, «Стародуб на Клязьме», посвящённый истории этого канувшего в лету города. Сейчас поднимается вопрос о принятии многолетней программы возрождения исторической памяти о Фёдоре Стародубском (к предстоящему 700-летию подвига Благоверного князя), чтобы его образ занял подобающее место среди воспитательных примеров для молодых поколений. Для Ильинской церкви в Савино в 2010-е годы была написана икона князя [см. Цв. вкладыш, с. IV].

Но мы ведь помним, с чего началось наше размышление: что историческая память – это лишь основа для почитания святого, потому что почитание есть дело сердечное, подвиг веры. Для тех чутких душ, которые ещё способны отзоваться, надо представить подвиг благоверного князя не просто как

военную или религиозно-политическую доблесть, но как подвиг любви к Богу и подданным соотечественникам, когда в своём сердце этот страдалец начертал слова Господа своего: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Духовенству Савинского благочиния, да и пожалуй всей Шуйской епархии предстоит немало потрудиться, чтобы среди немногочисленной паствы наших маленьких городов и селений действительно восстановилось то глубоко трепетное, живое и молитвенное отношение к этому князю-мученику, которое побудило хромую пожилую женщину Феону Терентьевну идти пешком из Мстёры в Алексино (более 25 км плюс переправа через Клязьму), что было в июне 1647 г. И, как сказано в записи из тетради исцелений, она «велела священником молебствовать в церкви Рождества Пресвятая Богородицы, у Благоверного великого князя Феодора Стародубского чудотворца. А после молебна сказала: болела де у нея и гнила левая нога, з берца до пояса, и язвы были многие, лежала де во гноищи полпята года (полтора месяца). И много пыталась по врачам, а исцеления ни мало не получала. И она де обреклася Благоверному великому князю Феодору Стародубскому чудотворцу, дабы умолил у всесвятого Бога и Пречистыя Богородицы, болезни Бог избавил и во 153 (1645) году Бог исцелил. Ноги и язвы все изжили, и она де по обещанию своему к нему чудотворцу молебствовать не приходила по нынешней 155-й год, за далним расстоянием и за своею простотою. И в нынешнем де 155-м году после Рождества Христова таж нога у нее стала больше болеть, и гноем те прежние язвы все растворились, и болезнь учала быть горшней прежнего. И она де ж ему чудотворцу обреклась, дабы умолил у всесвятого Бога, и у Пречистыя Богородицы, болезнь Бог избавил, и иунеа же де 12 числа Бог ея простили. Нога у нее исцелела, и язвы все изжили, и струп сшел, и она де по обещанию своему и пришла к нему чудотворцу молебствовать. А как она болезнь свою сказывала, и Божие чудо извещала, и в то число в церкви были, Ивана Иванова сына Бутурлина вотчины села Палеха, Воздвиженский поп Естафей Исаев, да Алексея Афанасьевича сына Плещеева вотчины села Ряполова Николский поп Роман Григорьев. Шуйня посадские люди, Василий Васильев, да Артемий Космин, сын Неупокоев и иные многие сторонние люди»¹⁵ (как свидетели исцеления). И все эти уважаемые люди поставили под этим рассказом личные подписи, и называть эти свидетельства «баснями подлых людей» – оскорблению памяти как этих ревнителей благочестия, так и самого святого, по молитве которого Бог даровал Феоне исцеление. Верю, что если мы хотя бы небольшую толику такого расположения будем иметь к святому князю, мы и большие чудеса скоро узрим.

- Лихачёв А.Е. О связи исторического и мистического измерений (о чудесах) в жизни церкви на примере некоторых сказаний XVI-XVII веков // Традиция и современность (журнал ИЭА РАН). №32. М. 2023. Сс. 46-65.
- Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М. 1998. № 47. С. 134.
- Синодики XVII и XVIII веков Ростовского Успенского собора / А. А. Титов. Ростов-Великий, 1903. Л. 111 – С. 14; Л. 50 – С. 35.
- Проф. И.В.Попов. О почитании святых мощей: «...Основанием для канонизации святых служит не нетление их останков, а разительное проявление Духа в святости их жизни и в чудотворениях от их мощей». // https://azbyka.ru/o-pocheitanii-syyatyx-moshhej#ch_0_3
- «Духовный регламент» (автор митр. Феофан Прокопович) – важный законодательный акт, главный и знаковый юридический документ, закрепивший в 1721 г. церковную реформу в России при императоре Петре I Алексеевиче (1672-1725) и определявший правовой статус Православной церкви в России (РПЦ) до 1917 г. под управлением Духовной коллегии – Святейшего Синода (синодальный период). В п. 6 предлагается проверять святые мощи на подлинность: «О мощах святых, где какия явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано. На пример, предлагаются чуждыя некия: Святаго первомученика Стефана тело лежит и в Венеции на предградии, в монастыре Бенедиктинском, в церкви святаго Георгия, и в Риме в загородной церкви святаго Лаврентия; тако же много гвоздей креста Господня, и много млека Пресвятыя Богородицы по Италии, и иных сим подобных без числа. Смотреть же, нет ли и у Нас такого безделия?»
- Указ Симона, еп. Сузdalского, 29 апреля 1745 г. Цит. по: Н.Малицкий. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. 2. Владимир. 1906. С. 10.
- Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. Изложены в таблицах, с картою России и планом Киевских пещер. Справочная книжка по русской агиографии. Спб., типография М.Стасюлевича, 1891. IV, 220 с. Сс. 146, 147.
- Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви. М. Унив. тип. 1903.
- Фролов Н.В., Фролова Э.В. Ковров православный. – Ковров, 1999. – С. 14.
- Из энциклопедии Иркутского архива: «Ряжский – единственный в Иркутске специалист-архивист с двадцатирёхлетним стажем работы в архиве министерства юстиции в Москве, член нескольких губернских архивных комиссий.) Работал в комиссии по описанию Центрального архива Восточной Сибири...». См.э/ресурс: http://irkikipedia.ru/content/arhiv_gosudarstvennyy_irkutskoy Oblasti_gao_
- Г.А.Ряжский. Кончина и погребение Стародубского князя Феодора Ивановича Благоверного. Приложение. // Труды III областного историко-археологического съезда в г.Владимире июня 1906 г. Владимир.Губернская типография. 1909. С. 350. (переопубликовано в Пожарском юбилейном альманахе, вып. №5. Раздел «Наши публикации».)
- Цит. по: Ковровский исторический сборник. Вып. 3. Ковров. 2002. Сс. 24-25.
- «Верный Месяцеслов всех Русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общечерковно и местно». М. Синодальная типография. 1903.
- Русские святые: 1000 лет русской святости. – Бюси-ан-От: Покровский монастырь, 1977 (составитель). (2-е издание – Джорданвиль, 1983; 3-е издание – СПб.: Азбука, 2000. – 816 с. Покровский женский монастырь находится во Франции, в Бургундии, в 150 км от Парижа, в небольшой деревушке Бюсси ан-От. Он основан четырьмя русскими монахинями вскоре после 2-й мировой войны на базе усадьбы, принадлежащей одному из русских эмигрантов.
- Г.А.Ряжский. Ук. соч.

Князь Фёдор Стародубский в источниках и исторической литературе: опыт комплексного анализа

Современному историку, желающему документально точно рассказать об одном из русских удельных князей конца XIII – первой трети XIV в. – Фёдоре Стародубском, приходится столкнуться с типичной для исследователя отечественного средневековья ситуацией, которая характеризуется крайней скучностью сведений в исторических источниках, дополнительно осложнённой противоречиями даже в этих малочисленных сведениях, да, сверх того, отягощённой набором предположений, догадок и просто невесть откуда взятых утверждений, накопившихся за три столетия в нашей научной и популярной литературе. Такого рода информационные лакуны и противоречия могут восприниматься как досадные, но, всё-таки, не имеющие принципиального значения недостатки, в рамках исторических сочинений общего характера, когда та или иная историческая фигура (в нашем случае – фигура Фёдора Стародубского) лишь вскользь упоминается в обширном калейдоскопе исторических лиц и событий. Но когда ставится исследовательская задача реконструировать жизненный путь какой-то конкретной личности, тогда вышеописанные недостатки становятся совершенно принципиальными, ибо без их преодоления невозможно построить никакую научную биографию.

А применительно к биографии Фёдора Стародубского скрупулёзное рассмотрение даже самых «мелочных» деталей его жизни и смерти оказывается вдвойне необходимым, ибо речь идёт не просто об одном из многочисленных удельных князей тяжкой эпохи ордынского ига, но о Благоверном князе, который официально причтён Русской Православной Церковью к лицу святых и память которого празднуется в Соборе владимирских святых (23 июня / 6 июля). Оттого любые сомнения и недоумения в отношении фактов биографии князя Фёдора Стародубского становятся основой для сомнений в его святости для до сих пор ещё многочисленных носителей так и не изжитого богочестивого сознания советских времён.

Недоумения же возникают буквально с первого шага – с определения имени этого исторического героя. Кроме основного имени – Фёдор, под которым его знают наши летописи и родословные книги, некоторые историки приписывают ему второе имя – Ярослав. Основанием для этого служит известие Рогожского летописца и Тверского летописного сборника (имевших общий протограф начала XV в.) о том, что в 1319 г. в Твери появились послы московского князя Юрия Даниловича: «приеха на Тферь Прохоръ епископъ Ростовски и Ярославъ Стародубскыи, зовуще князя Александра къ князю

Юрию въ любовь», то есть с предложением заключить мирное соглашение между Юрием Даниловичем и Александром Михайловичем Тверским¹.

Кем мог быть вышеупомянутый Ярослав Стародубский? Одним из представителей рода князей Стародубских? Но он никогда больше не упоминается в летописях. И это было бы ещё полбеды. Мало ли древнерусских князей лишь однократно появляются на летописных страницах, а то и вовсе на них не попадают. Но гораздо больше княжеских имён мы находим в Родословных книгах, в которых тем же князьям Стародубским отведена довольно обширная глава. Однако и в ней князя Ярослава Стародубского мы не встречаем. Единственный Ярослав, который упоминается в самом начале интересующей нас главы, это великий владимирский князь Ярослав Всеволодович. Он, строго говоря, не был прямым предком князей Стародубских, и фигурирует в их родословии лишь поскольку в 1238 г. передал Стародуб в удельное владение своему младшему брату – Ивану Всеволодовичу, от которого и пошёл в дальнейшем весь род Стародубских князей.

Очевидно, уже русские книжники XVII столетия, прекрасно знавшие как летописные, так и родословные материалы, заподозрили в тексте, известном нам по годовой статье 1319 г. Рогожского летописца и Тверского сборника, какую-то ошибку и попытались исправить её по своему разумению. Так, например, в сборнике XVII в. из Музейского собрания рукописей Государственного исторического музея № 1473 находится фрагмент тверской летописи за 1318–1348 гг., в котором интересующее нас известие сначала было записано в следующем виде: «Того же лета приеха Прохор владыка Ростовский и Ярославский и Стародубский, зовуще князя Александра ко князю Юрью в любовь...»; но затем над строкой было написано слово «князь», в результате чего текст может быть прочитан уже следующим образом: «...приеха Прохор владыка Ростовский и Ярославский и [князь] Стародубский...», в каковом виде оно и было передано в публикации А.Н. Насонова².

Мы, к сожалению, никогда не сможем узнать, что именно было написано на листе того оригинала, из которого книжник XVII в. выписывал летописные известия, читающиеся ныне в Музейском сборнике № 1473. Возможно (и даже – вероятнее всего), что там слово князь стояло в строке, и тогда перед нами банальная описка переписчика сборника, замеченная им и исправленная. Но остаётся, хотя и весьма небольшая, возможность допустить иное решение данного текстологического вопроса. Первоначально переписчик сборника совершенно точно скопировал текст своего оригинала, в котором слово «князь» не стояло, а затем добавил его над строкой, сверившись с другим источником, где летописное известие 1319 г. было представлено в такой редакции, которая уже знакома нам по чтениям Рогожского летописца и Тверского сборника. (Собственно, и в этих летописных памятниках слова «князь» перед именем Ярослава Стародубского не имеется, но контекст их

сообщения настолько очевидный, что никто из историков, обращавшихся к нему, не сомневался в княжеском достоинстве Ярослава Стародубского.) Основанием для подобного допущения являются наблюдения летописеведов, согласно которым Музейский фрагмент может отражать (хотя и в позднем, и в отрывочном виде) первоначальный текст тверского летописного свода конца XIV в., а не его редакторскую обработку начала XV в., которая явилась общим протографом для Рогожского летописца и Тверского сборника³. А, следовательно, остаётся теоретическая возможность того, что в Музейском фрагменте сохранился вариант первоначального известия о московском посольстве к тверичам в 1319 г., которое позднее, около 1412 г., могло быть произвольно переделано тверским редактором.

Исследователи по-разному отнеслись к вышеуказанной возможности. В этом плане стоит, прежде всего, отметить позицию В.А. Кучкина, который, занимаясь изучением литературной истории «Повести о Михаиле Тверском», скрупулёзнейшим образом проанализировал те летописные своды, в которых отразился данный агиографический памятник. И в частности он отметил, что в Музейском фрагменте имеются чтения, которые явно древнее соответствующих чтений Рогожского летописца. А, значит, хотя бы в некоторых случаях этот летописный фрагмент стоит ближе к протографу «Повести о Михаиле Тверском», в той её редакции, которую представляют (с разнотчтениями) и Музейский фрагмент, и Рогожский летописец, и Тверской сборник⁴. Но в то же время, В.А. Кучкин не упускал из виду того, что летописный фрагмент из Музейского сборника в целом позднего происхождения. И содержащийся в нём вариант известия о посольстве 1319 г. в числе ранних чтений не называл. Об этом посольстве он писал, ориентируясь на вариант Рогожского летописца. При этом он указывал, что сообщение о московском посольстве к Александру Тверскому в Рогожском летописце и Тверском

М. Горелик. Убийство в Орде князя Михаила Тверского

сборнике нарушает логику летописного рассказа, из чего делал заключение о позднем характере данного сообщения, а упоминание в нём епископа Прохора и Ярослава Стародубского оценивал как вставку первой половины XV в.⁵ В этой связи важно замечание Е.Л. Конявской о том, что позднее происхождение вставки ещё не означает её недостоверности, поскольку едва ли по прошествии целого столетия у кого-то возникла необходимость придумать сам факт посольства и имена участвовавших в нём послов⁶.

Диаметрально противоположная исследовательская позиция по отношению к разночтениям между Рогожским летописцем и Музейским летописным фрагментом была занята несколькими другими историками, утверждавшими, что никакого Ярослава Стародубского вовсе не существовало. Так, Дж. Феннел в своей монографии о происхождении московского политического владычества над Россией писал: «Тверская летопись говорит о «Прохоре епископе Ростовском и Ярославе Стародубском». Поскольку неизвестен князь Ярослав Стародубский (и, конечно, не было епископа с таким именем – Ярослав не христианское имя), это, вероятно, ошибочно искаженное «епископ Ростовский, Ярославский и Стародубский»⁷. В данном случае, историческое небытие князя Ярослава Стародубского, скорее, лишь провозглашается, нежели доказательно аргументируется.

«Бремя доказательства» в этом вопросе взял на себя А.В. Лаврентьев. Слово «князь», вписанное над строкой в Музейском сборнике, он посчитал всего лишь комментарием переписчика сборника, а не содержательной частью фразы⁸. При этом он указал на нарушение грамматических норм в известии о посольстве 1319 г., возникающее при допущении о том, что в посольстве участвовали два человека – епископ Прохор и Ярослав Стародубский. В летописной фразе относительно «послов» употреблён глагол не в двойственном, а в единственном числе – «прїеха», вместо требовавшегося «прїехаста»; и причастие «зовуще», возможно, тоже единственного, а не множественного числа, поскольку согласование причастий в русском языке XIV в. уже размыто, и форма на «ще» может употребляться и в причастии в единственном числе; и только завершающее фразу местоимение «ихъ» определённо употреблено во множественном числе⁹. Наконец, малодостоверным представляется А.В. Лаврентьеву исторический контекст посольства, в котором участвуют одновременно духовное лицо и лицо светское; для XIV – первой половины XV в. это едва ли не единственный прецедент такого рода. Перечислив ряд примеров, когда в указанный период времени русское духовенство самостоятельно выполняло дипломатические миссии, исследователь заключает: «Количество примеров можно умножить, но ни в одном из выше перечисленных и иных случаев летописи не говорят о сопровождении «послов» духовного звания светскими чинами. С этой точки зрения присутствие в составе московской делегации, направленной в 1319 г. в Тверь, кроме епископа Прохора ещё

и «князя Ярослава Стародубского» представляется, как минимум, излишним.¹⁰ Общий вывод исследования А.В. Лаврентьева сводится к тому, что посольство 1319 г. мог исполнять один только владыка Прохор, который «мог быть епископом Ростовским, Ярославским и Стародубским, и в таком случае речь надо вести об испорченности текста Рогожского летописца, превратившего титул ростовского архиерея в имя стародубского князя Ярослава»¹¹.

Такое радикальное отрицание самого факта существования Ярослава Стародубского, с каким мы встречаемся в статье А.В. Лаврентьева, отнюдь не новость в отечественной исторической литературе. Ещё в 20-е гг. XVI в. книжники митрополита Даниила, трудившиеся над составлением фундаментального летописного свода, который вошёл в научный оборот под названием Никоновской летописи, использовали в своей работе какой-то тверской летописный источник, общий для Рогожского летописца, Тверского сборника и Музейского фрагмента. Сообщение о посольстве 1319 г. в том источнике могло быть ближе к варианту Музейского летописного фрагмента (и не исключено, что без прибавления слова «князь»), поскольку, согласно Никоновской летописи, посольство это исполнял только один владыка Прохор: «Того же лета прииде во Тверь Прохоръ, владыка Ростовъский и Ярославъский, зовъи князя Александра Михайловича ко князю Юрью въ любовь...»¹². Как мы видим, здесь вместо имени Ярослав (как в Рогожском летописце и Тверском сборнике) употреблено прилагательное «Ярославский» в качестве одного из составляющих епископского титула владыки Прохора (в соответствии с Музейским фрагментом); а «Стародубский» и вовсе опущено, поскольку Стародуб никогда не относился к Ростовской епархии, являясь в церковно-административном отношении частью Митрополичьей (позднее – Патриаршей) области, о чём книжники митрополита Даниила, несомненно, были прекрасно осведомлены¹³.

Много позднее, нежели составители Никоновской летописи, уже во второй половине XX в. «обойтись» без Ярослава Стародубского при описании посольства 1319 г. предпочёл и такой видный исследователь русского средневековья, как Л.В. Черепнин. И хотя, по его мнению, в посольстве действовали два человека, но оба они были духовными лицами: «посредниками между двумя князьями выступили епископы ростовский и ярославский»¹⁴. Такая трактовка встретила единодушное неприятие со стороны других историков, справедливо отмечавших, что Ярославль никогда не был самостоятельной епископской кафедрой по отношению к Ростову; вплоть до 1799 г. центр единой епархии находился в Ростове, а затем был перенесён в Ярославль с сохранением епархиальных границ в прежних пределах¹⁵. Принимая во внимание указанные обстоятельства, действительно, невозможно допустить появление рядом с Прохором Ростовским в 1319 г. ещё некоего «Ярославского епископа».

И всё же большая часть исследователей, так или иначе касавшихся вопроса о составе московского посольства к тверичам 1319 г., склонна считать

Ярослава Стародубского реальным историческим лицом, одним из представителей рода стародубских князей. Вот только место этого князя на родовой генеалогической лестнице, а, следовательно, и его личность историки интерпретируют совершенно по-разному. Пожалуй, самой распространённой точкой зрения здесь является та, согласно которой Ярослав – это второе, «княжеское» или «родовое» имя Фёдора Стародубского, почитавшегося позднее в качестве Благоверного князя, принявшего смерть в Золотой Орде. Феномен «двуимённости» в среде древнерусских князей (да и не только князей) прекрасно известен специалистам по русской средневековой культуре и активно ими изучается¹⁶. Поэтому теоретическая возможность существования стародубского князя Фёдора-Ярослава сомнений не вызывает. Другое дело, насколько доказательными являются аргументы, приводимые исследователями в пользу не теоретической, а реальной двуимённости этого исторического лица.

Насколько мы можем судить, впервые разбираемую здесь точку зрения изложил в виде осторожного предположения А.Е. Пресняков в своей монографии, опубликованной в 1918 г. Отметив, что вместе с епископом Прохором, «по Тверской летописи, в переговорах с тверскими князьями выступает «Ярослав Стародубский», он тут же добавляет – «о котором больше ничего не знаем»; однако, далее (в скобках) формулирует своё предположение: «если это только не одно лицо с кн. Фёдором Ивановичем, князем стародубским, который погиб в Орде в 1330 г., и тут, может быть, назван по княжому имени, как по крестному в записи о мученической кончине»¹⁷.

Несколько десятилетий спустя после А.Е. Преснякова на данную точку зрения гораздо решительнее встал В.А. Кучкин. В монографии 1974 г. он не предполагал, а утверждал: «В Ярославе Стародубском следует видеть князя Фёдора Стародубского, упомянутого в... Рогожском летописце под 6838 г. (1330 г. – Д.К.) В средневековой Руси было распространено сочетание княжеского языческого имени Ярослав с крестильным именем Фёдор»¹⁸. Однако и данное утверждение основывается, скорее, на общей посылке о возможности существования князя с двойным именем Фёдор-Ярослав, чем на прямых показаниях источников, что таковым был стародубский князь Фёдор, погибший в Орде в 1330 г. Зато в статье, вышедшей в свет в 1978 г., В.А. Кучкин не только упоминает этого представителя рода стародубских князей под двойным именем – Фёдор-Ярослав, но и приводит источник, в котором в перечне стародубских князей встречаются рядом имена Фёдора и Ярослав. Это пергаменный синодик московского Успенского собора (ГИМ. Синодальное собрание рукописей. № 667), в котором на Л. 66 почерком второй половины XV в. вписано поминание стародубских князей, и перечень имён в том поминании открывают Фёдор и Ярослав. «Очевидно, – комментирует В.А. Кучкин эту поминальную запись, – речь должна идти об одном князе с двойным именем, тем более что до Ярослава другого стародубского

князя по имени Фёдор неизвестно»¹⁹. Впоследствии такое отождествление Ярослава Стародубского – московского посла в Тверь в 1319 г. с князем Фёдором Стародубским, убитым в Орде в 1330 г., неоднократно повторялось в работах как профессиональных, так и самодеятельных историков; Фёдор-Ярослав Стародубский упоминается в некоторых случаях – с отсылкой к публикациям В.А. Кучкина, в других – с обращением непосредственно к синодику московского Успенского собора, а то и вовсе без всяких ссылок, как уже сам собой разумеющийся факт²⁰. О том, насколько эта версия глубоко проникла в массовое историческое сознание и какие причудливые формы в нём приняла, можно судить по историческим материалам, размещенным в интернете непрофессиональными историками. В частности, мы находим на просторах интернета такое фантастическое утверждение: «в 1319 г. в летописи упоминается имя Стародубского князя Фёдора 1 Ивановича Благоверного»²¹.

Но, конечно же, признание такого отождествления всеобщим отнюдь не стало. Например, автора этих строк оно не убеждает по той причине, что в синодике московского Успенского собора мы не находим других примеров, когда бы в синодичные поминания одно лицо *княжеского рода* (выделено нами – Д.К.) записывалось сразу под двумя именами, – «прямым» (крестильным) и «княжим» (мирским), – таким «техническим способом», чтобы эти имена просто ставились рядом, так что без дополнительной информации совершенно невозможно было бы понять – об одном человеке идёт речь или всё-таки о двух разных лицах из одного рода²². При всей, несомненно, широкой распространённости среди древнерусского княжья практики параллельного использования двух имён, в текстах синодиков она отражается вовсе не часто. И в абсолютном большинстве знакомых нам случаев используются те или иные словесные формулы, которые не оставляют сомнения в том, что речь идёт об одной личности. Например, в синодике Успенского собора мы встречаем всего два подобных случая: «князю Володимиру … нареченному во святым крещении Василий» и «Роману и Давыду, рекше Борису и Глебу»²³. Чуть больше такого рода примеров мы найдём в так называемом Царском синодике, который в начале 1557 г. был отправлен из Москвы в Константинополь вселенскому патриарху Иоасафу II: «великого князя, святого Владимира … нареченного во святом крещении Васил(ъ)я», «Бориса и Глеба, нареченных во святом крещении Романа и Давида», «князя Ярослава, нареченного во святом крещении Георгия», «великого князя Владимира Манамаха, во святом крещении Андрея»²⁴. Во всех остальных случаях поминаемые в Царском синодике великие и удельные князья фигурируют только под одним именем – кто-то под крестильным, а кто-то под мирским.

Хотя в качестве единичного исключения можно указать на память «благоверных великих князей» в синодике Чудова монастыря, включающую поминание «великого князя Дмитрия; Всеяволода», то есть Дмитрия-Всеволода

Юрьевича Большое Гнездо, который назван тут и под крестильным, и под княжим именами²⁵. Поэтому, на наш взгляд, остаётся открытым вопрос: можно ли запись князей стародубских в синодике московского Успенского собора, – «Фёдору, Ярославу, Ивану, Фёдору стародубским вечная память»²⁶, – считать исключительным случаем, когда два первых имени – Фёдор, Ярослав означают одного человека – Фёдора-Ярослава?

Но в отличие от нас, среди коллег историков имеется немалое число тех, кто на вышепоставленный вопрос отвечает отрицательно. Так, А.В. Лаврентьев предложил очень смелый и чрезвычайно остроумный вариант атрибуции имён стародубских князей в этом синодике. По его мнению, Фёдор, открывающий перечень в поминальной записи, это второе крестильное имя основателя стародубской княжеской династии, который по летописям и родословным книгам известен нам как Иван Всеолодович († 1246); Ярослав – это княжее имя сына основателя династии, известного по летописным и родословным материалам как Михаил Иванович (1246–1281); а затем идут Иван-Каллистрат Михайлович (1281–1315) и Фёдор Иванович (1315–1330). Относительно последнего Фёдора из синодической записи А.В. Лаврентьев специально отмечает, что «интересующий нас Фёдор Иванович, современник тверского посольства 1319 г., если и носил ещё и «княжее» имя, то оно в любом случае источниками не зафиксировано»²⁷.

Эта атрибуция (как, впрочем, и всякая другая) не бесспорна, и с ней можно было бы полемизировать, но такая полемика увела бы нас очень далеко от темы нашей статьи. Ограничимся здесь тем, что просто зафиксируем наличие такой исследовательской позиции, которая отождествляет Ярослава Стародубского не с Фёдором Стародубским, принявшим смерть в Орде в 1330 г., а со стародубским удельным князем середины – второй половины XIII в. – Михаилом Ивановичем. Причём, такая позиция (определенна позаимствованная из работы А.В. Лаврентьева) уже представлена в интернете, посредством которого она имеет возможность оказывать влияние на массовое историческое сознание непрофессиональной интернет-аудитории. На ресурсе «Генограф. Князівські династії Русі і Литви» мы находим материал С.М. Безносюка, в котором повторяется основной вывод статьи А.В. Лаврентьева (хотя и без прямой ссылки на эту статью): «князь Ярослав-Михаил Иванович Стародубский – второй удельный князь стародубский с 1277 по 1281. Именно он носил дополнительное «княжее» имя Ярослав, скорее всего, родовое, которое было получено князем, надо думать, в честь знаменитого дяди, великого князя Ярослава Всеолодовича и под которым он поминался в пергаменном синодике в Успенском соборе.»²⁸

Иной вариант атрибуции имен стародубских князей из Успенского соборного синодика предложил В.С. Безроднов, который считает, что упомянутый там первым князь Фёдор – это, несомненно, князь Фёдор Иванович (†1329),

а находящийся на третьем месте князь Иван – его сын Иван Фёдорович, изгнанный из Стародуба. Стоящий же вторым князь Ярослав в родословцах и летописях среди стародубских князей не упоминается. (То есть Ярослава из синодичного поминания с князем Ярославом Стародубским из посольства 1319 г. В.С. Безроднов никак не связывает – Д.К.) Но, принимая во внимание то, что в древних синодиках очень часто вместо имён мирских писались имена крестильные, этот исследователь считает возможным допустить, что князь Ярослав – это крестильное имя князя Дмитрия Фёдоровича (старшего сына князя Фёдора Ивановича, известного по родословным книгам и унаследовавшего Стародубское княжество после гибели Фёдора Ивановича в Золотой Орде в 1330 г. – Д.К.)²⁹. Этот анализ Успенского синодика В.С. Безроднов дополняет наблюдением над поминальной записью рода князей Микитиничей-Головчинских из помянника Киево-Печёрской лавры, где опять-таки первым поставлен князь Фёдор Иванович Стародубский, убиенный в Орде, а за ним помещён его старший сын под «прямым» христианским именем Дмитрий (а не под мирским Ярослав как в Успенском синодике)³⁰. Таким образом, и в этом варианте атрибуции нет стародубского князя Фёдора-Ярослава Ивановича, но вместо него появляется Дмитрий-Ярослав Фёдорович Стародубский.

Мнение о том, что «князья Фёдор Иванович и Ярослав Стародубские – два разные лица», по-своему аргументировал М.И. Давыдов. Он не стал подбирать Ярославу Стародубскому пару из числа князей этой династии, упоминаемых в родословных книгах, указав на неполноту всех вариантов родословных росписей Стародубских, в которых имя Ярослава просто пропущено составителями, хотя его реальное существование подтверждается летописями. Поэтому, не смотря на то, что родословные книги при перечислении первых трёх поколений рода Стародубских князей упоминают лишь по одному представителю, на самом деле их могло быть больше. А следовательно Ярослав Стародубский мог быть младшим современником убитого в Орде в 1330 г. князя Фёдора, скорее всего, его младшим братом³¹. Совершенно явно исследовательские выводы М.И. Давыдова повторил С.Н. Абуков, когда писал: «Так как Ярослав Стародубский не известен по родословным, то предполагалось, что это княжеское имя одного из стародубских князей Фёдора Ивановича. Однако в синодике Ярослав назван отдельно. О существовании большего числа потомков Ивана Всеволодовича, о чём мы знаем, может говорить и тот факт, что в трёх поколениях местной династии упоминаются в родословных только по одному представителю.» И из этих соображений С.Н. Абуков допускал реальность существования князя Ярослава Стародубского, пропущенного родословными³².

Наконец, мы можем подвести некоторые итоги обзора исследовательских мнений относительно того, как могли быть связаны между собой Ярослав Стародубский, упоминаемый под 1319 г. в качестве московского посла

в Тверь, и князь Фёдор Стародубский, убитый в Орде в 1330 г. Спектр этих мнений оказывается весьма широк: от отрицания всякой связи, поскольку Ярослав Стародубский попросту не существовал как историческое лицо, а «возник» в результате ошибки тверского летописца начала XV в. (Дж. ФенNEL, Л.В. Черепнин); через поиски различных вариантов родственных связей между ними – Ярослав Стародубский это дед князя Фёдора Ивановича, князь Михаил-Ярослав Иванович Стародубский (А.В. Лаврентьев, С.М. Безносюк), или его старший сын Дмитрий-Ярослав Фёдорович (В.С. Безроднов), или же его младший брат Ярослав Иванович Стародубский (М.И. Давыдов, С.Н. Абуков); вплоть до отождествления данных персонажей в одном лице (А.Е. Пресняков, В.А. Кучкин, Е.Л. Конявская, М.М. Бенцианов, Н.В. и Э.В. Фроловы, О. Прошак). С сожалением приходится отметить, что каждая из этих версий носит лишь более или менее гипотетический характер; никому из исследователей так и не удалось привести в поддержку своей позиции неопровергимых аргументов. А между тем, от ответа на вопрос: был ли князь Фёдор Стародубский, погибший в Орде, одним лицом с послом Ярославом Стародубским, зависит не только возможность «ввести» в биографию князя Фёдора Ивановича Стародубского ещё один эпизод, но и характер оценки его политической позиции в контексте междуукраинской борьбы в Северо-Восточной Руси первой трети XIV в.

Непонятно и каково было отчество князя Фёдора Стародубского. В Рогожском летописце, представляющем собой тверскую редакторскую обработку начала XV в. более ранней тверской летописи, доведённой до 1375 г., князь Фёдор Стародубский упоминается вообще без отчества³³. В Никоновской летописи, составленной в 20-х гг. XVI в., его именуют Фёдором Ивановичем, внуком Михайловым³⁴. Но со времён Н.М. Карамзина в отечественную историографию вошло утверждение, что родословные книги называют Ивана Стародубского его дедом, а Михаила – отцом³⁵. Отчего и в исторической литературе наш герой фигурирует то, как Фёдор Иванович, то, как Фёдор Михайлович. Яркий пример приверженности второму варианту генеалогической схемы мы встречаем в работе И.Ф. Токмакова, который называет стародубского князя Фёдором Михайловичем не только в своём авторском тексте, но и при пересказе содержания известного агиологического справочника архим. Леонида (Кавелина) «Святая Русь» (СПб., 1891), хотя там данный князь фигурирует вообще без отчества³⁶. Даже профессиональный историк в такой ситуации может не сразу уяснить себе, что под разными именованиями речь идёт об одном человеке; чего уж говорить о неискушённом любителе исторических сочинений. Ведь даже библиографы Государственной публичной исторической библиотеки России, составившие предметный каталог для библиотечного сайта, предлагают своим читателям оба варианта: «Фёдор Иванович (по др[угим] свед[ениям] Михайлович), князь стародубский»³⁷.

Но и профессиональному историку не без труда удастся достоверно определить отчество князя Фёдора Стародубского. Никоновская летопись, называющая его Ивановичем, является самым ранним по происхождению источником, в котором присутствует отчество этого князя. Её составители, книжники из окружения митрополита Даниила, определённо пользовались какими-то генеалогическими источниками, типа родословных книг, но какими именно – мы не знаем. Дошедшие до нас тексты родословных книг, в старших своих редакциях на два десятилетия моложе Никоновской летописи: их протографы были составлены в 40-х гг. XVI в. А последняя редакция родословных книг появилась в начале XVII в.³⁸

В списках самой ранней из известных на сегодняшний день редакции родословных книг – Летописной, протограф которой датируется 40-ми гг. XVI в., князь Фёдор Стародубский фигурирует как «сын Михайлов». Но в Румянцевской редакции, составленной между 1541 и 1547 гг., он назван «княж Иванов сын». Так же и в редакциях родословных книг в 43 главы и в 43 главы с приписными, которые теснейшим образом связаны с составлением официального Государева родословца 50-х гг. XVI в., читается «князя Ивана сын». Редакция в 81 главу, которая через ряд последовательных обработок её протографа от конца XVI в. доходит в своём развитии до второй половины XVII в., представляет оба варианта отчества князя Фёдора Стародубского: «князь Михайлов сын» в Пискарёвском списке, и «князь Иван сын» в Музейном списке. Патриаршая редакция, которая в разных своих изводах формировалась на протяжении 60–80-х гг. XVI в., именует Фёдора «княж (князь) Михайлов сын». Так же – «князь Михайлов сын» – он именуется и в Разрядной редакции родословных книг (60-х гг. XVI в.). А редакция начала XVII в. вновь даёт вариативные чтения: «княж Иванов сын» в 1 изводе, и «князь Михайлов сын» во 2 изводе. Из всей этой довольно пёстрой картины можно сделать пока лишь самый предварительный вывод: уже в первой половине XVI в. (20–40-х гг.) существовали два варианта родословия князей стародубских, где князь Фёдор выступал то как сын Иван-Калистрата (Никоновская летопись, Румянцевская редакция родословных книг), то как сын Михайлов (Летописная редакция родословных книг). В дальнейшем оба варианта сохраняли своё присутствие на страницах родословных книг до XVII столетия включительно.

Отдать предпочтение одному из этих вариантов в плане достоверности невозможно, если опираться только на сами родословные книги. Для верификации их сведений нужно привлекать независимые источники. И в качестве таковых в первую очередь выступают летописи. Как ни скучны летописные известия о стародубских князьях, но они всё же позволяют сделать некоторые относительно достоверные выводы. Князь Михаил Иванович упоминается на страницах летописей дважды – под 1276 и 1281 гг.³⁹ Правда он не всегда называется в этих известиях князем Стародубским, но зато именуется с отчеством

и дедичеством – князь Михайло Иванович внук Всеволож, что не оставляет сомнений относительно его родовой принадлежности⁴⁰. Следующее летописное сообщение о представителе рода стародубских князей появляется лишь через тридцать четыре года (а это примерный срок жизни целого поколения в средневековой Руси), и связано оно с кончиной в 1315 г. князя Ивана Михайловича, который в Никоновской летописи именуется внуком Ивановым и правнуком Всеволожим, и с указанием его титула – Стародубский⁴¹. В таком случае, погибший в Орде в 1330 г. князь Фёдор Стародубский должен быть сыном Ивана Михайловича, а не Михаила Ивановича. Ещё одним аргументом в пользу именно такой версии генеалогии стародубских владетелей может послужить поминальная запись в синодиках XVII в. Успенского собора в Ростове: «Род князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Князя Ивана, Благоверного князя Фёдора, Князя Андрея. Князя Василия...»⁴². Эта запись со всей очевидностью отражает родовое предание Пожарских как наследников Стародубских князей, и ведёт это предание от князя Фёдора к Ивану, а не Михаилу.

Ну а что можно сказать о том, когда жил князь Фёдор Иванович Стародубский? О годе его рождения – ничего определённого. Можно лишь предполагать, что он мог появиться на свет в последней четверти XIII в. Да и с годом смерти оказывается не всё так просто, хотя у историков есть летописное свидетельство о гибели князя Фёдора Стародубского в Орде. В Рогожском летописце оно представлено очень кратко: «Того же лета Феодора Стародубского в Орде убиша»⁴³. В Никоновской летописи оно расширено лишь за счёт добавления уже знакомых нам родословных сведений: «Того же лета убиша во Орде князя Феодора Ивановича Стародубского, внука Михаилова, правнука Иванова, прправнука Всеволожа, преправнука Юрья Долгорукаго»⁴⁴. Год смерти князя Фёдора в обеих летописях один и тот же – 6838 от сотворения мира. Для перевода его в привычное нам летоисчисление от Рождества Христова проводят простейшую арифметическую операцию вычитания числа 5508, в результате чего получается 1330 г. Именно так и поступали первые отечественные историки XVIII – первой половины XIX вв. В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, П.М. Строев, Н.С. Арцибашев, без всякого сомнения приводившие 1330 г. как дату гибели в Орде Фёдора Стародубского⁴⁵.

Но в 1853 г. вышел из печати третий том «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва, в котором убийство Стародубского князя ордынцами было отнесено к 1329 г. Эта датировка сохранялась во всех переизданиях данного исторического сочинения, вплоть до 1988 г.⁴⁶ Авторитет С.М. Соловьёва, как несомненного прижизненного классика русской исторической науки, привёл к тому, что введённая им датировка стала распространяться по работам других историков⁴⁷.

Какие же резоны могли быть у С.М. Соловьёва для изменения общепринятого 1330 г. на 1329 г.? Возможно, что он принял за истину утверждение

своего предшественника на поприще полного описания российской истории М.М. Щербатова, который, сообщая об убиении в Орде князя Фёдора Ивановича Стародубского, писал, что это произошло «при начале сего 1330 году»⁴⁸. Сообщение о гибели князя Фёдора Стародубского и М.М. Щербатов, и С.М. Соловьёв знали только по Никоновской летописи. В этом летописном своде, составленном в конце 20-х гг. XVI в., применялся сентябрьский календарный стиль, который утверждался в русском летописании на протяжении XV столетия и к концу его стал господствующим⁴⁹. В соответствии с этим стилем год начинается с 1 сентября. А значит, если бы гибель стародубского князя в Орде имела место в сентябре-декабре, то это был бы ещё 1329 г. (Хотя по летописному тексту совершенно невозможно судить о приуроченности описываемых событий к той или другой части 6838 г.) К тому же С.М. Соловьёв пользовался изданием Никоновской летописи 1786 г. А там издатели допустили явную и грубую ошибку – 6838 г. весь целиком перевели как 1329 г. В том числе и рядом с известием об убийстве стародубского князя стоит дата 1329.⁵⁰ И совершенно не исключено, что уважаемый историк просто проглядел эту ошибку и повторил её в своём сочинении.

Исправить так или иначе возникшую ошибку в датировке интересующего нас события стало возможно благодаря открытию в 1906 г. и публикации в 1922 г. Рогожского летописца. Годовая статья 6838 г. в этом сравнительно раннем летописном памятнике – мартовская, то есть год по ней должен начинаться с 1 марта 1330 г.⁵¹ И поэтому для датировки 1329 г. тут совершенно не остаётся места. Скорее, появляется возможность предположить датировку январам-февралём 1331 г., но и такое предположение неосновательно. Фёдор Стародубский, вероятнее всего, принял смерть в Орде летом 1330 г. Об этом может свидетельствовать день памяти этого Благоверного князя в рукописных и печатных месяцесловах XVII–XIX вв. – 21 или 23 июня⁵². По церковной традиции, в том случае, когда неизвестен точный день кончины подвижника благочестия, его память помещают на день памяти какого-то соимённого ему святого. Но ни 21, ни 23 июня Церковь не празднует памяти какого-нибудь иного Фёдора. Что позволяет с известной долей осторожности рассматривать какой-то из этих дней, как день убийства Благоверного князя в Орде⁵³.

Завершая рассмотрение вопроса о дате смерти князя Фёдора Стародубского, нужно ещё упомянуть о совсем уж нелепых её вариантах, представленных, тем не менее, в солидных историко-генеалогических изданиях и авторитетных агиологических трудах. Так, она может помещаться на 1326 г., что мы встречаем в одной из статей В.С. Безроднова⁵⁴. Хотя в другой своей статье, посвящённой князьям Стародубским, он датировал смерть Фёдора Ивановича 1329 г.⁵⁵ В данном случае перед нами очевидная техническая ошибка, когда последняя цифра даты – девятка почему-то «перевернулась» и превратилась в совсем уж неуместную шестёрку⁵⁶.

Очевидно с подобной же банальной и досадной опечаткой мы имеем дело, и когда обнаруживаем в двух агиологических справочниках указание на смерть Фёдора Ивановича Стародубского в Орде в 1339 г. Так, в «Полном месяцеслове Востока» архиеп. Сергия (Спасского) мы читаем: «Феодор, стародубский благов. князь убит, в Орде Узбеком в 1339 г. 21 июня. Мощи его в Троицкой отчине в с. Олексине к городку Клязэмскому принадлежавшем»⁵⁷. Практически то же самое находим и у архим. Леонида (Кавелина): «Феодор Князь Стародубский (в «Книге о святых» значится в числе Радонежских святых). † Убиен ханом Узбеком 1339 г. июня 21 (по др. 23). Не канонизован. Погребен в бывшей Троицкой отчине, селе Олексине (к городку Клязэмскому принадлежащем»⁵⁸. Скорее всего, и тут ошибочное «9» было случайно поставлено вместо нужного «0». Хотя не исключена и некоторая вероятность того, что владыка Сергий заимствовал неверную дату из какого-то ненадёжного источника, вроде рукописных святцев. (А отец архимандрит явно заимствовал у него.)

Пример такого рода ошибочной датировки в относительно поздних, – конца XVII–XVIII вв., – рукописных агиологических источниках мы можем видеть благодаря исследованию Н.П. Барсукова, который в «Книге о святых» по списку Савваитова обнаружил датировку кончины князя Фёдора Стародубского 6800, то есть 1292 г.⁵⁹ В списке, напечатанном В.М. Толстым, даты смерти нет; и В.М. Толстой, и Н.П. Барсуков определяют её как 1330 г., ссылаясь на Н.М. Карамзина. В списке Савваитова, очевидно, могли быть пропущены литеры славянской буквенной цифри, означающие десятилетия и годы, отчего и родилась совершенно нелепая датировка.

Только явным недосмотром можно объяснить дублировку даты смерти Фёдора Стародубского, которую мы обнаруживаем в «Месяцеслове» архиеп. Димитрия (Самбикина). Сначала там утверждается: «князь Феодор скончался в 1315 г. в своём родовом княжеском уделе Стародубе Ряполовском», что было бы вполне справедливо, если бы речь шла об отце князя Фёдора – князе Иване-Каллистрате Михайловиче, но с кончиной Фёдора Ивановича соотносится не может ни коим образом. Однако буквально несколькими строками ниже помещается иная – совершенно правильная во всех отношениях версия гибели Фёдора Стародубского: «он убит был в Орде 23 июня 1330 г., по приказанию... хана Узбека»⁶⁰.

А почему последовало такое приказание? Что могло послужить причиной казни князя Фёдора? И на эти вопросы в нашей исторической литературе вместо точного и однозначного ответа мы найдём целый спектр авторских мнений, вплоть до самых крайних – взаимоисключающих. Такое продуцирование версий стало возможным в силу полного молчания источников о возможных мотивах ордынской расправы над стародубским удельным правителем.

Ещё в конце позапрошлого столетия А.В. Экземплярский высказал предположение, к которому впоследствии присоединились в той или иной степени и другие исследователи, что гибель в Орде Фёдора Ивановича, как и ряда других современных ему князей, совершилась «по думе» Ивана Калиты, который около того времени начал сильно теснить удельных князей и приносить на многих из них изветы татарскому хану. Такое предположение, безусловно, теоретически возможно, но практически совершенно недоказуемо, поскольку опирается не на показания источников, а только на общий контекст междоусобной борьбы в Северо-Восточной Руси в первой половине XIV в.⁶¹

Однако к оценке данного контекста можно подойти с прямо противоположными позициями, что и было сделано в работах ряда исследователей, которые возложили вину за гибель Фёдора Стародубского не на Ивана Калиту, а на его политического конкурента – Суздальско-Нижегородского князя Александра Васильевича. Наиболее отчётливо и аргументированно эта позиция представлена в исследованиях В.А. Кучкина, который, как мы помним, настаивал на отождествлении Фёдора Стародубского с Ярославом Стародубским из московского посольства в Тверь в 1319 г., и считал князя Фёдора-Ярослава верным союзником Москвы. «Можно высказать догадку, – писал в этой связи В.А. Кучкин, – что убийство стародубского князя в Орде в 1330 г. было связано с поисками великого князя Александра Васильевича Суздальского, которому в то время принадлежали Владимир и Нижний Новгород, то есть соседние со Стародубским княжеством территории, и который, по-видимому, был заинтересован в расширении своих владений за счёт слабого соседа.»⁶²

Дополнительные аргументы геополитического характера привёл в пользу данной точки зрения Н.В. Фролов, отметивший, что территория Стародубского княжества вклинивалась во владения Александра Васильевича, отрезая Владимир от прямого пути на Нижний Новгород и нарушая важные коммуникации между Суздалем и Поволжьем. И если бы Ивану Калите удалось привлечь Фёдора Стародубского на свою сторону, то Владимир оказался бы зажат между Москвой и Стародубом, враждебными Суздальскому великому князю. Оттого Александр Суздальский, по мнению Н.В. Фролова, и сделал донос на Фёдора Стародубского хану Узбеку, который и погубил стародубского владетеля⁶³.

Причём, стоит отметить, что в работах профессиональных историков мнение о вине великого князя Александра Васильевича Суздальского в гибели Фёдора Ивановича Стародубского высказывается осторожно, лишь в виде предположения. А вот «популяризаторы», размещающие «исторические» материалы в интернете, преподносят эту версию как исторически доказанный факт, да ещё сопровождают её оскорбительными (и при этом абсолютно ни на чём не основанными) нападками на моральный облик Александра Васильевича⁶⁴.

Хотя, прежде чем настаивать на этой версии, стоило бы задуматься: а каким образом гибель князя Фёдора Стародубского могла бы способствовать присоединению его земель к владениям Суздальского великого князя? После гибели в Орде в 1330 г. князю Фёдору Ивановичу наследовал его старший сын – Дмитрий Фёдорович, и Стародубское княжество продолжило своё независимое существование. В XIV столетии, чтобы присвоить себе чужое княжество, нужно было либо выкупить в Орде ярлык на него и затем оккупировать его территорию (с татарской вооружённой поддержкой или без неё), либо просто совершить вооружённый захват и оккупацию чужого удела без всякой оглядки на Орду. Именно последним путём и пошло московское боярское правительство, распоряжавшееся при малолетнем князе Дмитрии Ивановиче, когда в 1363 г. московские войска захватили Стародуб и изгнали его князя – Ивана Фёдоровича. И более чем показательно то, что изгнаник пошёл искать убежища в Нижнем Новгороде у князя Дмитрия Константиновича⁶⁵. Последний был племянником Александра Васильевича Суздальского, подозреваемого некоторыми историками в причастности к гибели Фёдора Стародубского. Очевидно, князя Ивана Фёдоровича такие подозрения не мучали, иначе трудно объяснить, почему он поехал искать защиты от москвичей у близкого родственника человека, который мог быть виновником гибели его отца.

Впрочем, и после 1363 г. Стародубское княжество никуда не исчезло; в Стародубе стал править князь Андрей Фёдорович, младший сын Фёдора Ивановича. Князь Андрей Стародубский принял на себя роль верного слуги, «подручника» московского князя Дмитрия Ивановича и усердно исполнял её всю свою жизнь⁶⁶. А, поскольку его старшего брата Ивана Фёдоровича едва ли можно отнести к сторонникам Москвы⁶⁷, то едва ли можно говорить и о какой-то общей и постоянной политической ориентации князей стародубской династии. Скорее правы те исследователи, которые говорили о том, что стародубским князьям, в том числе Фёдору Ивановичу Благоверному, постоянно приходилось лавировать между более сильными политическими центрами Северо-Восточной Руси XIV в.⁶⁸

И в этой связи мы вынуждены вновь вернуться к оценке политической ситуации 1319 г., когда одним из участников московской дипломатической миссии мог быть князь Ярослав Стародубский, отождествляемый в историографии с князем Фёдором Стародубским. Ведь именно участие Фёдора-Ярослава Стародубского в этой миссии и дало В.А. Кучкину считать этого князя союзником Москвы, а из этого выводить заинтересованность и возможную причастность к его гибели в 1330 г. московского противника – великого князя Александра Васильевича Суздальского. Но при отсутствии прямых показаний источников, не менее правомочным выступает и предположение Э. Клюга, согласно которому князь Юрий Иванович Московский в 1319 г. избрал в качестве дипломатического посредника князя, сохранявшего политический

нейтралитет⁶⁹. В таком случае все подозрения относительно враждебных устремлений сузальского великого князя против стародубского князя, как «союзника Москвы», просто повисают в воздухе.

Поскольку попытки вывести объяснение убийства Фёдора Стародубского в Орде из анализа русских междукняжеских противоречий первой трети XIV в. не приводят ни к какому конкретному результату, то остаётся ещё возможность поиска таких объяснений в контексте русско-ордынских отношений того времени. В обращении к такой возможности мы отнюдь не оригинальны, она уже рассматривалась в исторической литературе и до нас. И в качестве наиболее вероятной причины гнева хана Узбека на князя Фёдора Ивановича называлась реальная или мнимая утайка части ордынского «выхода», дани, уплачивавшейся в Орду со Стародубского княжества⁷⁰. Действительно, поскольку Стародуб являлся самостоятельным княжеским столом, то его владетель был субъектом уплаты дани в Орду⁷¹. Право на сбор ордынского «выхода» на территории Стародубского княжества фиксируется ещё в третьей четверти XV в. в меновой грамоте князей Фёдора Даниловича Пожарского и Михаила Ивановича Голибесовского⁷². Однако собранная на территории удельного княжества ордынская дань могла доставляться в Орду как непосредственно удельным владетелем, так и через посредство Владимирского великого князя. И, по мнению В.Д. Назарова, в истории Стародубского княжества, скорее всего, имел место второй вариант⁷³. Если этот авторитетный исследователь прав, то Александру Васильевичу Сузальскому, явившемуся в 1330 г. великим Владимирским князем, весьма рискованно было бы обвинять Фёдора Ивановича Стародубского в утаивании части ордынского «выхода» (а именно о таких обвинениях, ставших гибельными для стародубского князя, идёт речь в одной из краеведческих публикаций)⁷⁴. Спрос за недоимку мог быть и с него тоже. Во всяком случае, и версия убийства князя Фёдора Стародубского в Орде за неуплату ордынской дани остаётся таким же гипотетическим предположением – возможным, но недоказуемым, как и все ранее рассмотренные версии.

Наконец, само прозвание, которое по традиции закрепилось за князем Фёдором Ивановичем Стародубским – Благоверный, подсказывает ещё один возможный вариант объяснения его смерти в Орде в 1330 г. – мученическая кончина за исповедание православной веры, о чём уже неоднократно было написано в нашей исторической литературе⁷⁵. И снова приходится повторять, что это только возможный, но отнюдь не доказанный вариант объяснения событий 1330 г. Современные этим событиям источники ничего об исповедническом подвиге князя Фёдора не сообщают. Житийное предание об этом подвиге, зафиксированное во время церковного следствия о праздновании князю Фёдору Стародубскому в 40-х гг. XVIII в., в лучшем случае может быть отнесено к первой половине XVII в.⁷⁶ Анализ этого предания является само-

стоятельной задачей, требующей применения специальных исследовательских методик, которые способны вскрыть находящееся под легендарными напластованиями рациональное зерно. Здесь же мы только отметим, что предание построено на мотиве вооружённого противостояния с ордынцами, что не выглядит совсем уж фантастично для эпохи, когда состоялась Бортневская битва 22 декабря 1317 г., в которой тверской князь Михаил Ярославич разбил объединённое войско московского князя Юрия Даниловича и тёмника Золотой Орды Кавгадыя, а в 1327 г. во время восстания в Твери был полностью уничтожен татарский отряд тёмника Чолхана. И вместе с тем в предании напрочь отсутствует мотив насильтственного принуждения стародубского князя к принятию ислама, что опять-таки полностью соответствует историческим реалиям XIV столетия – нам неизвестно ни одного достоверного факта подобного принуждения. Но на страницах периодических изданий или на интернет-сайтах нынешние популяризаторы истории без всякого смущения преподносят некие попытки обращения стародубского князя в ислам не только как часть легендарного предания, но и как исторически достоверный факт⁷⁷. Прежде чем подвёрстывать под прозвание Благоверный те или иные предполагаемые «исторические реалии», необходимо разобраться (насколько это возможно) в том, когда и при каких обстоятельствах такое прозвание могло возникнуть, и какова может быть его семантическая нагрузка.

И начать здесь стоит с того, что в литературе мы неоднократно встретим именование его Неблаговерным, с глухой ссылкой на некие родословцы в качестве источника, где такое именование находится⁷⁸. Родословцы эти неизменно упоминаются во множественном числе. На самом же деле, находится такое наименование всего лишь в одном списке родословной книги из собрания бывшего Московского архива Министерства иностранных дел (ныне в фондах РГАДА). Но, по злой иронии судьбы, именно этот список был опубликован в 1851 г.⁷⁹ Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с откровенной ошибкой переписчика рукописи, на что, ещё в начале XX в., абсолютно справедливо указывал Г.А. Ряжский⁸⁰. И этот один дефектный список не может не только перевесить, но даже хоть сколько-нибудь уравновесить громадную традицию именования князя Фёдора Стародубского Благоверным.

Попутно отметим и ещё один момент, который, подобно именованию «неблаговерный», бросает тень на нравственный облик стародубского князя. В 1847 г. вышел в свет двенадцатый том «Справочного энциклопедического словаря», издававшегося К. Крайлем, где в статье о князе Фёдоре Стародубском утверждалось: «Феодор, с братом своим, был послан отцом в орду и подвигнул Узбека к умерщвлению кн. Александра Тверского (1339)»⁸¹. При всей очевидной нелепости данного утверждения, его откровенном противоречии историческим источникам, хорошо известным уже в середине XIX в.,

оно, тем не менее, продолжало повторяться в справочной литературе вплоть до начала XX столетия, а в настоящее время воспроизводится в интернете⁸². Совершенно ясно, что князь Иван Михайлович Стародубский, преставившийся в 1315 г., не мог послать в Орду в 1339 г. своего сына Фёдора Ивановича, погибшего в 1330 г. И, напротив, совершенно неясно, а что это за брат, который был послан в Орду вместе с Фёдором, поскольку ни летописи, ни родословные книги братьев у него не называют⁸³. Поэтому доброе имя Благоверного князя Фёдора Ивановича Стародубского никоим образом не может пострадать от обвинений в причастности его к гибели в Орде в 1339 г. тверского князя Александра Михайловича, ввиду явной анахронистичности этих обвинений.

Возвращаясь к анализу прозвания Благоверный, зададимся вопросом: а что собственно оно могло означать для современников и потомков князя Фёдора? Тем более, что вопрос этот уже поднимался в отечественном учёном сообществе. Во время работы Третьего Областного историко-археологического съезда во Владимире, на заседании 21 июня 1906 г. в ходе обсуждения доклада Г.А. Ряжского «Благоверный князь Стародубский (этюд по агиологии)» С.Ф. Платонов заметил, что название князя Феодора благоверным ещё не говорит о его канонизации, так как слово это являлось прозвищем, которое получали также и другие князья⁸⁴. На что Г.А. Ряжский в печатном варианте своего исследования резонно возразил, что «благоверный» это нарицательный эпитет, широко прилагаемый Церковью к именам всех православных правящих князей и членов их семейств, но для князя Феодора Стародубского он имел значение именно личного прозвища⁸⁵. Действительно, риторически-возвышенные эпитеты «благоверный» или «христолюбивый» в прибавлении к имени князя можно встретить во многих древнерусских сочинениях литературно-публицистического характера или, скажем, в текстах синодических памятей. И там они прилагаются к князьям и княгиням, которые никогда не были церковно канонизированы, и даже не имели народного почитания в качестве угодников Божиих. Но для князя Фёдора Ивановича Стародубского мы находим определение «благоверный» в текстах такой жанровой природы, которая никакой риторики не допускала – в актах и родословных книгах. Там оно может быть только личным прозванием, которое, конечно же, не свидетельствует о его церковной канонизации, но определённо свидетельствует о народном почитании князя Фёдора Ивановича в кругах его потомков и населения бывшего Стародубского княжества.

Самые ранние дошедшие до нас примеры именования Фёдора Стародубского Благоверным относятся к 40-м гг. XVI в. Так, в Духовной грамоте (завещании) княгини Аксиньи Ромодановской 1542/43 г., как на что-то привычное и хорошо знакомое жителям села Алексина, указывается: «в Олексин к Пречистой, где лежить благоверный князь Фёдор»⁸⁶. Тут же укажем ещё

один акт второй половины XVI в. – запись о вкладах старца Ионы Протопопова: «дал село Олекино … а в селе II церковь Рождество Пречистой, а лежить в неи князь Фёдоръ благоверной»⁸⁷. Причём, по мнению В.Д. Назарова, погребение убитого в Орде князя Фёдора Благоверного в церкви Рождества Богородицы в селе Алексине почти наверняка находилось и в предшествующем XV столетии⁸⁸.

К 40-м гг. XVI восходит отражение этой традиции и в текстах родословных книг. Если в первой Летописной редакции этих историко-генеалогических сочинений именование князя Фёдора Стародубского Благоверным мы ещё не находим, то уже в Румянцевской редакции (1541–1547 гг.) в текст сделано добавление «а прозвище ему Благоверной», которое с незначительными (сугубо грамматическими) разнотениями встречается во всех остальных редакциях родословных книг, во всех изводах и абсолютно во всех списках.

О том, что перед нами именно живая, незатухающая традиция почитания Фёдора Стародубского как Благоверного князя, свидетельствует уже цитированная выше запись рода князя Д.М. Пожарского в синодике XVII в. Успенского собора в Ростове, где упоминается Благоверный князь Фёдор⁸⁹. Для синодичных текстов более раннего времени такое именование князя Фёдора неизвестно. Это именование нельзя было механически списать из каких-то прежних синодичных памятей, его нужно было сознательно вписать рядом с именем князя Фёдора – прямого предка Д.М. Пожарского.

1. Рогожский летописец / Рогожский летописец: Тверской сборник // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XV. М., 2000. Стб. 40. Ср.: Тверской сборник // Там же. Стб. 412: «поиха на Тверь Прохоръ, епископъ Ростовскии, Ярославъ Стародубъскій, зовуще князя Александра (къ) князю Юрию въ любовь».
2. Фрагмент Тверского летописного свода на лл. 145–155 рукописи Гос. Исторического музея. Музейское собр. № 1473 / Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 36.
3. Насонов А.Н. О тверском летописном материале… С. 33; Лурье Я.С. 1) Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 50; 2) Летопись Тверская (или Тверской сборник) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2 Л–Я. Л., 1989. С. 62.
4. Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. Сс. 121–123.
5. Там же. Сс. 123–125.
6. Конявская Е.Л. Образ князя в русских летописях: Александр Михайлович Тверской // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. Сс. 167–168.
7. Fennell J.L.I. The Emergence of Moscow, 1304–1359. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1968. Р. 92–93, Not. 3.
8. Лаврентьев А.В. Два Фёдора и «Ярославъ Стародубъскыи»: об одной ошибке Рогожского летописца и её последствиях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 4(94). С. 64.
9. Там же. С. 59.
10. Там же. С. 65.

11. Там же. С. 64.
12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 186.
13. О церковно-административной принадлежности Стародуба см.: *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. Сс. 370–371; *Давыдов М.И.* Стародуб Ряполовский в XIII – 70-х гг. XVI в.: политическое развитие, административно-территориальное устройство, эволюция структур землевладения. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. Владимир, 2004. Сс. 123–125. А.В. Лаврентьеву пришлось обосновывать возможность применения ко владыке Прохору титула «Ростовский, Ярославский и Стародубский» допущением, согласно которому, этот епископ как, ближайший сподвижник главы Русской Церкви митрополита Петра, после кончины последнего возглавлявший митрополию до приезда на Русь нового первоиерарха, митрополита Феогноста, мог получить от митрополита в управление, кроме Ростова и Ярославля, и Стародуб как часть владений Митрополичьего дома. – см.: *Лаврентьев А.В.* Два Фёдора и «Ярославъ Стародубскыи»... С. 64. При всей несомненной остроумности данного аргумента, он всё-таки остается лишь гипотетическим предположением, а не твёрдо доказанным фактом; никаких сообщений о передаче епископу Прохору под временное управление Стародуба с окрестой в дошедших до нас источниках не имеется.
14. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 473.
15. См.: *Fennell J.L.I.* The Emergence of Moscow... Р, 93; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994. С. 144, Прим. 122; *Лаврентьев А.В.* Два Фёдора и «Ярославъ Стародубскыи»... С. 64.
16. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* 1) Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006; 2) «Се яз раб божий...». Многоимённость как фактор и факт древнерусской культуры. СПб., 2020.
17. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 366, Прим. 79.
18. *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. С. 125, Прим.153. Относительно последнего пункта из вышеприведённой цитаты В.А. Кучкина скептически высказался А.В. Лаврентьев: «Всё же стоит отметить, что князь Фёдор-Ярослав известен только один, великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Чаще крестильное имя Фёдор встречается в сочетании с иным «княжим» именем, Мстислав». – см.: *Лаврентьев А.В.* Два Фёдора и «Ярославъ Стародубскыи»... С. 60, Прим. 6.
19. *Кучкин В.А.* Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. Сс. 246, 250, Прим. 12.
20. *Фролов Н.В., Фролова Э.В.* 1) Стародуб – городок над Клязьмой / Летопись Ковровского уезда. Вып. 4. Ковров, 1997. С. 14; 2) На древней земле Стародуба. К 850-летию Стародуба на Клязьме. Ковров, 2002. С. 8; *Фролов Н.В.* Отдавший жизнь за родину и веру // Призыв. 22 июля 2010. № 106 (архивировано: <http://www.vladregion.info/articles/otdavshii-zhizn-za-rodinu-i-veru>); *Герасим (Лапенков), иером.* История Стародубского княжества: основные события и их значение // Труды Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии. Иваново, 2014. Вып. 1. С. 63; *Бенцианов М. М.* Синодик московского Успенского собора XIV–XVI вв. Принципы и закономерности внесения имён // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 10. М., 2021. С. 31; *Прошак О.* Синодик ризницы Троице-Сергиева монастыря 1575 года – Общее поминование титулованных особ. Ч. I // https://www.academia.edu/45148959/Синодик_riznicy_Troице_Сергиева_монастыря_1575_года_Общее_поминование_титулованных_особ
21. Стародубское княжество и князья Стародубские в 13–14 вв. // http://files.i-edu.ru/deturbur/mal_gor/kovrov/htm/ist_3.html
22. Иное дело – записи о поминании рядовых дворян, где, действительно, соседство крестильного и мирского имен встречается нередко. Однако и эти записи построены таким образом,

- что совершенно понятно – оба имени относятся к одному человеку: «Никифору Болдырю Фёдорову сына Юрьева Ивану Губе Василью Шилу Фёдоровымъ Детемъ Соболева Игнатию Шишке Васильеву сыну Чертова» – см.: Древняя Российская вивлиофика. М., 1788. Ч. VI. С. 468. При том, что мы намеренно опустили при цитировании запятые, чтобы через их посредство не подсказывать заранее правильный ответ, едва ли у кого возникнут сомнения, что в процитированном отрывке Успенского соборного синодика речь идёт о четырёх лицах.
23. Древняя Российская вивлиофика. Ч. VI. С. 438.
 24. Каштанов С.М. Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 398.
 25. См.: Алексеев А.И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4(55/56) С. 29.
 26. Древняя Российская вивлиофика. Ч. VI. С. 449.
 27. Лаврентьев А.В. Два Фёдора и «Ярославъ Стародубскыи»... Сс. 62–63.
 28. Безносюк С.М. Стародубські Ряполовські // http://rurik.hostenko.com/2020/01/05/starodubskie/#identifier_18_1555. Ср.: «на уделе сидел ... вторым Михаил Иванович, и именно он должен был носить дополнительное «княжое» имя Ярослав, скорее всего, родовое, которое было получено князем, надо думать, в честь знаменитого дяди, великого князя Ярослава Всеволодовича и под которым он поминался на службах в Успенском соборе». (Лаврентьев А.В. Два Фёдора и «Ярославъ Стародубскыи»... С. 63.)
 29. Ярослав не может быть крестильным именем для князя Дмитрия Фёдоровича Стародубского, поскольку это имя не христианское. Если старший сын Фёдора Ивановича Стародубского действительно носил эти два имени, то крестильным должно быть – Димитрий, а Ярослав – мирским, «княжым».
 30. Безроднов В.С. Родословие князей Стародубских и происхождение князей Путятиных (по материалам синодика князей Микитиничей-Головчинских) // Генеалогический вестник. Вып. 3. СПб., 2001. Сс. 32–33.
 31. Давыдов М.И. Стародуб Ряполовский в XIII – 70-х гг. XVI в. ... Сс. 43, 48, 55–56.
 32. Абуков С.Н. 1) К вопросу о происхождении тётки Семёна Гордого княгини Анны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 1. Сс. 8, 11, Прим. 53; 2) К вопросу о происхождении тетки Семена Гордого княгини Анны (Ещё раз о родственных связях московских князей в XIV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXXVI. СПб., 2017. С. 20, Прим. 44. И вновь, при практически дословном повторении текста из диссертации И.М. Давыдова, мы не находим ссылок на неё.
 33. Рогожский летописец. Стб. 45.
 34. Летописный сборник, именуемый Патриаршой или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. С. 203.
 35. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 293, Прим. 308. Ср.: Справочный энциклопедический словарь / изд. К. Крайя. СПб., 1847. Т. XII Ц–V. С. 457.
 36. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание города Коврова с уездом. 1903. С. 31, Прим. 43.
 37. См.: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/CatalogsSearch/Rubric.aspx?RubricId=84351>
 38. Классификацию родословных книг по редакциям и изводам (с указанием списков), их датировку и содержательную характеристику см.: Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
 39. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. С. 175; Летописный сборник, именуемый Патриаршой или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. Сс. 153, 159.
 40. Впрочем, в исторической литературе указывалось на разногласие первоисточников – летописей, а вслед за ними и родословных книг относительно года смерти Михаила Ивано-

вича: «Воскресенская летопись, Бархатная книга и М.Г. Спиридов в своих исследованиях таковыми считают 1315 г., тогда как Никоновская летопись указывает 1281, который и принят почти всеми историками, как более вероятный». (Сербов Н. Стародубские, удельные князья // Русский биографический словарь. Т. XIX. Смеловский – Суворина СПб., 1909. С. 346.) В этой связи, прежде всего, стоит отметить, что 1281 г., это не год смерти, а последнего летописного *прижизненного* упоминания князя Михаила Ивановича Стародубского. И строго говоря, точная дата его смерти неизвестна. Далее, указание Никоновской летописи одиноко противостоит целой группе источников и исследований, относящих смерть Михаила Ивановича на 1315 г. Но на самом деле ситуация прямо противоположная – большинство наших летописей, отметивших смерть стародубского князя в 1315 г., называют его не Михаилом Ивановичем, а Иваном Михайловичем – см.: Присёлков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.;Л., 1950. С. 355; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 160; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 97; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 174; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. С. 179; Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивская) летопись. М., 2009. С. 102. И только одна Воскресенская летопись говорит о преставлении в 1315 г. Михаила Ивановича Стародубского. (Летопись по Воскресенскому списку. Сс. 186–187.) Это, безусловно, отступление от исторической истины, допущенное составителями Воскресенской летописи то ли случайно, по ошибке, то ли осознанно, по какому-то неизвестному для нас мотиву. Дошедшая до нас редакция этой летописи появилась в 40-х гг. XVI в., то есть в то самое время, когда в родословные книги, в редакции, близко связанные с официальным Государевым родословцем, так же был внесён 1315 г., как дата преставления Михаила Ивановича – см., например: Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 68. Совершенно не исключено, что появление этой неверной даты в Воскресенской летописи и редакциях родословных книг 40–50-х гг. в. могут быть взаимосвязаны (например, в виде прямого заимствования из летописи в родословцы). А один из первых исследователей русской средневековой генеалогии М.Г. Спиридов вставил в своё исследование ошибочную дату смерти Михаила Ивановича Стародубского, встреченную им в родословных книгах, не удосужившись проверить её по летописям, хотя Никоновская и Львовская летописи ко времени его учёных трудов уже были опубликованы. ([Спиридов М.Г.] Сокращённое описание служб благородных российских дворян, расположенное по родам их, с показанием, от кого те роды начало свое получили . . . М., 1810. Ч. 2. С. 56.)

41. Летописи, сообщающие о преставлении в 1315 г. князя Ивана Михайловича Стародубского, указаны выше в примечании 40.
42. Синодики XVII и XVIII веков Ростовского Успенского собора / А.А. Титов. Ростов-Великий, 1903. Сс. 14, 35.
43. Рогожский летописец. Стб. 45.
44. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. С. 203.
45. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. V–VI История Российской. Ч. III–IV. М., 1996. [Т. V. Ч. III.] С. 85; Щербатов М.М. История российская от древнейших времён. Т. III. СПб., 1774. С. 337; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. С. 139; Строев П.М. Ключ к Истории Государства Российского Н.М. Карамзина. Ч. 2. М., 1836. Генеалогическая таблица (роспись) VIII; Арцибашев Н.С. Повествование о России. Т. II. М., 1838. С. 86, Прим. (а).
46. Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3–4. История России с древнейших времён. М., 1988. С. 227. В дореволюционных изданиях «Истории России» С.М. Соловьёва к третьему тому прилагались генеалогические таблицы древнерусских князей. На таблице № 1 Племя Всеволода III-го, в стемме д) Племя Ивана Всеволодовича представлена династическая

- линия князей Стародубских (идущая от Михаила Ивановича Стародубского), и в ней представлен князь «Феодор упом[инается] в 1329 г.».
47. См., например: *Ряжский Г.А. Кончина и погребение Стародубского князя Феодора Ивановича Благоверного // Труды Третьего Областного историко-археологического съезда*, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. с. разд. паг. Сс. 4, 9; *Безроднов В.С. Новое о князьях Стародубских // Рождественский сборник*. Вып. III. Ковров, 1996. С. 5, Генеалогическая таблица: «Фёдор Благоверный, кн. Стародубский ум. 21.6.1329». В каких-то печатных изданиях и материалах в интернете эта дата приводится с некоторым сомнением: «Фёдор Иванович Благоверный, убитый в Орде в 1329 или 1330 г.» (*Гребельский П.Х. Стародубское княжество // Дворянские роды Российской империи*. Т. I Князья. СПб, 1993 С. 306; «Это случилось в 1329 или 1330 годах – в летописях нет единства по поводу данного сюжета». (*Королёв С. Интернет-энциклопедия «Виртуальный город Владимир» // https://vgv33.ru/kovrov/streets/999610/5.htm*. Сторого говоря, вот тут-то в летописях как раз полное единство – 6838/1330 г.) Но читатель Государственной публичной исторической библиотеки России, обратившийся за сведениями о Фёдоре Стародубском к её предметному каталогу, найдёт безапелляционное утверждение, что тот умер в 1329 г. – см.: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/CatalogsSearch/Rubric.aspx?RubricId=84351>
48. *Щербатов М.М. История российская от древнейших времён*. Т. III. С.337.
49. *Беляев И.Д. Хронология Нестора и его продолжателей // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. М., 1846. № 2(6). Заседание 28 сентября. С. 38; *Бережков Н.Г. 1) О хронологии русских летописей по XIV в. включительно // Исторические записки*. Кн. 23. М., 1947. С. 349; 2) *Хронология русского летописания*. М.. 1963. Сс. 32, 34.
50. *Русская летопись по Никонову списку*. Ч. 3 до 1362 г. СПб., 1786. С. 155.
51. *Бережков Н.Г. 1) О хронологии русских летописей по XIV в. включительно*. С. 326; 2) *Хронология русского летописания*. М.. 1963. С. 34; *Гришина Н.Г. Хронология Рогожского летописца*. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2003. Сс. 18–19.
52. Указания на дни памяти Благоверного князя Фёдора Стародубского в древних месяцесловах см.: *Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока*. М., 1876. Т. II Ч. 3. Прил. 3. С. 69; Переиздано: М., 1997. Т. III. Ч. 3. Прил. 3. Сс. 575–576; *Стромилов Н. Благоверный Фёдор, князь Стародубский // Владимирские епархиальные ведомости*. Часть неофициальная. 1884. № 13 С. 428.
53. В исторической литературе 21 или 23 июня, как дата гибели князя Фёдора, указывается в статье Н. Стромилова: «убит в Орде 23-го июня 1330 г.» (*Стромилов Н. Благоверный Фёдор, князь Стародубский*. С. 428); в Русском биографическом словаре: «По повелению хана Узбека Ф[ёдор] был убит 23 июня 1330 года» (*Здр-въ К. Феодор Иванович, св. благоверный князь стародубский // Русский биографический словарь*. Т. XXV Яблоновский – Фомин. 1913. СПб., С. 274); на генеалогической стемме в статье В.С. Безроднова: «ум[ер] 21.6.1329» (*Безроднов В.С. Новое о князьях Стародубских // Рождественский сборник*. Вып. III. Ковров, 1996. С. 5, Генеалогическая таблица); в справочнике Д.В. Донского: «Убит 23 июня 1330 г. в орде по приказу хана Узбека» (*Донской Д.В. Рюриковичи. Исторический словарь*. М., 2008. С. 616).
54. *Безроднов В.С. Родословие князей Стародубских и происхождение князей Путятиных...* С. 32.
55. *Безроднов В.С. Новое о князьях Стародубских*. С. 5, Генеалогическая таблица.
56. Эта явно техническая ошибка (возникшая, скорее всего, при наборе текста статьи, а потом не усмотренная при корректуре издания), уже была критически отмечена в историографии – см.: *Лаврентьев А.В. Два Фёдора и «Ярославь Стародубский»...* С. 60. Прим. 5.
57. *Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока*. М., 1876. Т. II Ч. 3. Прил. 3. С. 69; Переиздано: М., 1997. Т. III. Ч. 3. Прил. 3. Сс. 575–576.

58. Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых изложены в таблицах, с картой России и планом киевских пещер: справочная книжка по русской агиографии. СПб., 1891. Сс.146, 147.
59. Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб, 1882. Стб. 600.
60. Димитрий (Самбикин), архиеп. Месяцеслов святых, всей Русской Церковью или местно чтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и святых угодников Божиих в нашем отечестве. Вып. X Июнь. Тверь, 1900. Сс. 186, 187.
61. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 180; Сербов Н. Стародубские, удельные князья. С. 346; Безносюк С.М. Стародубські Ряполовські. Некоторые исследователи осмотрительно приводят эту версию наряду с другими, имеющимися в историографии – см., например: Фролов Н.В., Фролова Э.В. 1) Стародуб – городок над Клязьмой. С. 14; 2) На древней земле Стародуба. С. 8.
62. Кучкин В.А. 1) Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 262, Прим. 171; 2) Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в. С. 246.
63. Фролов Н.В. 1) Из истории ратной славы Ковровского края // Потомству в пример. Из истории боевой славы Ковровского края. Ковров, 1996. С. 4; 2) Отдавший жизнь за родину и веру.
64. См.: Королёв С. Интернет-энциклопедия «Виртуальный город Владимир».
65. Сокращённый летописный свод 1493 года // ПСРЛ. Т. XXVII Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. М., 2007. С. 243; Сокращённый летописный свод 1495 года // Там же. С. 327; Летописный сборник, именуемый Патриаршой или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 2.
66. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья... Т. II. С. 182–183; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 263, Прим. 177; Коган В.М. История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования). СПб., 1993. С. 48.
67. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья... Т. II. С. 182; Сербов Н. Стародубские, удельные князья. С. 347; Кучкин В.А. Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в. С. 246; Бенцианов М. М. Синодик московского Успенского собора... С. 31.
68. См., например: Фролов Н.В., Фролова Э.В. 1) Стародуб – городок над Клязьмой. С. 14; 2) На древней земле Стародуба. С. 8.
69. Клюг Э. Великое княжество Тверское. С. 144. Прим. 122.
70. Фролов Н.В., Фролова Э.В. 1) Стародуб – городок над Клязьмой. С. 14; 2) На древней земле Стародуба. С. 8; Фролов Н.В. Отдавший жизнь за родину и веру.
71. Назаров В. Д. Средостение документа и нарратива: о статусе Стародубского княжества и Стародубских Рюриковичей (XV – начало XVI вв.) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 359.
72. «А пошлины ординские и выход мне, кн(я)зь Фёдору, снимати». ([1450–70-е гг.] – Меновая кн. Фёдора Даниловича Пожарского кн. Михаилу Ивановичу [Голибесовскому] на д. Ивановское за его с. Троицкое и дд. (?) Голибесовские [в Стародубе Ряполовском] / Назаров В.Д. Акты XV века из архива судзальского Спасо-Евфимьевского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 18.)
73. Назаров В. Д. Средостение документа и нарратива... С. 359.
74. См.: Фролов Н.В. Отдавший жизнь за родину и веру.
75. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья... Т. II. С. 180; Дмитрий (Самбикин), архиеп. Месяцеслов святых, всей Русской Церковью или местно чтимых... Вып. X Июнь. С. 187; Малицкий Н. Дело о церковном чествовании князя Фёдора Стародубского в селе Алексине // Он же. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. II. Владимир, 1906. С. 12; Ряжский Г.А. Кончина и погребение Стародубского князя Феодора Ивановича Благоверного. Сс. 4–5; Сербов Н. Стародубские, удельные князья. С. 346; Безносюк С.М. Стародубські Ряполовські; Фролов Н.В., Фролова Э.В. 1) Стародуб – городок над Клязьмой. С. 14; 2) На древней земле Стародуба. С. 8; Фролов Н.В. 1) Из истории ратной славы Ковровского края. С. 4; 2) Отдавший жизнь за родину и веру; Королёв С. Интернет-энциклопедия «Виртуальный город Владимир».

76. Малицкий Н. Дело о церковном чествовании князя Фёдора Стародубского... С. 7.
77. «Принявший ислам и сделавший его официальной религией монгольского государства хан (Узбек – Д.К.) предложил Фёдору Ивановичу отречься от православной веры, обещая в этом случае жизнь и свою милость. Однако тот категорически отказался». (Фролов Н.В. Отдавший жизнь за родину и веру). «По преданию, в последний момент перед казнью ему (князю Фёдору Стародубскому – Д.К.) предложили принять ислам, обещая сохранить за это жизнь. Но князь даже под угрозой смерти отказался отречься от веры предков и принял мученическую смерть.» (Королёв С. Интернет-энциклопедия «Виртуальный город Владимир»).
78. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья... Т. II. С. 179, Прим. 524; Сербов Н. Стародубские, удельные князья. С. 346; Безносюк С.М. Стародубські Ряполовські; Князь Стародубский Фёдор Иванович Благоверный // <https://lubovbezusl.ru/publ/istorija/kovrov/p/64-1-0-2390>
79. Родословная книга [по трем спискам] // Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. X. Отд. 2. М., 1851. С. 248. Рукопись этого списка в современной историко-генеалогической литературе не идентифицирована, и обратиться к ней за проверкой чтений невозможно.
80. Ряжский Г.А. Кончина и погребение Стародубского князя Феодора Ивановича Благоверного. Сс. 4–5.
81. Справочный энциклопедический словарь / изд. К. Крайля. Т. XII Ц–V. Сс. 457–458. В исторической литературе более раннего времени подобных утверждений нам обнаружить не удалось.
82. См.: Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. Отд. IV. Т. IV: Ч. I Ш-Щъ-Ы-Ь-Ђ-Э-Ю-Я-Ѡ-Ѡ. 1879. С. 521; Димитрий (Самбикин), архиеп. Месяцеслов святых, всей Русской церковью или местно читымъ... Вып. Х Июнь. С. 187; Здр-в К. Феодор Иванович, св. благоверный князь стародубский. С. 274; Феодор Иванович, князь стародубский // <https://azbyka.ru/otehnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-25/310>. Справедливости ради стоит отметить, что у владыки Димитрия и у господина К. Здр-ва к этому утверждению добавлена осторожная оговорка «будто бы».
83. Скорее всего, кто-то из авторов словаря К. Крайля извращённо понял Н.М. Карамзина, у которого рассказывается о поездке к Узбеку Ивана Калиты с двумя сыновьями – Семёном и Иваном, которых Калита представил хану как верных слуг и стал наговаривать на князя Александра Тверского; а после рассказа о гибели Фёдора Стародубского, но с правильной датой – 1330 г. (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. Сс. 137, 138–139) Очень тесно сближены посыпка Иваном Калитой сыновей в Орду и убийство Александра Тверского и у Н.С. Арцибашева: «Осенью великий князь отпустил трёх вышепоказанных сыновей своих в Орду, где октября 29 князь Александр Тверский с сыном Феодором убиты по приказанию Усбека» (Арцибашев Н.С. Повествование о России. Т. II. М., 1838. Сс. 90–91.) И всё-таки способность спутать Ивана Калиту с сыновьями и совершенно непричастных к событиям 1339 г. стародубских князей остаётся за гранью нашего понимания.
84. Протоколы заседаний съезда // Труды Третьего Областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года. С. 56.
85. Ряжский Г.А. Кончина и погребение Стародубского князя Феодора Ивановича Благоверного. С. 5.
86. 1542/43 г. Духовная княгини Аксиньи Ромодановской // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998. № 47. С. 134.
87. [После 1576 г.] Запись о вкладах старца Ионы Протопопова // Там же. № 92. Сс. 219–220.
88. Назаров В.Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II Вклад князя Фёдора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. С. 53.
89. Синодики XVII и XVIII веков Ростовского Успенского собора. Сс. 14, 35.

Князь Д.М. Пожарский – руководитель Разбойного приказа

Вступление войск королевича Владислава от Москвы и переговоры Московского государства с Речью Посполитой привели к заключению 1 (11) декабря 1618 г. Деулинского перемирия сроком на 14 лет и 6 месяцев. С этого времени активизируется административная деятельность Д.М. Пожарского, который получает важнейшие для восстановления государства назначения. Русский боярин в XVII веке не имел «узкой специализации», направляясь то воевать, то вести дипломатические переговоры или управлять провинцией или ведомством. Впервые Пожарский получил крупное административное назначение в феврале 1617 года – возглавил Галицкую четверть. Это учреждение ведало делами, в частности, финансовыми, на территории, занятой 25 уездами¹. Пожарскому поручили собирать «пятую деньги» – чрезвычайный налог, необходимый для продолжения войны с поляками. Очевидно, правительство стремилось использовать колоссальный опыт, полученный Пожарским во главе Земского ополчения. В 1618/19 г. он возглавил Ямской приказ. Особенно заметные назначения происходили после возвращения из плена патриарха Филарета. В биохронике Д.М. Пожарского, составленной Ю.М. Эскиным, отмечено: «1619 г., после 8 (18) июня – донесение королевского чиновника Я. Гридица канцлеру Л. Сапеге о политических изменениях с прибытием патриарха Филарета и о благоволении его к Д.М. Пожарскому и сыну К. Минина»².

С 1620/21 г. Д.М. Пожарский возглавил Разбойный приказ, ведавший сыском и судом по уголовным преступлениям. Возник в конце 1540-х годов на базе боярской комиссии, занимавшейся с 1539 г. «разбойными делами»; впервые упомянут в документах в 1552 г. как Разбойная изба. Создание Разбойного приказа и подчинённых ему органов на местах отвечало потребностям социально-политического развития страны и решало задачу борьбы с преступностью. Деятельность ведомства регулировалась Уставной книгой Разбойного приказа, в основе которой лежало уголовное уложение (первая книга была принята в 1555/56 г.). Уставная книга представляла собой единый законодательный свод, имевший целью дать исчерпывающий комплекс указов в какой-либо области законодательства.

Д.М. Пожарский, по всей видимости, был хорошо осведомлён о состоянии преступности в стране. Представляют интерес документы, введённые в научный оборот А.Л. Станиславским, отражающие состояние преступности в стране. Грабежи и разбои были обычным делом. В полной безопасности, как обнаружил А.Л. Станиславский, находились владения Д.М. Пожарского и его крестьяне. Жители селения Вязники «сказывают в роспросе, что в Вязниках

Портрет Д.М.Пожарского из книги:
Малиновский А.Ф. Биографические сведения о князе
Димитрии Михайловиче Пожарском. М.1817.
Выполнен по рисунку из «Книги об избрании
Михаила Федоровича на царство». 1672 г.

у всех казаков в кругу приговорено, что им боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского в вотчины в села и в деревни не въезжать и крестьян не жечь и не ломать и не грабить. И боярина де князя Дмитрия Михайловича села и деревни и в них крестьяне живут по-прежнему, безо всякого разоренья. И тех де сел боярина князя Дмитрия Михайловича крестьяне в Вязники приезжают х казаком с вином и с товары и у казаков грабежные лошади и платья и всякую рухлядь покапают», сообщал Б.М. Лыкову один из его посланцев, дворянин М. Колбецкий. Жители Яropolчских вотчин князя Мстиславского жаловались, что крестьяне Пожарского даже разбойничали вместе с казаками, что отмечал ещё С.М. Соловьёв³.

В 1616/17 г. была составлена вторая указная книга Разбойного приказа, опубликованная в сборнике документов серии «Законодательные памятники русского централизованного государства XV – XVII веков»⁴. Книга сохранилась в собрании рукописей Генерального штаба, представляет собой сборник, написанный разными почерками XVII – XVIII веков. В его составе типовые писцовые наказы XVII века, Русская правда, Судебник 1550 года, указные книги приказа Холопьего суда, Земского приказа; первая указная книга Разбойного приказа 1555/56 года и другие документы⁵. Книга имеет заголовок: «Список с уставной книги блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии, какова была в Розбойном приказе до Московского разорения за приписью дияков Василья Щелкалова да Мясоеда Вислова. А после Московского разорения зделали тое книгу дияк Третьяк Корсаков да подъячей Микита Посников. А ныне та книга за приписью дияка Микиты Посникова. А в указных статьях написано порознь»⁶. Вправление Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова в указную книгу вносились боярские приговоры с уточнением отдельных статей.

Ведомство это имело свои особенности. В уездах из дворян, способных организовать боеспособный отряд, избирались «губные старосты», которым

следовало сыскывать и уничтожать банды разбойников. Согласно Уставной книге Разбойного приказа губные старости подчинены были непосредственно ему, через головы воевод. Разбойный приказ был не только карательно-следственным, но и судебным (по уголовным делам) органом. По инициативе Пожарского были внесены и принятые три новых закона, в том числе весьма суровый – от 14 октября 1624 г., устанавливающий полную ответственность владельца холопа или другого зависимого человека за совершённые последними преступления, даже если преступника уже нет в живых. Пожарский, вероятно, был прекрасно осведомлен, что за грабительскими шайками на дорогах и улицах очень часто стояли их владельцы, респектабельные аристократы, которых, если их холоп-преступник мёртв (или хозяин объявил его таковым), невозможно притянуть к ответу⁷. В главе 13 второй указной книги Разбойного приказа было написано: «А на которых дворянских, и приказных людей, и детей боярских, на их людей и на дворников языки говорит в разбое или тадбе, а те дворяня, и приказные люди, и дети боярские таких людей и дворников у себя скажут, и их не поставят, и за тех людей и за дворников на дворянех и на приказных людех, и на детях боярских, и на прикащиков имати выти; а тех дворян и приказных людей, и детей боярских, и их прикащиков давати на крепкие поруки з записми с сроком, что им тех людей своих и дворников поставить к языком на очную ставку; а как их поставят, и тех людей с языки с очей на очи ставить и рострашивати и указ им по тому же чинити, кто до чего доведетца»⁸. По предложению Пожарского был принят боярский приговор: «За тех людей, которые померли до вершенья дела, а воровство их было, как те люди у бояр своих были живы, выти имати на дворянех, и на детех боярских, и на приказных людех, кому хто служил. А которые люди жили за двором, а живучи также воровали, и на тех задворных людей на самих выти имати; а которые задворные люди померли, и тех людей животы продавати в выти»⁹.

Суров был и принятый по предложению Пожарского Боярской думой приговор от 17 февраля 1625 г. («...боярин Дмитрий Михайлович... да дьяк Семен Головин о той статье в Верху у Благовещения докладывал бояр, и бояре приговорили...») о возмещении ущерба владельцу убитого холопа. В случае неумышленного убийства (чаще всего в пьяной драке) виновного, холопа или крестьянина, велено было не казнить (в России казнили смертью или членовредительством вообще меньше, чем во многих странах Европы, поскольку рабочие руки, а после людских потерь в Смуту особенно, были дороги), а передавать владельцу убитого с женой, детьми и имуществом¹⁰. А у сына боярского или приказного, виновного в аналогичном неумышленном убийстве, следовало отобрать крестьянина с семьёй и отдать хозяину потерпевшего. Под угрозой теперь были не только жизнь и свобода преступ-

ника-дворянина, но и главный источник его существования – крестьянское хозяйство, поскольку крестьянина забирали со всем имуществом. А последних, кстати, велено было передавать вместе с семьёй, не разлучая, что было по тем временам весьма гуманно¹¹. Обратил глава приказа внимание и на перекупщиков краденого. По его предложению Дума под председательством патриарха Филарета 25 июня 1628 г. приговорила – тех, у кого найдут крашеное, – допрашивать и пытать, допрос под пыткой грозил и перекупщикам «разбойного поличного»¹².

Судопроизводство тоже было далеко от совершенства и нуждалось в упорядочении. По внесённому Пожарским в Думу предложению принят был приговор о порядке явки истцов в суд по данной или поручной записи; причём нарушителей следовало наказывать, в том числе и дворян, освобождавшихся от суда на время государевой службы, но обязанных явиться, как только «с коня сядут».

Возглавлял он Разбойный приказ до 1627/28 г.¹³

М.П. Лукичёв писал, что Пожарский «...нужен правительству на тех участках, где его опыт и авторитет могут больше всего пригодиться, так, например, не без расчёта на его популярность поручалось ему дважды возглавлять сбор денег на устройство армии для войны с Польшей. Показательно и то, что Пожарский никогда не отстранялся от дел. Не было ни одного года в его биографии, который... не отмечен военной, приказной или дипломатической службой»¹⁴. Но востребованность князя в приказном управлении объясняется не только авторитетом Дмитрия Михайловича и его трудолюбием. Пожарский оказался столь же талантливым администратором, как и полководцем.

-
1. Лукичёв М.П., Шмельков А.А. Д.М. Пожарский после 1612 года // Лукичёв М.П. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 248.
 2. Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2018. С. 248.
 3. Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 140.
 4. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л. 1986 (Далее – ЗАРГ).
 5. ЗАРГ. С. 17.
 6. ЗАРГ. №80. С. 85.
 7. ЗАРГ. №138. Сс. 121-122.
 8. ЗАРГ. №80. С. 87.
 9. ЗАРГ. №138. Сс. 122.
 10. ЗАРГ. №140. С. 123.
 11. Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 147.
 12. ЗАРГ. № 182. С. 146.
 13. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.-Л., 1946. С. 284.
 14. Лукичёв М.П., Шмельков А.А. Д.М. Пожарский после 1612 года... С. 254.

Раздел III

Стояніє в вірі

С. В. Потанин

О житті священномученика Николая Великоустюжского, уроженца Писцовской волости

Среди новых мучеников, канонизированных на Архиерейском соборе 2000 г., есть имя нашего дорогого земляка – священномученика Николая (Клементьева), архиепископа Великоустюжского. Он родился почти 150 лет назад в наших краях, среди глухих лесов и полей. В прошлом эти земли относились к Нерехтскому уезду Костромской губернии, а после революции отошли к Ивановской области. Родовое село будущего святого – Лосево – полностью обезлюдело к концу 60-х годов прошлого века и превратилось в урочище, административно относящееся к старинному селу Писцово Комсомольского района (Комсомольск ранее – с. Миловское). Нет здесь ныне ни дорог, ни домов, ни барского дома, лишь Божиим заступничеством сохранилась небольшая церковка, в которой и был крещён будущий святой. Родина святого хоть и находится в труднодоступной местности, но всё равно посещается верующими людьми, они приходят туда, чувствуя особую благодать этого удалённого от мира места. С 2019 года, узнав о новомученике, Лосево стали посещать с крестным ходом паломники из соседнего района – из города Тейково. Добираются они до урочища в день престольного праздника храма – 29 августа, в память Феодоровской иконы Богородицы. Рано утром, выезжая из Тейкова на заказном автобусе, сначала посещают другие святые места, а потом идут пешком. Дорога к развалинам храма – непроезжая, в общей сложности крестоходцам с иконами и хоругвями предстоит пройти около 8 километров по труднопроходимой лесной дороге.

Краткие сведения о лосевском каменном храме имеются в статистическом описании приходских церквей Костромской епархии. В нём сказано: «Богородицкая церковь с. Лосева каменная, с каменной колокольней и оградой, построена в 1869 году иждивением отставного штабс-капитана Ивана

Платоновича Шешелова с помощью прихожан и других жертвователей. Кладбище при церкви в ограде. Престол один в честь Федоровской иконы Божией Матери. Земли при храме имеется четыре десятины. Расстояние от города Костромы 57 верст, от Нерехты 18 верст. Причт: священник и псаломщик. Прихожане мужского пола 94, женского пола 116. Приход сельскохозяйственный с отхожими промыслами. В приходе и в соседстве с ним раскольников нет. Весь приход из одного села. Школа одна – земская»¹.

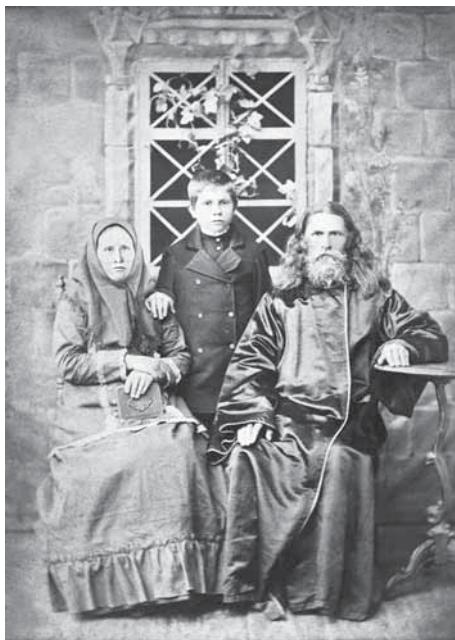
Первым настоятелем Феодоровского храма и был иерей Феодор Бардаков, переехавший в Лосево в год окончания строительства храма из села Фёдоровское Нерехтского уезда. 6 (18) октября 1875 года у него в семействе родился сын – будущий священномученик Николай. В семье батюшки уже росли три девочки – Юлия, Мария и Анна, – и появление на свет наследника стало большим и радостным событием в семействе. В Ивановском областном госархиве сохранилась метрическая книга храма за 1875 год. В ней сказано: «Актовая запись №4 от 12 октября 1875 года о рождении 6 октября 1875 года сына Николая. Родители: Богородицкой церкви с. Лосева священник Феодор Николаев Бардаков и законная жена его Евфрасия Петрова; оба православного вероисповедания. Восприемники: Сретенской церкви с. Сретенье священник Иоанн Васильев Дорохотов и с. Лосева священника Феодора Бардакова дочь-девица Мария Феодоровна Бардакова. Таинство крещения совершили: Сретенской церкви с. Сретенья священник Иоанн Дорохотов с псаломщиком храма с. Лосева Владимиром Соколовым»².

Жизненный путь Коли начинается с переездов родительского семейства. Костромское епархиальное управление несколько раз меняло церковные приходы, на которых предстояло служить батюшке Феодору. Вскоре после рождения сына семейство Бардаковых покидает Лосево и переезжает в село Крутцы Макарьевского уезда Костромской губернии (ныне Сокольский район Нижегородской области). В Троицком приходе села Крутцы и соседних селениях было много раскольников-беспоповцев. Нужен был опытный пастырь для горячей проповеди среди заблудших душ, жребий пал на лосевского настоятеля. Почти пять лет служил здесь батюшка. В советское время крутицкие храмы разорили. В 1879 году последовал перевод отца Феодора на новый приход. На этот раз местом его служения был Свято-Никольский храм села Семёновское (ныне Красносельский район Костромской области). Настоятельствовал отец Фёдор в нём на протяжении долгих 13 лет. Здесь же он и почил в 1893 году, упокоясь на местном церковном погосте. Под сводами этого храма началось служение мальчика Коли Бардакова Богу. Уже с шестилетнего возраста помогал он отцу-настоятелю. Первым послушанием был разлив крещенской воды прихожанам. До девяти лет Николай провёл в селе, алтарничал в храме, пел на клиросе.

В 1884 году родители отправили единственного сына в губернский город Кострому для прохождения обучения в духовном училище. Здесь он старательен и прилежен, в молитве искренен. В свидетельстве об окончании Костромского духовного училища выставлены лишь высокие отметки знаний: очень хорошо (4) и отлично (5). В документах фонда Костромской духовной семинарии имеется прошение, адресованное Николаем Бардаковым архимандриту Сергию, ректору семинарии: «Покорнейшее прошение. По окончании курса в Костромском духовном училище, осмеливаюсь утруждать Вас, Ваше Высокопреподобие, мою всепокорнейшею просьбою о зачислении меня в число воспитанников Костромской духовной семинарии первого класса...»³. Прошение было

удовлетворено, и выпускник духовного училища Николай Бардаков за высокую успеваемость в 1889 году почислен училищным правлением в первый класс Костромской духовной семинарии без особого проверочного испытания. До 1895 года происходит его обучение в семинарии. Несмотря на финансовые трудности, возникшие после кончины отца, Николай прилежно учился, всегда уповая на помощь Отца Небесного.

После семинарии способный к духовным наукам юноша поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. При окончании семинарии он получил новую фамилию, более благозвучную, по фамилии двоюродного деда – Клементьев, с которой и поступил на первый курс престижной столичной академии. Но вчерашний сельский паренёк не забывал свою духовную альма-матер. Среди поздравительных адресов и писем к юбилею Костромской духовной семинарии (150-летие отмечалось в 1897 г.) имеется поздравительный адрес от студентов Санкт-Петербургской академии, среди подписей имеется и подпись Николая. Мог ли подумать тогда её выпускник, что пройдут годы, и его образ будет написан на иконе «Собор небесных покровителей Костромской земли», что семинаристы будут молиться пред иконой, особенно усердно перед сдачей экзаменов?¹⁴

Семья Бардаковых: мать Ефрасия Петровна,
Николай, отец Фёдор Николаевич.
Фото ок. 1885 г.

Сергий и я на память
сниманы 1 апреля 1896г.

Во время обучения Николай знакомится со многими воспитанниками Академии, они ценят его добронравие и силу веры. В семейном архиве сохранился снимок, подписанный иеромонахом Сергием (Тихомировым), будущим митрополитом Токийским и Японским. В дарственной надписи есть такие слова: «И если я хоть отчасти приближусь по духу к тебе, – это будет для

меня великим счастьем, и тогда я смело и спокойно назовусь твоим другом или даже братом»⁵.

В 1899 году Николай Клементьев успешно заканчивает обучение в Академии со степенью кандидата богословия за диссертационную работу «Древнейшие праздники в честь Богоматери». Начинается его педагогическая деятельность. 5 февраля 1900 года Учебным комитетом при Святейшем Правительствующем Синоде он был определён в должность учителя латинского языка в Александро-Невском училище. В 1904 году Николай Фёдорович женился на дочери протоиерея Флора Малиновского – Марии. Жениху – 28 лет, невесте – 25. Поручителем жениха на венчании был Антон Владимирович Карташёв, впоследствии известный церковный историк, последний обер-прокурор Священного синода. В том же году Николай был рукоположен в сан иероя и приписан к кладбищенской Большеохтинской Георгиевской церкви в Санкт-Петербурге. Служил также в храме Большеохтинского детского приюта, был в нём учителем Закона Божия.

С 1908 года отец Николай был назначен настоятелем храма Сошествия Святого Духа на Большой Охте, в котором ранее служил его почивший тесть. В 1911 году он стал законоучителем в торговой школе Петровского общества распространения коммерческого образования. В годы Первой мировой войны отец Николай активно помогал фронту обмундированием, участвовал в создании лазаретов и госпиталей. Его появления ждали в богадельнях и тюрьмах, обитатели которых знали, что батюшка Николай утешит и укрепит их в вере. За время своего настоятельства награждался церковными награ-

дами – набедренником, правом ношения камилавки, наперсным крестом. За усердие на образовательном поприще и духовные труды в 1916 году удостоен ордена Святой Анны III степени.⁶

После крушения Российской империи на долю батюшки Николая выпало много скорбей, лишений, преследований. Беда постучалась в дом пастыря вскоре после революции. В марте 1919 года почила любимая супруга матьшка Мария, вслед за ней через несколько месяцев от «испанки» (гриппа) скончалась восьмилетняя дочь Наташа. На попечении отца остались три дочери: Милица (14 лет), Татьяна (11 лет) и Любовь (6 лет). В апреле 1919 года отец Николай был возведен в сан протоиерея. В 1920-1922 годы он являлся благочинным 10-го благочиннического округа Петрограда.

В 1922 году под предлогом борьбы с массовым голодом в Поволжье советская власть предприняла действия по реквизиции церковных ценностей. В Петрограде в связи с сопротивлением изъятию ценностей из разных церквей было арестовано 97 человек во главе с митрополитом Вениамином. Среди арестованных оказался и протоиерей Николай Клементьев. Это был первый арест, началось многотрудное восхождение на Голгофу будущего мученика за веру. Впоследствии дочь отца Николая Милица вспоминала, что отец свой арест встретил спокойно, как особый промысел Божий. За день до ареста во сне он увидел райское место с цветами и птицами. Пребывая среди этой красоты, он неожиданно услышал слова, идущие с неба: «Возьми свой крест и следуй за Мною».⁷

Судебный процесс над узниками длился с 10 июня по 5 июля 1922 года. Формально их судили за сопротивление изъятию ценностей. Но главная мотивация большевиков была всё-таки идеологическая. В марте 1922 года Лев Троцкий высказал мысль: духовенство нужно расколоть на два враждебных друг другу лагеря. Один – «реакционные попы», верные Патриарху Тихону, другой – так называемые «обновленцы», сравнительно лояльные большевикам. Сначала Троцкий предлагал расправиться с первыми, опираясь на вторых, а после разгромить тех, кто останется.

5 июля 1922 года протоиерей Николай Клементьев приговорён Петроградским революционным трибуналом за сопротивление изъятию церковных ценностей («дело митрополита Вениамина») к 3 годам тюремного заключения со строгой изоляцией. 13 августа 1922 года были расстреляны митрополит Вениамин (Казанский) Петроградский и вместе с ним архимандрит Сергий (Шеин), профессор Юрий Новицкий и адвокат Иван Ковшаров. Отец Николай находился в тюрьме 14 месяцев и был амнистирован по случаю пятой годовщины революции.

Церковь, мучимая расколом и гонениями на духовенство, нуждалась в благородных и духовных архиепископах. Сохранилось представление на

имя патриарха, подписанное епископом Кронштадтским Венедиктом (Плотниковым) и епископом Шлиссельбургским Григорием (Лебедевым) с ходатайством об открытии Охтинского викариатства. В нём сказано: «Желательным кандидатом на эту должность (викария Охтинского) является настоятель Свято-Духовского собора, на Большой Охте, протоиерей Николай Клементьев, прослуживший Священником 20 лет на одном месте, хорошо известный Петрограду и в звании благочинного приходского деятеля. Его миролюбивый, уживчивый характер, умение жить и управлять подчинёнными в духе любви и кротости, привлекают к нему всеобщее уважение и делают его личность особенно желательной в нынешнее время на посту викария в г. Ленинграде».⁸

Обращение епископата было утверждено, и 23 июня 1924 года, по принятии монашества с сохранением прежнего имени Николай, владыка был хиротонисан во епископа Сестрорецкого, викария Ленинградской епархии. Хиротонию, состоявшуюся в Москве, возглавил сам Святейший Патриарх Тихон. Владыка Николай активно включился в епархиальную работу, объезжал приходы Гдовского и Кингисеппского уездов, проповедовал, наставлял священство. Совместно с епископами Венедиктом (Плотниковым), Григорием (Лебедевым) и Иннокентием (Тихоновым), входящими в Петроградский епископский Совет, подписал послание, предостерегающее паству от контактов с обновленцами, и рекомендовал воздержаться от участия в их соборе, запланированном на 1925 год.

Разумеется, деятельность Сестрорецкого епископа Николая попала в поле зрения ОГПУ. 15 декабря (по др. данным, 18 дек.) 1925 г. епископ Николай (Клементьев) был арестован «за объезд церквей приходских и служения в них». Фактически, причиной ареста было решение властейнейтрализовать руководство Ленинградской православной епархии. Вместе с другими ленинградскими викарными архиереями епископ Николай проходил по коллективному следственному делу о «нелегальном совете епископов». 26 апреля 1926 года суд завершился, владыку Николая особым совещанием Коллегии ОГПУ признали виновным и приняли решение – заключить в концлагерь сроком на 3 года. Ссылку владыку отбывал в Сибири, в селе Братское Иркутской области.

После окончания всех тягот срока в 1929 году владыка освободился, но был ограничен в месте проживания, поэтому вернуться в город на Неве он не мог. Местом его пребывания становится город Тверь. Здесь он живёт на съёмной квартире до 1931 года, когда власти разрешили ему вернуться в Ленинград к дочерям. В 1933 году начинается паспортизация населения. Владыке Николаю власти города отказывают в ленинградской прописке, не дают возможности зарегистрироваться и у родственников в Тихвине.

В 1933 году Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий предложил бесприютному епископу Николаю принять назначение в Великоустюж-

Николай, архиепископ Великоустюжский
и Усть-Вымский

после дня памяти св. князя Александра Невского, стала для обоих последней. Осенью 1937 года владыку Алексия также арестовали, 95-летний старец скончался в тюрьме через несколько дней после заточения, прославлен святым в лице новомучеников.

При аресте архиепископу Николаю было предъявлено следующее обвинение: «...Клементьев, архиепископ, в 1928 году судился за к/р деятельность, отбывал ссылку в Сибири. В В.-Устюге с конца 1933 года организовал вокруг себя наиболее реакционную и антисоветски настроенную часть духовенства, с которыми под предлогом заседания епархиального совета и разных празднеств устраивает сборища, обсуждая на них вопросы противодействия мероприятиям советской власти. Кроме этого, для контрреволюционной агитации широко использовал церковный амвон». По окончании следствия, которое тянулось долгих девять месяцев, 3 сентября 1936 года решением тройки при НКВД СССР владыка был сослан в Казахстан сроком на 5 лет. Сначала его отправили в Актюбинскую область, куда к нему часто ездили его духовные

скую епархию. Он принял назначение и стал управляющим епархией, в которую прибыл в мае 1933 года. 9 июля 1934 года владыка Николай был возведён в сан архиепископа Великоустюжского и Усть-Вымского.

Владыка относительно благополучно служил в городе до декабря 1935 года. Он вёл активную архиастырскую деятельность, хотя советским законодательством, партийными решениями и циркулярами исполнительной власти перекрывались все каналы взаимодействия Церкви с верующими. Активная деятельность владыки Николая (Клементьева) не могла оставаться незамеченной. Архиепископ Николай (и ещё 9 человек) был арестован в ночь с 6 на 7 декабря 1935 года. Арест произошёл через несколько часов после посещения владыкой находившегося на покое архиерея Алексия (Бельковского), который жил в то время в Дымковской слободе. Эта встреча, произшедшая

дочери. Но с сентября 1937 года он был перемещён в Южный Казахстан, в село Ванновку Тюлькубасского р-на Чимкентской области. В Ванновке условия жизни были гораздо тяжелее, страдающему недугами архиепископу отказывали даже в медицинской помощи.

23 декабря 1937 года владыка Николай снова был арестован Тюлькубасским РО НКВД, и ему было вынесено обвинительное заключение. «Ему вменялось в вину систематическая контрреволюционная агитация, направленная на дискредитацию мероприятий партии и правительства, организация контрреволюционной деятельности духовенства в разных городах СССР»⁹. Архиепископом Николаем было написано в НКВД Тюлькубасского района заявление: «На поставленные Вами мне вопросы по моей антисоветской деятельности за время моего административно-ссыльного проживания, как в Ванновке, так и вне Тюлькубасского района, имею сказать следующее. По возрасту своему (63-й год) и состоянию здоровья, а также по званию служителя культа какой-либо работы я получить не могу, и затруднялся бы и выполнять таковую, если бы даже и получил ввиду частых припадков головокружения и сильной болезни в ногах. Я неделями безвыходно пребывал в своей квартире, выходя из неё только по крайней необходимости: или в молитвенный дом, или на почту, или на отметку в НКВД. Я откровенно и по совести готов дать объяснение или показание в НКВД, если оно имеет обличающий меня материал, но сам за собой не знаю ничего преступного против Советской власти и не могу посему рассказать.

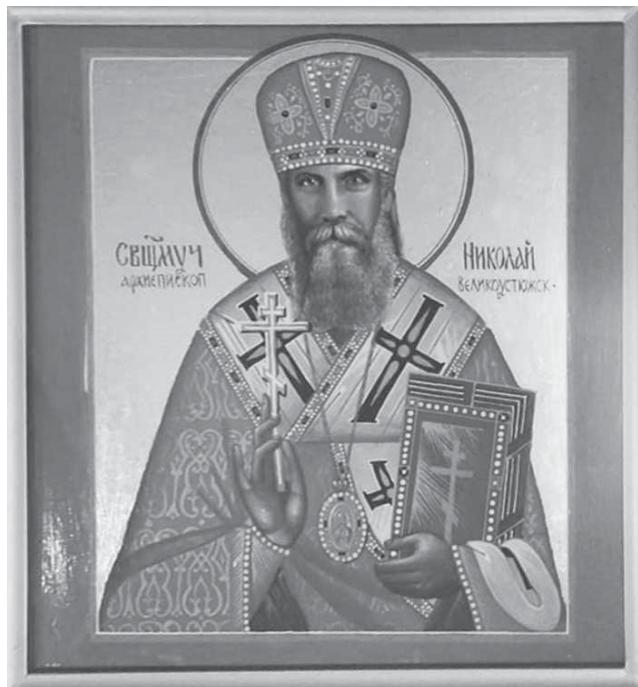
По своему званию служителя культа я и не могу иметь антисоветской деятельности. ...По приезде сюда я писал одно письмо Ташкентскому архиепископу Борису с просьбой к нему, как к духовному руководителю Ванновского прихода, благословить мне, если будет возможно от советской власти, служения в молитвенном доме для приобщения Святых Таинств, а в случае невозможности храмового моего приобщения, благословить такое приобщение на моей квартире. Так как в молитвенном доме закрытого алтаря нет, а для приобщения меня необходимо облачение в священные одежды, то я и не решился приобщаться в храме, чтобы не возбуждать в мало осведомленных о церковном чине богомольцах ненужных разговоров. ...Архиепископ Борис по происхождению из В.-Устюга, и по учению Академическому мне товарищ, ответил мне письменно на мою просьбу, и на храмовое, и на домашнее приобщение благословил. ... Больше я рассказать НКВД о себе ничего не имею. 26 декабря 1937 год. Николай Клементьев»¹⁰.

Заседанием тройки УНКВД по Южно-Казахстанской области от 30 декабря 1937 года архиепископ Николай (Клементьев) приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в новогоднюю ночь 31 декабря 1937 года в 24 часа в местности, именуемой в народе «Лисья Балка».

Чтобы вернуть добрую память о репрессированном, большую работу проделали его внуки. Один из них – названный в честь деда внук Николай Александрович Черкасов (1927-2010), профессор, доктор экономических наук, завкафедрой международных отношений экономического факультета ЛГУ. Долгие годы он собирал материалы о своём репрессированном деде, писал запросы в различные силовые

структуры и ведомства. Сам ездил в Казахстан на место его расстрела, составил на основе документов и семейных преданий жизнеописание мученика. Внучка Наталья Ивановна Семёнова (1937-2018) – петербургский писатель, автор 13 книг. Рождённая в год расстрела своего деда, главной книгой в своей писательской судьбе она считала книгу о нём. Книга «Возьми свой крест и следуй за Мною» писалась на протяжении долгих десяти лет и увидела свет незадолго до кончины автора в 2016 году. Сейчас работу по сохранению памяти о своём святом предке продолжает правнучка святителя Татьяна Вениаминовна Семёнова. Главная её миссия – спасти Феодоровский храм в Лосево, на родине святого, и достойно отметить 150-летие прадеда, которое грядёт в октябре 2025 года.

Почитают святого и на его малой родине. В 2023 году на народные пожертвования были созданы два рукописных образа с его изображением. Одна икона священномученика Николая Великоустюжского пребывает в непосредственной близости от его родных мест, в храме иконы «Неупиваемая чаша» села Седельницы Комсомольского района, вторая – в храме преп. Сергия Радонежского Архиерейского подворья, находящегося близ села Стоянцево Лежневского района. День памяти святого отмечается в день расстрела – 31 декабря по новому стилю.

1. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911. Сс. 176-177.
2. Государственный архив Ивановской области. Архивная справка от 25.04.2014 г.
3. Семёнова Н., Семёнова Т. Возьми свой крест и следуй за Мною. СПб. 2019. С. 222.
4. Ремезов Д. С. Святые, связанные с историей Костромской духовной семинарии // Ипатьевский вестник. 2017, № 5. С. 100.
5. Семёнова Н. Цит. соч. С. 88.
6. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 273. Л. 99.
7. Семёнова Н. Цит. соч. С. 126.
8. Там же. С. 117.
9. Письмо Н. А. Черкасову от зам. начальника УКНБ Республики Казахстан Ж. Нургалинова № 10\ 1- 4 от 06.10.1993 г.
10. Губонин М. Е. Акты Святейшего Патриарха Тихона. М., 1994. С. 1064.

Село Лосево. Храм Феодоровской иконы Божией Матери и дом священника. Фото нач. XX в.

Раздел IV

История Южской земли и смежных с ней

Н. Н. Грибов

Нижний Новгород и летописная Мордовская земля

Проблема взаимодействия средневекового русского населения с финноязычными народами – далёкими потомками первопоселенцев лесной зоны Восточной Европы – давно поставлена в отечественной историографии¹. Сложившаяся модель соответствующих взаимоотношений предполагает, что колонисты – выходцы из староосвоенных древнерусских областей, расселялись на землях, уже давно обжитых финноязычными племенами. Обусловленный данным процессом характер взаимоотношений традиционно рассматривается в свете военно-политических и хозяйствственно-экономических реалий исторической ситуации, особенностей этнопсихологии.

В первой половине XIII в. новой географической ареной «встречи» русских и финнов становится тяготеющий к устью р. Оки район Волго-Окского Правобережья, а мордва – его главным участником со стороны субстратного населения. Знаковым событием стало строительство здесь в 1221 году г. Нижнего Новгорода – второго после Городца-на-Волге крупного городского центра, заложенного потомками Юрия Долгорукого на волжском берегу за восточными пределами староосвященного Волго-Окского междуречья. В исторических трудах довольно распространённым является мнение об основании Нижнего Новгорода на землях мордовы².

Научные представления о районе проживания средневековой мордовы в период начального накопления сведений об археологических памятниках Восточной Европы основывались, главным образом, на топонимике. Территория распространения гидронимов мордовского происхождения, тяготение к ней области с известными на конец XIX в. мордовскими древностями, привели к заключению о том, что в средневековые мордовским расселением было охвачено целиком всё Окско-Сурское междуречье – обширное водо-

раздельное пространство, ограниченное долинами рек Волги, Оки, Суры и притоками р. Мокши³. На исторических картах именно эта область показана как место проживания мордовских племён⁴. Убеждённость исследователей в заселении средневековой мордвой северной, примыкающей к устью р. Оки, периферии этой области ещё перед основанием г. Нижнего Новгорода, подкреплялась сведениями из Нижегородского летописца – компилятивного в части средневековых известий сочинения, составленного в среде нижегородского духовенства в конце 50-х гг. XVII в.⁵ В статьях этого источника, затрагивающих историю появления города в окском устье, содержится прямое указание на первопоселенцев этих мест («А прежде сего владели тою землею погани – мордва»⁶), которых основатель Нижнего Новгорода, великий владимирский князь Юрий Всеволодович, «...отогналъ, и жилища их и зимницы разорилъ»⁷, «...и землю у них отняль»⁸. Князю городецкому и нижегородскому автор Летописца приписывает повеление русским людям селиться в городских окрестностях, в том числе – на мордовских селищах⁹. Известия о строительстве Нижнего Новгорода во владениях мордвы, об «отъятии» у неё земли, как и упоминание об «отгоне» от нового города, отсутствуют в наиболее аутентичном источнике – Лаврентьевской летописи, сообщающей об организованных Юрием Всеволодовичем походах на морду в 1226, 1228–1229, 1232–1233 гг. и об ответной военной акции – нападении мордвы Пургаса на Нижний Новгород¹⁰. Простое «суммирование» сведений из Нижегородского летописца и Лаврентьевской летописи, подкреплённое местным «фольклором» – опубликованными в середине XIX в. литературными произведениями нижегородских краеведов о поселении-предшественнике города Юрия Всеволодовича, мордовском Абрамове городке¹¹, заложили основу представлений о строительстве Нижнего Новгорода в пределах мордовских владений.

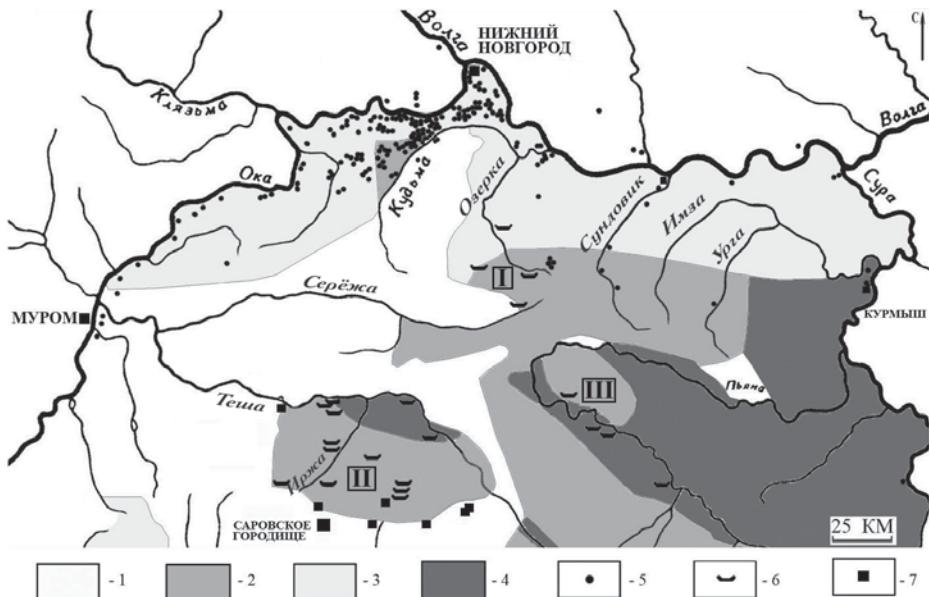
Археологические исследования, проведённые в Нижнем Новгороде и на памятниках его округи в последние три десятилетия, позволили получить ряд новых фактических данных, расширяющих, конкретизирующих и корректирующих сложившиеся представления. В настоящее время средневековое освоение тяготеющей к окскому устью северной периферии Волго-Окского Правобережья может быть прослежено на широкой исторической перспективе. Появление финских грунтовых погребений вблизи устья р. Оки фиксируется вскоре после сложения характерной для них материальной культуры – в середине – второй половине III в.¹². Датируемые в указанных рамках наиболее ранние комплексы открытого на правом коренном берегу р. Оки в 43 км от её устья в 2011 г. Подвязьевского могильника напоминают погребения кочибеевского этапа рязано-окских могильников.¹³ Главной особенностью их погребального инвентаря является массовое присутствие вещей, типичных для памятников Прикамья и курганов позднесарматской культуры. В гуннский период, в конце IV – середине V вв., происходит инкорпорация в мест-

Древняя и средневековая мордва. Реконструкции по археологическим и этнографическим материалам (подбор иллюстраций редакцией альманаха)

ную среду переселенцев из западных областей (Поднепровья или Окско-Донского междуречья), внесших заметный вклад в изменение местного костюма и погребальной обрядности. С мигрантами, очевидно, связано и заметное увеличение численности местного населения. В результате этих процессов в восточной части Волго-Окского междуречья, на берегах Волги и Оки, на устье р. Ветлуги появляются погребальные памятники, объединённые по культурным особенностям в группу могильников безводнинско-ахмыловского круга¹⁴. Географическим центром расселения носителей новой культурной традиции становится окское устье. Ареал безводнинско-ахмыловских могильников с южной стороны граничит с областью распространения мордовских памятников. Их обособление от последних отчётливо прослеживается по специфическим чертам погребальной обрядности, составу женских украшений, искусственным примесям в формовочных массах керамических сосудов.

Финский этап активного освоения междуречья рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы завершился уходом отсюда населения, оставившего безводнинско-ахмыловские могильники, вблизи рубежа VII–VIII вв. Синхронность прекращения их функционирования с появлением наиболее ранних погребений на соседних с ними марийских и муромских памятниках, отчётливые параллели с ними в инвентаре и погребальной обрядности – всё это позволяет с большой долей уверенности рассматривать безводнинско-ахмыловское

Основные группы почв: 1 – дерново-подзолистые (гумус до 1,6%), 2 – серые и тёмно-серые лесные (гумус до 5,1%), 3 – светло-серые лесные (гумус до 2,5%), 4 – чернозёмы (гумус до 9,8%).

Памятники: 5 – русские селища XI – начала XV вв., 6 – мордовские могильники с комплексами XI–XIV вв., 7 – городища. Районы мордовского расселения: I – северный, II – южный, III – восточный

население в качестве прямых и общих предков средневековых марийцев и муромы¹⁵.

Следующий этап активного освоения северной периферии Волго-Окского Правобережья связан с русскими поселенцами. Их появление в прибрежных районах Окского Правобережья обусловлено строительством древнерусского г. Мурома¹⁶. В 2017 г. получены данные, указывающие на появление первых и, очевидно, весьма малочисленных, русских поселений на берегах Низовой Оки (ниже устья р. Клязьмы) ещё в предмонгольский период, и, скорее всего, – ещё до основания г. Нижнего Новгорода¹⁷. Особенности посудной керамики селища Подвязье-3, расположенного на правом берегу р. Оки в 44 км от её устья, свидетельствуют о тесной связи жителей этого домонгольского поселения с муромской округой¹⁸. Вместе с тем, результаты многочисленных археологических разведок в ближайших окрестностях Нижнего Новгорода убеждают в том, что до основания города связанный с ним местность продолжительное время, по крайней мере, с середины VIII в., оставалась пустующей или очень слабо заселённой¹⁹. Только после строительства Нижнего Новгорода на северной периферии Волго-Окского Правобережья складывается разветвлённая сеть русских поселений.

Результаты картирования русских поселений позволяют локализовать освоенную русскими территорию на северной, северо-западной и северо-восточной окраинах Окско-Сурского междуречья. Географически заселённый «русский» район тяготел к долинам трёх наиболее крупных рек – Оки, Волги, и, в какой-то степени, Суры. Удаление соответствующих памятников от указанных водных магистралей, за редким исключением, не превышает 20–25 км.

Расселение мордвы, вопреки традиционным представлениям, в XI–XIV вв. не охватывало целиком всё Окско-Сурское междуречье, а в относительной близости от окского устья было сосредоточено только в трёх компактных районах. Первый район ограничивался междуречьем рек Кудьма, Серёжа и Сундовик. От устья р. Оки он удалён на 50 км к югу. Освоенная русским населением, тяготеющая к Нижнему Новгороду, область была отделена от северной периферии района пустынной незаселённой полосой «отчуждения» шириной 15–20 км, выявленной археологической разведкой на правобережье р. Кудьмы²⁰. В XVIII–XX вв. эта область приобрела известность как место проживания обруссевшей терюханской мордовы. В настоящее время погребения периода развитого средневековья, датируемые в пределах XIII–XIV вв., известны здесь на четырёх могильниках – Сарлейском, Малотерюшевском, Старосельском и Помринском. Наиболее ранние представительные комплексы относятся к XIII в. Интересной и яркой культурной особенностью двух местных памятников – Сарлейского и Малотерюшевского могильников – являются подкурганные погребения, близкие по совокупности признаков захоронениям отюреченного населения донецких степей²¹. На половцев, входивших в дружину сына некоего Пуреша и участвующих в противостоянии с мордвой Пургаса на стороне владимирского князя, указывает Лаврентьевская летопись²². Погребения степняков эпохи Золотой Орды, обнаруженные на ближайших к окскому устью мордовских могильниках, можно рассматривать как свидетельство инкорпорации какой-то части половецких переселенцев в среду местной мордовы. Этот вывод созвучен с мыслью о пребывании половцев к югу от Нижнего Новгорода ещё в первой половине XIII в., высказанной ранее на основании анализа летописных текстов²³.

Второй район мордовского расселения локализуется в Мокшанско-Тёшинском междуречье. Линия его условной северной границы удалена на 100 км к югу от окского устья. Это компактная территория, которая была наиболее плотно заселена мордвой в XI–XIII вв. Во всём ареале мордовского расселения (I–XVIII вв.) нигде нет такого компактного сосредоточения памятников предмонгольского периода. Район маркируется могильниками, городищами и селищами. Многие из неукреплённых поселений имеют значительные размеры, достигая десяти и более гектаров. Район вытянут по левобережью р. Тёша на 70 км. По площади (2800 кв.км) он близок летописному Берёзову Полю (2790 кв.км). Присутствие здесь упоминаемых при описании

похода 1229 г. мордовских городищ-«твердей»²⁴ и топонимов с корневой основой «Пургас»²⁵ подтверждают связь этой области с летописной Пургасовой волостью, в которую совершали походы русские князья сразу после основания города в устье Оки²⁶. В южной части указанной территории расположено большое Саровское городище, выполнившее, вероятно, роль своеобразного военно-административного центра²⁷. В настоящее время оно является крупнейшим поселением мордвы XI–XIII вв. и третьим по площади (44 га) средневековым поселенческим памятником Нижегородского Поволжья (после Нижнего Новгорода и Городца-на-Волге).

В эпоху Золотой Орды Мокшанско-Тёшинское междуречье запустевает, основная часть местного населения, скорее всего, переселяется, пополняя население междуречья рек Кудьмы, Серёжи и Сундовик, верхнего Попьянья, или уходит на Среднюю Волгу, где ещё с XIX в. известны мордовские могильники указанного временного промежутка²⁸.

Северный и южный районы мордовского расселения по взаимному расположению и некоторым другим признакам могут быть поставлены в соответствие двум потестарным* мордовским сообществам второй четверти XIII в., разделённым не только по политическим предпочтениям, но и территориально. На их существование указывал А.Н. Насонов, опираясь на сведения из Лаврентьевской летописи²⁹. По мнению исследователя, одно из объединений мордвы, известное по упоминанию половцев и «ротника» владимирского князя Пуреша, территориально располагалось где-то в относительной близости от р. Волги, другое, образующее «Пургасову волость», напротив, находилось на большом удалении от окского устья.

Третий район мордовского расселения вблизи устья р. Оки связан с бассейном р. Пьяна. На определяющих его памятниках развитого средневековья изученные комплексы датируются эпохой Золотой Орды (XIII–XIV вв.). Самый известный из них – Гагинский могильник. От устья р. Оки эта область удалена на 150 км к юго-востоку.

Эти три ближайших к окскому устью района мордовского расселения, очевидно, можно отнести к традиционным местам проживания представителей этого народа. В каждом из них известны раннесредневековые памятники древнемордовской культуры. Каждый из них имеет ещё далеко не выясненную во всех подробностях непростую демографическую историю, состоящую как из периодов «спадов», так и «подъёмов». В середине – третьей четверти I тысячелетия н.э. этот район был заселён представителями другой вет-

* Потестарные сообщества – форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших политических и государственных институтов и атрибутов. Управление в них осуществлялось в деятельности родоплеменных и общинных властей, опиравшихся на личный моральный авторитет вождей, жрецов и старейшин, а не на формальный авторитет должностей.

ви поволжских финнов, далёкими потомками которых являются современные представители марийского народа. По этнографическим данным, именно марийцам район окского устья до недавнего времени был памятен как часть «земли предков»³⁰.

Результаты картирования мордовских памятников свидетельствуют о том, что северная периферия Волго-Окского Правобережья, где был построен Нижний Новгород, никогда не входила в состав коренных территорий расселения средневековой мордовы, а освоенный русским населением в его ближайших окрестностях район был удалён от основной области сосредоточения мордовских памятников предмонгольского времени на 50–100 км к северу³¹. Это не исключает использования «нижегородских» мест в качестве охотничьих или иных промысловых угодий, эпизодического пребывания здесь малых подвижных коллективов, оставивших после себя маловыразительные и сложноуловимые следы в виде остатков небольших и пока ещё не обнаруженных сезонных поселений.

Обращаясь к ландшафтному своеобразию территорий, освоенных русским населением и мордвой, нельзя не отметить существенных различий между ними. Русское население тяготело к долинам крупнейших рек региона, тогда как области мордовского расселения были удалены от их долин и приурочены к водоразделам на пограничье лесостепи и смешанных лесов. По содержанию гумуса и плодородию светло-серые почвы средневековой «жит-

Реконструкция одежды по этнографическим материалам
(подбор иллюстраций редакцией альманаха)

— 3 — 81 —

ницы» Нижнего Новгорода – Берёзова Поля – заметно уступали тёмно-серым лесным и чернозёмистым почвам большей части «Мордовской земли». Наиболее привлекательными для русских были берега Оки и Волги. Очевидно, преимущество жизни на больших водных транспортно-торговых путях определяло главную стратегию славяно-русского расселения в районе окского устья. Определяющим природным фактором расселения мордвы являлось плодородие почв, что, очевидно, обуславливалось земледелием, как основополагающим направлением хозяйственной деятельности. Районы, почвенный покров которых содержит наибольшее содержание гумуса, значительно удалены к югу и юго-востоку от окского устья. Таким образом, русские и мордва, по крайней мере, до определённого времени, проживали в существенно разных ландшафтах. Свообразие последних определяло не только оптимальные формы адаптации к природным условиям, но и разную степень вовлечённости в международные коммуникации и международный обмен.

Заполнение переселенцами пустующей к 1221 г. «экологической ниши», удалённость связанной с ней территории от традиционных районов проживания коренного населения Окско-Сурского междуречья, очевидно, можно рассматривать как главные предпосылки сравнительно бесконфликтного co-существования русских и мордвы в средневековый период. Походы в Мордовскую землю во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XIII в., скорее всего, были организованы с целью принуждения к данническим отношениям с «проболгарской» частью мордвы³². Попутно, за счёт полона, вероятно, планировалось увеличить количество рабочих рук в пока ещё слабо заселённой местности на устье р. Оки. Разорение Пургасовой волости не сопровождалось захватом её территории, о чём могло бы свидетельствовать появление русских селений на месте сожжённых мордовских сёл и зимниц – не обнаруженных при обследовании покинутых в XIII в. мордовских селищ. «Отгон», оттеснение мордвы от Нижнего Новгорода с целью обеспечения безопасности для городской округи, предполагаемый вслед за автором Нижегородского летописца некоторыми исследователями³³, также, очевидно, не входили в перечень задач, которые планировалось решить военным путём: ближайший к Нижнему Новгороду северный район мордовского расселения активно осваивался мордвой на протяжении XIII – начала XV вв. и, вероятно, даже в кризисный для Нижнего Новгорода промежуток середины – второй половины XV в.³⁴

-
1. Ключевский В.О. Сочинения: в 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 299.
 2. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: в двадцати девяти томах. Т. II. М., 1998. С. 398; Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 80; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956. Сс. 417, 418; Никитин Н.И. Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 29.

3. Смирнов И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. С. 35.
4. Циркин А.В. Русско-мордовские отношения в X–XIV вв. Саранск, 1969. С. 34.
5. Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Н.Новгород, 2006. Сс. 121, 136.
6. Там же. С. 136.
7. Там же С. 136.
8. Там же. С. 140.
9. Там же. С. 136.
10. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 448–451, 459.
11. Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Н.Новгород, 2003. С. 193.
12. Грибов Н.Н. О времени появления первых финских погребений на Нижней Оке // Краткие сообщения Института археологии. Вып.249. Ч. 2. М., 2017. Сс. 28–43.
13. Грибов Н.Н. Подвязьевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Эпоха великого переселения народов (Материалы Всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.») / Археология евразийских степей. № 1. 2018. Казань, Сс. 192–194.
14. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. Сс. 160–166, 184, 185, 221; Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. Мурома VII–XI вв. учебное пособие. Йошкар-Ола, 1990. Сс. 23, 57.
15. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья… С. 221; Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). Муром, 2005. С. 150; Гришаков В.В. Конские погребения VIII – первой половины X вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья: I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.: межвузовский сборник. Йошкар-Ола, 1990. С. 134.
16. Грибов Н.Н. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения-V: материалы научной конференции, посвящённой 1140-летию г. Мурома, 14–16 мая 2002. Муром, 2003. Сс. 18–22.
17. Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Богородском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив Института археологии Российской академии наук. Ф. 1. Р-1. №57622 . Л. 57.
18. Там же. Л. 56.
19. Грибов Н.Н. Сопредельные земли Городецкой волости на правобережье Оки: основные вехи средневекового освоения // Городец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. М., 2017. Сс. 63–74.
20. Аникин И.С. Население бассейна реки Кудьма в эпоху средневековья (VI – начала XV в.) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Н.Новгород, 1997. Сс. 9, 10.
21. Алихова А.Е. К истории мордвы конца 1-го – начала 2-го тысячелетия н.э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: археологический сборник. Т. 2. Саранск, 1959. С. 34; Аникин И.С. Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам Сарлейского могильника) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 2–3 февраля 2000 г. Саранск, 2000. Сс. 67–70.
22. Лаврентьевская летопись. Стб. 451.
23. Кузнецов А.А. Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки накануне Бытыева нашествия // Вестник Российского университета Дружбы народов. 2018. Т. 17. № 4. Сс. 879, 883.

24. Мартынов В.Н. К вопросу о летописных твердях мордвы // Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы второй научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы отечественной истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 1995. Сс. 28–31.
25. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование; Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. Изд. 2-е. СПб, 2006. Сс. 187, 188.
26. Шитов В.Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Секции исторических и педагогических наук). Саранск, 2000. С. 56.
27. Грибов Н.Н. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 1. Н.Новгород, 1997. Сс. 31–58.
28. Шитов В.Н. Расселение древней мордвы... С. 60.
29. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства... Сс. 187, 188.
30. Нижегородские марийцы: сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев / Сост. Н.В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994. Сс. 23–25.
31. Шитов В.Н. Расселение древней мордвы... С. 56; Грибов Н.Н. Русские и мордва в XIII–XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по археологическим данным) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. № 4 (60). Н.Новгород, 2000. Сс. 23–34.
32. Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья... Сс. 198, 199.
33. Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья... С. 195; Кузнецов А.А. Этнополитическая ситуация в регионе устья Оки... С. 884.
34. Здобников П.П., Четвертаков Е.В. Комплекс археологических находок с мордовского селища Помра-4 (урочище Старая Помра) // Поволжские финны на перекрёстке эпох. Сборник статей по материалам вторых и третьих Дальнеконстантиновских чтений. Н.Новгород, 2019. С. 12.

Заметки о градостроительстве Ростова Великого

Градостроительство, это теория и практика планировки и застройки городов [Большая Советская энциклопедия]

Город Ростов Ярославской области – это районный центр с населением меньше тридцати тысяч человек. Здесь всего три-четыре крупных предприятия, четыре школы и два колледжа. С объездного шоссе едва видны его собор и пять монастырей, в основном, серая промзона. Тем не менее, привлечённые его славой, в город каждый год приезжают несколько сотен тысяч туристов. Они приезжают со своими привычками и не догадываются, что здесь не всё очевидно, не всё так, как обычно. Часто слышу вопрос:

– Скажите, пожалуйста, мы вышли погулять в центре, а людей на улицах нет, что случилось?!

– Всё просто: после съёмок фильма «Иван Васильевич меняет профессию» машина времени осталась в городе.

Это, конечно, шутка, но не далёкая от правды. Письменных и заодно археологических источников по истории градостроительства Ростова Великого немного, но они позволяют видеть, как складывалась городская структура от начала до наших дней. Безусловной ценностью обладает топосъёмка XVIII века, впервые опубликованная в трудах краеведа XIX века А.А. Титова. В археологическом плане для нас важны труды, которые оставили исследователи и руководители экспедиций – Н.Н. Воронин и А.Е. Леонтьев. В последнее время на хорошей источниковской базе по теме градостроительства пишут такие учёные, как историк архитектуры А.Г. Мельник, историк-медиевист С.В. Городилин и археолог А.Л. Каратников. Данные заметки представляют собой обобщение уже опубликованного, а также собственные наблюдения автора.

На распространённый вопрос об основании города ответить трудно. Существуют города, которые действительно были основаны. Например, свою легенду и дату основания имеет Ярославль. Легенды часто спорны, но у Ростова вообще ничего нет. Противоположный случай – это основание Переяславля-Залесского. Нам известен инициатор, князь Юрий Владимирович Долгорукий, и 1152 год как время возведения городских стен. Недаром слово «город» однокоренное со словом «городить».

Дата первого упоминания Ростова – это 862 год, но внушительная дата не принимается без оговорок. В летописи рассказывается о призвании варягов с широким описанием народов под их властью и какие им достались города. В этой легенде отнесение упоминания Ростова к конкретному году произвольно. Более того, археологи не нашли пока городского культурного слоя ранее Х–XI веков. Всё это означает, что раскопок должно быть

Археологические памятники в бассейнах озер Неро А. Е. Леонтьев. На берегах озёр Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама М., 2012. С. 164

больше, а утрат культурного слоя всё меньше. Благодаря археологическим исследованиям нам надо ещё многое понять в истории города.

В данной заметке для ранней эпохи Ростова предлагается модель, с которой будут согласны большинство учёных. В десяти километрах от Ростова на реке Сара находилось Сарское городище. Это было укреплённое место с четырьмя валами попрёк узкого и высокого берега реки. Самая яркая находка здесь – это каролингский меч, как знак того, что в укреплении располагалась вооружённая дружина. Тем не менее, соотношение между Сарским городищем и Ростовом напоминает аналогичное между Рюриковым городищем и самим Новгородом. Тысячу лет назад городище было укреплением знати, а Новгород тогда был поселением у реки простых ремесленников и торговцев. В течение веков баланс изменился, и в «новом городе» возникли центры власти, окружившие себя крепостными стенами. В наши дни у Новгорода Великого есть не только Детинец, но и следы укреплений посада – Окольный город.

Независимо от того, когда образовался Ростов как большое поселение на берегу озера Неро (в середине ли IX века, или одно-полтора столетия позже), первоначально на озёрно-речной системе путей он выглядел похожим на Новгород. Функции Рюрикова городища соответствовало Сарское, функции Новгорода и Ростова совпадали. Отдельно стояли укрепления для элиты, отдельно у берега без стен жили подчинённые люди. В связи с этим нет смысла обижаться на современную номенклатуру – «Городское поселение Ростов». Это название, как ни странно, отражает изначальную ситуацию в истории. Современные археологи раскопали ещё два подобных поселения: это средневековый Белозёрск XII–XIII веков и крупное поселение той же эпохи в черте современного Рыбинска. Оба имели городскую застройку, но были расположены на берегах реки Шексны совсем без оборонительных стен. Точно таким, совсем открытым, на много веков, и был наш Ростов вплоть до начала XVII века.

Смысл слова «город» как крупного поселения не вызывает, казалось бы, разногласий. Позднеантичные и средневековые города были полностью обнесены стенами. Однако в нашем регионе изначально было не так. Со времён раннего железного века (I тыс. н. э.) существуют так называемые «дьяковские городища». На мягкой, а не скалистой почве выбирались мысы между двумя реками или рекой и глубоким оврагом. Мыс перекапывался рвом, земля из рва шла на насыпку вала над ним. Со стороны обрывов вала могло и не быть, так как крутизна берега была достаточна для защиты. Над валом могла быть тын-ограда. Постройки, жилые и хозяйственные, примыкали к валу изнутри. Так, например, выглядел средневековый Ярославль. Славяне, прия в наши земли, использовали подобную технологию эпохи великого переселения народов.

В русских городах мыс, окружённый реками и оврагами, порой называли «кремлём» или «детинцем». Со временем, с развитием города, места внутри стен переставало хватать, и так возникали неукреплённые части городов-поселений под названием посад или посады. Кремль города Пскова стоит там, где сливаются две реки, Великая и Пскова. Глубокий, но сухой ров существует между ними и поныне. Треугольная площадка центральной части города обнесена каменными стенами с башнями и воротами и называется Кром. Это название помогает нам понять этимологию слова «кремль», благодаря словам «кромка», «укромный», «закрома». Внутри псковского Крома только собор, да осадные склады горожан. Жилья нет и не было. Рядом, за надёжно защищёнными стенами Довмонтова города, стоит дом воеводы. Святилище, материальные ценности и охрана – такова функция центра любого древнерусского города. Впоследствии богатые горожане Пскова обнесли крепостными стенами и свои посады.

В современном Ростове трудно найти место, где мог находиться древний кремль. На планах города XVIII века показана некая речка Пижерма. Она впадала в озеро рядом с храмом Бориса и Глеба. На Советской площади и сейчас

ощущается понижение по её бывшему руслу. В наши дни река засыпана, а в древности могла быть глубже и шире, чтобы быть гаванью для кораблей. Храм Бориса и Глеба расположен как раз на мысу между рекой и озером, и он обозначает место известного из летописей Княжеского двора. Случайно или нет, но на той же Советской площади, то есть на берегу древней Пижермы, стоит здание Магистрата, а напротив – здание Администрации городского поселения Ростов. На Советскую площадь выходит Гостиный двор. Он, хотя и построен в 1841 году, тем не менее является доминантой всех торговых рядов.

В том случае, если верно предположение, что в районе Советской площади находилась пристань, где товары разгружались и загружались, облагались налогами, вёлся торг и надзор, то получается, что площадь функционально была одна и та же со времён князя Владимира. Как в Псковском. Кроме, здесь учреждения власти соседствуют с торговыми заведениями. Неподалёку и Успенский собор, главное святилище, он визуально преобладает на площади, которая не случайно до последнего времени была главной, где проводили митинги и демонстрации. В архитектуре на площади выражены все функции города: власть, материальные и духовные ценности.

Итак, с большим трудом, используя отрывочные данные, мы находим предполагаемый кремль Ростова на мысу между озером и рекой Пижермой. Несколько раз в документах XVII века упомянут «острог», да и трудно вообразить, что собор, торговая площадь и княжий двор были совсем не огорожены. Тем не менее, в отличие от Владимира и Суздаля, с их мощными средневековыми валами, у нас нет ни следов древних валов, ни припомнаний подобного. Возможно, Ростов, как «брошенная столица», не получил серьёзных оборонительных сооружений. Несомненно, по этой причине князь Константин встречал своих братьев-недругов в апреле 1213 года на реке Ишне, как естественной преграде. «(1213) И прия встали у Ростова за рекою Ишнею. Константин же расставил полк свой у бродов подле реки. И так начали Ярославля дружины и Юрьева биться о реку Ишню, было грязко вельми и поэтому нельзя было пройти Юрию и Ярославу ко граду Ростову... Стояли же между собою недели четыре и умирились целовав крест. И разъехались каждый из них восвояси» (Летописец Переславля Сузdalского).

Мы не знаем, когда копали Ростовский ров. Следы его есть на местности, на старых планах и в топонимике. У церкви Леонтия на Заровье этот объект заметен лучше всего, в других местах он исчезает почти на глазах. Кое-где на его основе вырыли пруды, в других местах используют как дренажную канаву. Кстати, Толгская церковь когда-то называлась Власия на Заровье. Ров раскапывали только один раз, подъёмный материал археологи датируют XIII веком, этим же временем засыпку рва. Сложилось впечатление, что, с одной стороны, в начале столетия князь Константин пытался создать какие-то крепостные валы и ров вокруг ростовского посада, но, возможно, монголы по-

велели засыпать ров. Без сомнения, Ростовский ров заслуживает охраны и изучения. Подводя итог сказанному, приходится убеждаться, что древние кремль и окольный город Ростова, если и существовали, то не играли значительной роли и следов после себя почти никаких не оставили. Однако тяготение к озеру остаётся существенной чертой города до сих пор.

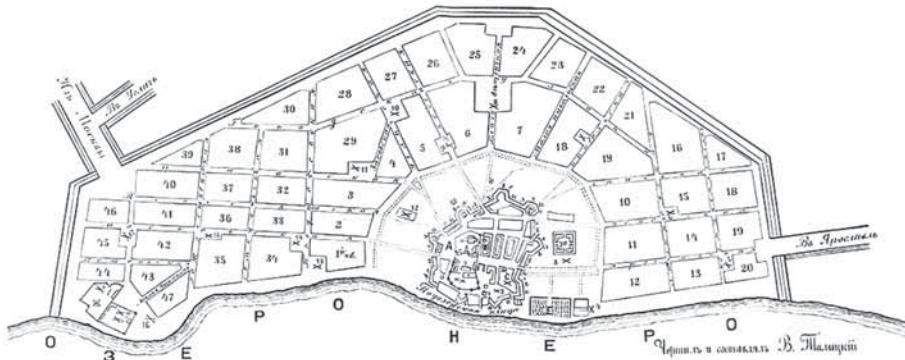
При изучении старинных планов города XVII–XVIII веков создаётся впечатление, что Ростов сохранял характер вытянутого вдоль озера поселения, какими были древние Белозёрск и Рыбинск. Посад в городе преобладал, а кремль-острог сильно не выделялся, как минимум в рельефе. Вдоль озера по бровке на склоне берега тянулась одна улица-магистраль с рукавами к междугородним маршрутам. Въезд в город был далеко, со стороны Юрьевской слободы, через реку Ишню и Спасский луг было тогда ни проехать, ни пройти. Сохранилось в документах название идущей вдоль озера магистральной улицы – Мостовая, сохранился в настоящее время и её фрагмент, ныне называемый «I-й проезд Толстовской набережной».

Обычной для русских городов средневековья оппозиции кремля и посада в Ростове не наблюдается, ни на местности, ни в письменных свидетельствах. Даже появление, наконец, в 1634 году Земляной крепости, базой планировочных решений в городе осталось озеро Неро. Это не преувеличение. Наш город тесно связан со своим водоёмом через жизненно важную хозяйственную зону, которая получила название Подозёрка.

Как было сказано выше, наши города стоят на реках, топография реки обычно формировала положение кремля и посада города. Гораздо меньше городов стоит на озёрах. Это современные Белозёрск, Галич, Переславль и Торопец, но все они со своими озёрами соприкасаются только краями. Ростов полностью примыкает к озеру. Судя по планам и писцовым документам, к XVII веку длина заселённой береговой линии достигала пяти километров. Крайние точки на берегу – это Петровский и Яковлевский монастыри. Они существуют с XIII века. Возможно, таковы и были размеры города уже тогда, его трудно охватить полностью оборонительными валами. В средневековые Ростов был совершенно беззащитным, как об этом с подозрительностью пишет опричник и шпион Генрих Штаден: «Ростов – незащищенный город, а в нем монастырь. Когда крымский царь жег Москву, великий князь скрылся в этот монастырь, так как монахи отыскали в своих писаниях, что ни один неверный враг, который не верует во Христа, не придет на это место».

От своей беззащитности Ростов пострадал в октябре 1608 года. Тогда нападавшие польско-литовские банды сожгли город, разграбили его кафедральный собор и увезли ценного заложника, митрополита Филарета (Романова).

В наши дни берег озера осиротел. Наполовину берег занимает пыльная набережная, другая половина – в диких зарослях деревьев. Правда, кое-где есть очаги жизни, там, где в дно забыты столбы и на цепь поставлены лодки

Объяснение плана.

А. Кремль: а) Успенский собор; б) колокольня; в) п. Воскресения Хр.; г) Башня Златата и п. Спас на Спассах; д) бывший Архиерейский двор; е) п. Иоанна Богослова; ж) п. Григория Богослова; з) п. Спаса на пакоже; и) п. Евгения М. М.

В. Гостинный дворъ.

С. Дальничий Рождественский монастырь.

Д. Каменный мытый дворъ.

Е. Городской садъ.

Ф. Спасо-Яковлевский монастырь.

Г. Приходские церкви: 1) Богоявленская; 2) Иваново-по-заречская; 3) Вознесенская; 4) Архангельская Стефанская; 5) Козьмы и Дамиана; 6) Со. Лазаря; 7) Николо-Пальская; 8) Благовещенская; 9) Введенская; 10) Леонтий чудотворца; 11) Талгайской Б. М. (Иоанна Иверского); 12) Всех Святых; 13) Иоанна Предтечи; 14) Покрова пр. Б.; 15) Рождества пр. Б.; 16) Архангела Михаила; 17) Никольская, что во ржищах; 18) Вознесения Господина (въ террасе землного вала); *).

* Упомянутыя въ описании первые Спасы професии и паром Константиновская находятся за чертой города.

Талицкий В. А. План города Ростова Ярославской губ. XIX – нач. XX вв.

Издание А.А. Титова Музей-заповедник «Ростовский кремль» АР-1292

у деревянных мостков. Редко встречаются расчищенные от тарнавы и подсыпаные песком «купалки». После войны в них с удовольствием купались дети. У кремля есть улица Петровичева, по характеру напоминающая древнюю Мостовую. На неё выходят фасады домов, сзади (со стороны озера) «дворы», нежилая, хозяйственная часть участков. Дворы хозяев тянутся к озеру по склону на юг, юго-запад и хорошо прогреваются весной и летом. Здесь на плодородных и ухоженных «грядах» почвы растёт ростовский «товар»: лук и чеснок, другая зелень. Забор заканчивается у заливных лугов, а за полоской камышей не сразу вода, а места для рыбалки, потом стоящие порой бок к боку лодки. Старожилы рассказывают, что детьми бегали в школы, перепрыгивая по ним. У каждой семьи была лодка на озере. О том же рассказывает летопись, повествуя о трагическом пожаре 1408 года:

«... (6916) Того же лета, месяца июня 21 день, в час 7 дня, в четверток, в граде Ростове сгоре церквей 14, и каменнаа церкви святаа Богородица съборнаа загореся сверху и върх ея впадеся ... И колоколы исгореша и разлившася, люди начали мыкати из домов своих ко езеру в суды, а иныя в плоты мыкаша котоже своя бремена...» (Тверская летопись. Петроград, 1922. Сс. 481–482.)

До последних дней Ростов хранил свою тесную связь с озером. Даже если рвы и острог играли какую-то свою роль в градостроительстве, то тяготение

ПЛАНЪ ГОРОДА РОСТОВА

Ярославской губ.

к озеру – это главная планировочная особенность нашего города. На взгляд автора, тесную связь города и озера следует беречь и развивать. Ростов возник на берегу, впервые упомянут в летописи вместе озером, и ничто не должно разрывать их тысячелетней связи. Предполагаемое строительство двухполосной автодороги от Авраамиева до Яковлевского монастыря грубо попирает основной принцип ростовского градостроительства. Нуждаются в охране историко-культурные комплексы и ландшафты XV–XVIII веков по обоим берегам реки Ишни: Варницкая слобода, где в XV–XVIII веках работал соловаренный промысел; Архиерейская дача в Демьянах, связанная с памятью святителя Димитрия Ростовского; Варницкий монастырь; Юрьевская слобода и село Богослов с деревянным храмом 1687 года. Белогостицкий монастырь на реке Векса упоминается впервые в 1410 году и словно повторяет тяготение города и его коммуникаций к озёрно-речной системе.

В XVII веке, как фиксируют самые ранние планы и документы этого периода, Ростов по-прежнему зажат между берегом и сухой дорогой, проходящей от Юрьевской слободы через Ямскую к Великой (Спас-Графской) слободе до Петровского монастыря. Эта трасса наряду с озером до сих пор является его существенной планировочной доминантой. Таким образом, градостроительная структура Ростова очень архаична.

За много столетий династия Рюриковичей не обеспечила городу надёжных укреплений, ограничившись в основном строительством храмов и соборов, призванных мистически охранять город. Абсолютистская династия Романовых поступила иначе: в 1634 году за короткий срок была сооружена Земляная крепость, в настоящая время активно играющая роль городского центра. Обстоятельства её появления и бытования таковы. Попытка выстроить современные крепостные сооружения была предпринята ещё при Иване Грозном, но не закончена. Осенью 1608 года митрополит Филарет (Романов) в незащищённом Ростове попадает в плен. По возвращении из плена, когда ожидалось ещё продолжение войны с Польшей, он и его сын Михаил Фёдорович доводят дело до конца и строят в Ростове крепость итальянской военной системы. Возводятся девять земляных бастионов, куртины между ними и двое ворот. Руководил работой мастер из Нидерландов Ян Корнелий ван Роденбург. Крепость так никогда и не стала участницей военных событий, почему дошла до нас в великолепной сохранности. Вместо военного, Земляная крепость имеет огромное значение в градостроительстве Ростова. У города, наконец, появился свой кремль.

Постепенно, не сразу сложилась отчётливая оппозиция кремля и посада, которая теперь так пугает туристов. Вероятно, «Торговище» всегда находилось неподалёку от собора и нынешнего Гостиного двора, но в XVIII–XIX веках выстраивается комплекс торговых рядов. Следует заметить, что если торговые ряды и расположенные рядом муниципальные учреждения в тече-

ние дня ещё как-то привлекают горожан, то после пяти-шести вечера центр города совсем пустеет. С тех пор, как построена Земляная крепость, так и стало всегда: в центре почти нет жилья, здесь средоточие городских функций. Изоляцию Земляной крепости от городского посада усилила перепланировка Ростова в начале XIX века. В конце XVIII века все русские города получили новые генеральные планы, утверждённые лично Екатериной II. Улицы становились широкими и прямыми. Предпочтение отдавалось сетке прямоугольных кварталов. Особенности города, его рельефа учитывались примерно наполовину. В Ростове появилась новая улица – Окружная. На ней застроена только одна сторона. На другой – от бульвара до рва Земляной крепости почти всё было снесено, это освободили место для Ростовской ярмарки. Широкая полоса между Окружной улицей и Земляной крепостью, по большей части, не застроена до сих пор. Изоляция кремля от посада усилилась.

Итак, если у Ростова в средневековье не было чётко выраженного кремля (по крайней мере, в XIII–XVI вв.), то в Новое время Ростов, наоборот, приобрёл черты типичного древнерусского города с раздельными кремлём и посадом. В таком режиме, словно в машине времени, город существует и в наши дни. Внутри стен ведётся торговля, решаются властные вопросы, совершаются кафедральные службы, а в музее хранится и показывается культурное наследие. Центр в границах Земляной крепости в XVIII–XX веках, с его торговыми рядами, собором и магистратом, стал играть роль делового центра, а отделённая от центра широкой зеленою полосой застройка за Окружной улицей – роль посада. Поэтому, как положено приличному средневековому городу, вечером, когда закрываются лавки и государственные учреждения, невидимые стражи словно запирают ворота городских стен. Тогда в центре не остаётся никого, кроме испуганных туристов, которые не понимают сначала, что путешествуют на машине времени.

-
1. Чертёж города Ростова. РГАДА. Ф. 383. Оп. 1, № 100.
 2. План Ростова 1756 г. РГАДА. Ф. 383. Оп. 1, № 31.
 3. Тверская летопись (1408). ПСРЛ, том XXIV. Издание 2-е. М., 2000. С. 482.
 4. Городилин С. В. Данные письменных источников о городских укреплениях Ростова и политическая история Ростовского княжества // Труды Государственного Эрмитажа. Т. СХ. Оборонительные сооружения Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья и Нового времени. СПб., Труды Государственного Эрмитажа 2022. Сс. 39–53.
 5. Мельник А. Г. План Ростова 1756 г. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. 9. Сс.162-165.
 6. Мельник А. Г. Миры Ростовской земляной крепости // История и культура Ростовской земли. 2013. Ростов, 2014. Сс. 67-81.
 7. Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII в. Л.; М., 1953.
 8. Штаден Г. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 287.

Село Холуй – происхождение названия

В Ивановской области расположено село Холуй, первое упоминание о котором относится к середине XVI века, но есть косвенные свидетельства говорящие о том, что село могло существовать уже в середине XV века. Сначала слобода Холуй прославилась солеварением, в документах того периода в названии неизменно присутствовало слово соль: «на Холую у Новой соли», Холуйское Усолье, Холуйская Соль.¹ Начиная с XVII века, село Холуй – это крупный центр иконописания. В советское время Холуй становится знаменитым центром лаковой миниатюры, наряду с Федоскино, Палехом и Мстёрай, составляя славу народного искусства России.

Необычное название села давно привлекает к себе внимание исследователей, со временем накопился обширный материал, позволяющий приблизиться к разгадке названия. Первое, что нужно отметить, название села не является редким, его можно считать даже весьма популярным. По крайней мере, на карте Российского государства раньше насчитывалось около двух десятков населённых пунктов с таким названием. Причём не только сёла, слободы, пятины, но и реки, озёра, урочища носили, да и сейчас носят подобное наименование. Широка география названий, был Холуй в Новгородских и Нижегородских землях, в Пермской, Псковской, Владимирской, Кировской и Архангельской, Тверской, Самарской, Вологодской областях, в Забайкальском крае. Сейчас на карте страны осталось шесть населённых пунктов с таким названием. Помимо села Холуй, знаменитого центра лаковой миниатюры, есть село Холуй в Вышегожском районе Вологодской области, деревня Холуй в Каменском районе Кировской области. Деревни Малый Халуй и Большой Халуй на реке Халуй в Каргопольском районе Архангельской области, село Холуй База в Забайкалье. Но это ещё не всё, до 1920 года существовала деревня Холуй в Минской губернии, деревня Холуёво в Львовской области, свой Холуй был в Словакии, Польше, Сербии. Все эти населённые пункты объединяет важное обстоятельство: они возникли в древности, в основном в XV-XVI веках и раньше. Понятно, что никто не станет называть своё село словом неблагозвучным, относящимся к человеку низкого достоинства. Что в таком случае обозначает это слово?

В словаре Владимира Даля, кроме устоявшегося в современном мире и привычного для нас трактования слова холуй как слуга, лакей, подлый родом и приёмами, приводятся и другие объяснения – отруби и месятка для скота; сор, дрязг, нанос от разлива, коим заволакиваются луга; плетень рыболовный; гриб валуй-халуй. А так же – чурка, свинка для игры в городки, даже

поговорка бытowała: «Из осинового дышла тридцать три халуя вышло».² В этимологическом словаре Макса Фасмера дополнительно находим ещё не сколько объяснений: камень, торчащий из-под воды в реке; груда наносного леса, брёвен.³ Исходя из данных толкований, строились различные предположения о происхождении названия, известного на весь мир центра лаковой миниатюрной живописи села Холуй. На экскурсиях в музее искусства Холуя говорят, что название пошло от рыболовного плетня.⁴ Эта версия на протяжении последних десятилетий является основной, общепринятой, но она не верна, и доказать это очень легко. Конечно, в Холуе на Тезе рыба всегда водилась, для её ловли, безусловно использовали рыболовные заколы из плетня, но дело в том, что в наших краях такая счасть называлась не холуй, а «яз» или «ез», эти варианты названия зафиксированы в словаре В. И. Даля: «Холуй, холуйник, плетень рыболовный, яз, ез или заезок».⁵ Всё понятно становится, когда читаем грамоту XV века, в ней монахи Троице-Сергиева монастыря жалуются на рыбаков, которые ставят «езы» – плетни рыболовные на реке Лух, рядом с монастырскими езами: «игумен Спиридон Сергиева монастыря з братьею,казывает, что де ез у них на Луху на монастырской земле; да х тому же езу пришёл близко холуй Красенской и вы ныне бьете на собя ез ниже того холуя Красенского, за тем де на их езу рыбы нет; а истарини де ниже того холуя Красенского езу не бивали.»⁶ Поясним, что означает выражение «бить ез»: устройство рыболовного плетня подразумевает забивание жердей-свай в дно реки, затем жерди оплетали ивовым прутом. Монахи в грамоте жалуются, что к их езу, рыболовному плетню, пришёл близко холуй Красенской. В данном случае имеется ввиду затор из брёвен, или песчаный нанос, причём давний и даже получивший название. Значит, в нашей местности в XV веке холуем называли не плетень рыболовный, а упавшие в реку деревья, образовавшие затор. Можно в таком случае предположить, что название нашего села пошло от подобного затора. Или, может, от «сора, дрязга, наноса, остающегося после разлива, коим заволакиваются луга»? Разливы в Холуе всегда были, и сора от них остаётся много.

Также была высказана версия, особенно популярная в середине XX века, что сюда бежали от татарского нашествия суздальские княжеские «холуи», отсюда, мол, и название. В книге писателя М. Шошина читаем: «Холуй стал крупным селом и скрывать его от людских глаз стало уже невозможно. Тогда-то его и отыскали отцы-смотрители и казначеи Суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря ... узнали, что давно-давно поселились тут суздальские княжеские «холуи»... Они недолго думали над названием села и записали прямо «Холуй на Тезе».⁷ Версия эта не выдерживает никакой критики, населённые пункты с названием Холуй образовались в древние века, когда «прислужника» называли смердом, рабом, челядью, холопом, но не холуем,

в древних грамотах не встречается это слово. «Холоп» и «холуй» – разные понятия, холоп в древней Руси человек зависимый, бесправный, он получал содержание, жил и работал при княжеском дворе, звание холопа не являлось унизительным, а холуй – это без сомнения унизительное, бранное слово. Институт холопства был отменён Петром I в 1723 году, термин вывел из оборота Екатерина II, заменив его словом подданные. В том же XVIII веке, как отмечено в словаре М. Фасмера, из прибалтийско-немецкого в русский пришло унизительное слово *chaluj* – Холуй: «прислужник, нахал, подхалим», постепенно вытеснив все остальные значения слова, навсегда закрепив в нашем сознании порицание подобного человека и неблагозвучие этого слова.

Одной из ошибок в поиске происхождения названия является то, что делаются попытки объяснить название конкретно нашего села, а нужно искать общую причину появления в России целого ряда сёл с названием Холуй. Некую тенденцию, по которой в средневековые возникли сёла с таким названием, общие корни этого явления.

В частности, велись такие поиски в области финно-угорского происхождения названия. Версия, высказанная В.В.Возиловым, предполагает, что в основе топонима лежат корни *oulu*-«половодье» и *oja*-«ручей, речка».⁸ Эта версия зафиксирована в Топонимическом словаре Ивановской области: «Очевидно, с приходом славян финно-угорское название селения Оулай стало Хоулай чтобы позднее превратиться в Холуй. Таким образом, наш Холуй является этимологическим «родственником» финского города Оулу, старейшего в Северной Финляндии.»⁹

Позволю себе не согласиться с финно-угорской версией, хотя определённая логика в этих рассуждениях безусловно имеется. Некогда наш край действительно был заселён финно-угорскими племенами, в непосредственной близости от Холуя обнаружен могильник VII-IX века н.э. племени Мурома, а село Мордовское, расположенное рядом с Холуем, – прямое напоминание о бывшем коренном населении наших мест.

Но всё же славянская версия происхождения названия представляется более обоснованной, с учётом того, что это слово встречается у всех славян, восточных, западных и южных.

Интересную информацию находим в словаре Ю. Чайкиной: существительное «холуй» в вологодских говорах употреблялось в значении «одинокий посёлок», «однодворок».¹⁰ Возможно, отсюда образовалось слово «захолустье»? В словаре В. И. Даля «захолустье» трактуется как отдалённое, мало-проезжее место. Получается, что холуй и захолустье близкие по значению слова.

Наконец появилась новая информация, которая в корне меняет наше представление о слове холуй. Известно, что славяне, простолюдины и князья,

как правило носили два имени – славянское и данное при крещении. Например, равноапостольная княгиня Ольга в крещении была Еленой, Владимир Мономах крещён Василием, а Всеволод Большое Гнездо имел христианское имя Дмитрий. Сочетание языческих и христианских имен стало традицией, причём в летописях часто исторические личности фигурируют под своими славянскими именами. Для нас в данном случае интересен род князей Ухтомских. Отдельная ветвь этого рода Рюриковичей отмечена в документах XV-XVI веков с двойными именами. Так, например, князь Василий Меньшой-Капля, Иван Васильевич Ухтомский-Пенка, Фёдор Васильевич-Брюхо, Алексей-Коприй, Иван-Угрим и, наконец, Фёдор Васильевич Холуй Ухтомский.¹¹ Таким образом, Холуй является древним славянским именем. Что означало это имя, пока сказать не можем, возможно, со временем появятся версии и объяснения специалистов. Интересно, что примерно в то же время, в XV-XVI веках, появилось большинство населённых пунктов с названием Холуй. А ещё были сёла с названием Угрим, это прозвище носил брат Фёдора Холуя, Иван Иванович Угрим Ухтомский. До сих пор в Белгородской области существует хутор Угрим, река и озеро Угрим.

Сын князя Фёдора Холуя именовался в документах Василий Фёдорович Холуев-Ухтомский.¹² Славянские имена-прозвища при прибавлении суффикса -ов/ев/ин обозначали отчество, становились фамилиями, некоторые из них бытуют до сих пор: Каплины, Пенкины, Брюхановы, Холуевы. Фамилии Холуев, или Холуй, бытовавшие в России, сейчас фактически утрачены из-за своего мнимого неблагозвучия. В Нижнем Новгороде жил и работал известный художник Владимир Фёдорович Холуёв (1932-2003), заслуженный художник РФ, председатель Горьковского отделения Союза художников России. Однако у южных и западных славян фамилия сохранилась и весьма распространена, что доказывает славянские корни этого слова. Например, в Польше хорошо известен писатель Тадеуш Холуй (1916-1985). В Словакии фамилия Холуй имеет широкое распространение.

Когда стало понятно, что Холуй – это славянское имя, мы ещё раз вспомнили легенду, опубликованную во Владимирских губернских ведомостях в 1874 году. Сказание, записанное со слов крестьянина слободы Холуй И. Сивкова, повествует о том, что когда было разграблено село Введенское, крестьяне решили перенести своё жильё на другое, довольно высокое место (где сейчас располагается с. Мордовское). С этим не согласилась группа рыболовов во главе с неким Халуём Седнем, получившим своё прозвание от белой как лунь бороды. Четверо рыбаков во главе с Седнем построили свои скромные жилища прямо на берегу реки Тезы в болоте на небольшой поляне.¹³ Получается, что основателем села Холуй является рыболов Халуй Седень. Таким образом, это сказание полностью объясняет происхождение

названия. Кстати, слова «холуй» и «халуй» В. И. Даль поместил в одну главу, не делая между ними разницы по смыслу.

Почему раньше никто не связывал Халуя из сказания с основанием села Холуй? Просто потому, что все исследователи находились в плена общепринятого значения. Не зная, что Холуй это славянское имя, а не только обозначение слуги, лакея, подхалима, предполагали, что он был чей-то слуга.

Смысл отдельных слов может меняться до неузнаваемости. Наши далёкие предки не подозревали, что пройдут века, и название села станет неблагозвучным.

В настоящее время завершается работа над более обширной статьёй, посвящённой существительному «холуй», где будут рассмотрены все значения слова, причём не только в русском языке, но и в языках других славянских народов. Кроме автора этих строк, над статьёй, можно даже сказать книгой, посвящённой всего одному слову, работали коллеги из Словакии, Владимир Холуй и Фердинанд Холуй. Я думаю, не нужно объяснять, почему этих людей заинтересовало слово холуй.

На словацком языке исследование практически готово, осталось сделать последние уточнения. На обложке помещены три иллюстрации. На первой – фотография плуга, по-словацки «холуй» переводится как «плуг». На второй фотографии – село Холуй, на третьей – Владимир Холуй, главный инициатор исследования. Проведена большая работа, в результате получился труд объёмом в сто сорок страниц. Надеюсь, что в скором времени эта книга будет переведена на русский язык.

-
1. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11320. Ч. 2. Л. 1059 об., 1061, 1063.
 2. Владимир Даль. Толковый словарь в четырёх томах // М. Русский язык. 1991. Т. 4. С. 541.
 3. Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка // СПб. Азбука. 1996. Т 4. С. 259.
 4. В. В. Стариков. Искусство Холуя // Ивановское книжное издательство. 1959. С. 85.
 5. Владимир Даль. Толковый словарь //М. Русский язык. 1991. Т. 4. С. 541.
 6. Акты соц.-экон. истории Северо-Восточной Руси. кон. XIV – нач. XVI в. Т. 1. М. 1952. С. 265.
 7. М. Д. Шошин. По родной области// Иваново. 1949. Сс. 85-86.
 8. В. В. Возилов. К вопросу о содержании топонима Холуй // Южский альманах № 5. Иваново-Южа. 2019. Сс. 61-64.
 9. Н. Н. Тяпков. Топонимический словарь Ивановской обл. // Иваново. 2018. Сс. 273-274.
 10. Ю. И. Чайкина. Словарь географических названий Вологодской области. 2-е изд., доп. // Вологда. 1993. С. 377.
 11. Князь Фёдор Холуй Васильевич Ухтомский (1470-1530).
 12. А. П. Грязнов. Реконструкция вотчинных архивов князей Ухтомских// РГНФ. Научный проект № 4-11-35003 а (р). С. 33.
 13. Владимирские губернские ведомости. 1874. № 15. С. 5.

Иваново-вознесенские фабриканты Гарелины на холуйских ярмарках в 1850-70-х годах

История ярмарочной торговли в Холуе неоднократно становилась предметом исследования специалистов по региональной тематике. По нашим сведениям, первой на Пожарских Неопалимовских чтениях, проходящих в Юже с 2005 года, обратилась к этой проблематике А. Ю. Иванова. На четвёртых по счёту чтениях, состоявшихся 3-4 ноября 2007 года, темой её сообщения, а затем публикации стали водные пути сообщения по Тезе и Клязьме, и в связи с этим – доставка товаров на холуйские ярмарки¹.

Непосредственно холуйским ярмаркам была посвящена статья А. Г. Торопова, который во время работы в Государственном архиве Владимирской области нашёл интересные документы по этой теме в фондах канцелярии губернатора и губернского правления². В пятом выпуске «Пожарского юбилейного альманаха» была опубликована статья Ф. И. Кагана и Г. К. Белугиной, в которой обобщался опыт проведения Тихвинской ярмарки в современных условиях³. Возрождение ярмарки произошло в 2003 г. в соответствии с проектом, созданным на кафедре социально-культурного сервиса и туризма Ивановской государственной текстильной академии. Ярмарка стала проводиться ежегодно в те же сроки, что и в позапрошлом столетии. Большим вкладом в изучение истории Холуя и проходивших в нём ярмарок стала публикация М. М. Якушкиной, основанная на материалах отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва). К её статье в «Пожарском юбилейном альманахе» была приложена очень информативная таблица, дающая представление о деловых людях Холуя в начале XIX в. Таких мелких предпринимателей в то время именовали «капиталистами» крестьянами⁴.

В 2022 году на Пожарских Неопалимовских чтениях прозвучал доклад автора этих строк, в дальнейшем опубликованный в девятом выпуске «Южского альманаха»⁵. В нём шла речь о том, что жители Холуя восприняли учреждение ярмарок в Вознесенском посаде Шуйского уезда как конкурентный вызов своей торговле, при этом они сумели привлечь к своей кампании против конкурентов помещицу Холуя графиню С. П. Бобринскую вместе с её связями в административных структурах.

В качестве источников автор использовал документы из фонда бумаго-прядильной, ткацкой и ситцепечатной фабрики Товарищества мануфактур Н. Гарелина в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО). Одно из обнаруженных нами в этом фонде дел посвящено торговле Гарелиных на Тихвинской ярмарке 1869 г., другое – на Введенской и Никольской ярмарках в том же году. В документах третьего дела идёт речь о торговле на Масленич-

Торговые ряды Холуйской ярмарки. Фото кон. XIX в.

ной ярмарке в 1870 году. Для рассмотрения вопроса о сбыте ткани этой крупной фирмы из того же фонда привлекались и другие единицы хранения, так или иначе посвящённые ярмарочной торговле Гарелиных. Большинство документов, использованных нами, не вводились до сих пор в научный оборот.

Несколько слов необходимо сказать о предприятиях Гарелиных, которые действовали в Иваново-Вознесенске. Первую мануфактуру в селе Иваново они основали ещё в 1751 году. Предприятие, последовательно переходя от отцов к сыновьям, а затем к внукам, превратилось в середине XIX в. из мануфактуры в фабрику и одновременно распалось на три отдельные фирмы. Упомянутое выше Товарищество мануфактур Н. Гарелина принадлежало сначала Никону Мефодьевичу, а потом его младшим сыновьям Сергею, Фёдору и Мефодию, после смерти двух первых оно оказалось в руках Мефодия Никоновича. По статистическим данным, относящимся к 1913 году, на предприятии трудились 2 330 рабочих и служащих. Старший сын Никона Мефодьевича – Иван – основал в 1855 году своё отдельное предприятие, которое до революции принадлежало Товариществу мануфактур И. Гарелина, им управлял сначала старший сын последнего – Никон Иванович, а после его смерти – его брат Александр Иванович. В 1913 г. на нём работали 5,5 тыс. человек. Также в Иваново-Вознесенске действовала фабрика, которая принадлежала наиболее выдающемуся представителю семьи Гарелины – Якову Петровичу, которая была им сдана в аренду и на рубеже XIX-XX веков

называлась Покровской мануфактурой, на ней накануне Первой мировой войны работали 1540 человек⁶. Эти предприятия по фабричной статистике того времени относились к разряду не просто «крупных», а «крупнейших». В нашем распоряжении имеются документы о торговле в Холуе лишь первой из перечисленных трёх фирм.

По архивным данным мы имеем возможность установить ассортимент тканей, которыми торговали братья Сергей, Фёдор и Мефодий Гарелины в Холуе. Сразу следует отметить, что не только Гарелины, но и абсолютное большинство предприятий Иваново-Вознесенска и всего окружающего текстильного края производили хлопчатобумажные ткани. Немногочисленные льняные предприятия находились только в Яковлевском (ныне – г. Приволжск), Пучеже, Кохме, Ново-Писцове. Торговали Гарелины почти исключительно ситцами, т. е. готовыми тканями, только иногда продавали миткаль – суровые, неотделанные ткани.

В связи с тематикой данной публикации напомним неоднократно воспроизводившуюся в научной и популярной литературе последовательность годового цикла ярмарок в Холуе (сроки приводятся по старому стилю). Год начинался масленичной ярмаркой, которая проходила обычно в феврале – марте. Затем следовала самая известная – Тихвинская ярмарка в конце июня, в середине августа – Фроловская, в конце ноября – Введенская и вслед за ней после непродолжительного перерыва – Никольская в начале декабря.

Заинтересовавшие нас архивные дела фонда № 103 ГАИО под номерами 143 и 144 называются «Счетами» Тихвинской, Введенской и Никольской ярмарок в Холуе за 1869 года. Реально они представляют собой реестры получения долгов от крупных и мелких торговцев, которые получали товар в долг на предыдущих ярмарках. Из этих документов можно извлечь интересные сведения о товарах, которые продавались в Холуе.

О колористическом ассортименте говорят такие названия ситцев как пунцовый, розовый, двурозовый, бланжевый. Последний термин происходил от французского слова *blanche* – белый, но на самом деле эти ткани были не белыми, а телесного цвета. Среди ситцев, продававшихся здесь на ярмарке, встречаются и «белоземельные»⁷. Это означало, что фон у ткани был белым, а на нём могло находиться всё что угодно – цветы крупные или не очень (мильфлор), абстрактные геометрические или этнические узоры.

Также продававшиеся на холуйских ярмарках ткани могли носить географические названия. На Тихвинской, Введенской и Никольской ярмарках 1869 г. и Масленичной ярмарке 1870 года перечислены ситцы баварские, лондонские и ирбитские⁸. Последнее наименование происходит от названия ежегодной и весьма знаменитой со времён Средневековья Ирбитеской ярмарки – важнейшего перевалочного пункта российской торговли с Сибирью и Китаем. В самом Ирбите текстильных предприятий не было, и название

означало, что ткани такого типа пользовались спросом у оптовых покупателей в Ирбите. Что касается лондонских и баварских ситцев (в других делах того же фонда встречаются и «берлинские» ситцы), то в столицах Германии и Англии, а также в Баварии ивановскими ситцами явно не торговали, вследствие таможенных барьера и неконкурентоспособности наших тканей в Западной Европе. Названия такого рода ситцам были даны, возможно, потому, что они были широко распространены в Англии и Германии, и оттуда были вывезены образцы, с которых начали изготавлять ткани подобных же артикулов в России.

Наконец, названия некоторых ситцев, привезённых в Холуй из Иваново-Вознесенска, свидетельствовали о технологиях, использовавшихся при их производстве. Это кубовые, двухкубовые и даже трёхкубовые ткани. Это означало, что ткани погружали в куб (резервуар) с горячей краской, при этом её вываривали в этой краске. Естественно, что трёхкубовая ткань была более качественной, а цвет на ней – наиболее густым. Встречается ещё одно название – «трёхвальный» ситец. Этот термин подразумевал, что он пропущен для отделки через печатную машину, в который были три вала, и каждый наносил на ткань свою краску. Другими словами, трёхвальный ситец – это хлопчатобумажная ткань в три цвета. Также в ярмарочных счетах Гарелиных с холуйских ярмарок не раз встречалось упоминание о «машинных» ситцах⁹. Имелось в виду то, что они выработаны на отделочных машинах, а не вручную с помощью печатных досок-манер. Этот дедовский способ в 1860-70-х годах ещё нередко применялся на фабриках для выработки ручного, эксклюзивного товара. В дальнейшем весь ситец стал «машинным», и этот термин перестал употребляться, т. к. иных тканей в обороте просто не было.

Измерялись ткани не погонными метрами, как сейчас; для оптовой торговли тогда имелась такая мера как «кусок». Это был рулон ткани довольно неопределённой длины. В зависимости от типа ткани, фабрики, региона страны и каких-то иных факторов кусок мог быть длиной 57, 58, 59, 60 и даже 65 аршин (эта мера длины в дореволюционной России составляла 71 см). Чаще всего длина ткани в куске была около 60 аршин. По нашим данным, на рубеже 1850-60-х годов среднестатистический кусок неокрашенного миткаля стоил от 9 р. 90 к. до 15 р. 50 к. Расцвеченный, т. е. окрашенный в разные колоры, ситец стоил заметно дороже: берлинский – 17 р. 70 к. за кусок, бело-розовый – 19 р., двурозовый – 19 р. 30 к., а пунцовий – 31 рубль¹⁰.

Товары из села Иваново и Вознесенского посада (город Иваново-Вознесенск возникнет только в августе 1871 г., т. е. через один – два года после рассматриваемых нами ярмарок 1869-70 гг.) везли гужом в Холуй через Шую. В расчёт расходов Гарелиных по ярмаркам включались «харчи в Шье», т. е. плата за обед в трактире для возчиков, а также «корм лошадям», которых приходилось кормить и поить в пути не один раз. Путь с тяжелогружёными

возами до Холуя занимал около двух-трёх дней в зависимости от состояния погоды и дороги. Также в накладные расходы включалась плата за харчи для возчиков и фураж для лошадей во время пребывания их в Холуе¹¹. Эти деньги попадали в карманы предприимчивых жителей Холуя, которые содержали здесь обширные постоянные дворы для приезжих.

Гарелины в ряде случаев продавали не только свой товар, но и прихватывали со своими обозами ткани и других ивановских производителей. Так, в 1869 г. они взяли в Холуй на продажу две сотни платков – дорогого, но довольно ходкого товара, у Рябчиковых. Последние были в то время в Иванове отнюдь не самыми крупными производителями, и специально отправлять один или два воза с товаром в Холуй для них было накладно. Поэтому они за небольшое вознаграждение пользовались оказией, чтобы отправить свою продукцию с гарелинским обозом¹².

Круг покупателей гарелинских тканей на холуйских ярмарках был разнообразным. Перечень их даёт нам представление о том, из каких городов приезжали сюда коммерсанты, и не только за гарелинскими тканями, но и за другими товарами. Среди них было довольно много татар из Казани, торговыми партнёрами Гарелиных были, например, Назмундин Нагамедуллин, Абдула Ямашев и др. Наверняка рукой приказчика их имена и фамилии написаны не совсем правильно, но мы воспроизведим их здесь по тексту документа. Так же ивановская фирма торговала с купцом Григорием Григорьевичем Фоминым из Вольска, он закупил гарелинских тканей в 1869 г. более чем на полторы тысячи рублей. Уездный город Вольск Саратовской губернии стоял, как свидетельствует его название, на реке Волге; вольское купечество было коммерчески активным и богатым. Так же в расчётной книге упоминается купец Тарас Павлович Туманов из Коврова и купец Вознесенского посада Адриан Алексеевич Напалков. Возникает закономерный вопрос – почему А. А. Напалков не мог купить ткани у братьев Гарелиных в самом Иванове или Вознесенском посаде, а поехал за ними за десятки вёрст в Холуй? Мы можем предположить, что ткани Напалкову понадобились для того, чтобы продать потом этот товар в Холуе мелким оптом оfenям, которые закупались именно на холуйских ярмарках, а потом расходились не только по окрестным губерниям, но по всей России. Причём А. А. Напалков был здесь одним из самых крупных покупателей Гарелиных. В 1869 г. он приобрёл у Гарелиных в Холуе тканей на 8 194 рубля¹³.

Особый интерес представляют данные о местных жителях, которые закупали ситцы у фирмы братьев Гарелиных. Постоянной покупательницей их являлась Екатерина Козьминична Бестемьянникова. Вероятно, у Гарелиных складывалось впечатление, что у холуйской торговли было своё отчётливо выраженное женское лицо, т. к. ещё одной покупательницей здесь являлась другая местная жительница, принадлежавшая, как и Бестемьянникова, к чис-

лу коренных жителей Холуя – Авдотья Козьминична Костерина. Ткани они приобретали на ярмарках небольшими партиями, не более чем на сотню рублей каждая. Также из местных покупателей следует упомянуть А. Е. Базанова из села Мугреево (из документа не ясно – Никольского или Дмитриевского). Он закупался в Холуе тканями более основательно, чем упомянутые выше две женщины – на несколько сотен рублей¹⁴.

Продажа тканей в Холуе осуществлялась как за наличные деньги, так и в кредит. Причём второй способ абсолютно преобладал над первым. Приведём конкретные примеры. Е. К. Бестемьянникова на Тихвинской ярмарке 1869 г. взяла тканей у Гарелиных в долг на 71 р. 23 к. с обязательством заплатить на Фроловской ярмарке, т. е. через два месяца. Очевидно, она не рассчитала своих возможностей и сумела расплатиться только на Никольской ярмарке, т. е. почти через полгода. Документы умалчивают о том, взяли ли Гарелины с неё пени за задержку¹⁵. В 1868 г. А. К. Костерина на Никольской ярмарке 1868 г. взяла у Гарелиных товар в долг на 67 р. 52 к. с обязательством заплатить на Тихвинской ярмарке 1869 г. и выполнила это обязательство¹⁶. Гарелины открывали кредит своим постоянным партнёрам, в надёжности которых они были уверены, и на гораздо более длительные сроки – на пятнадцать и даже на восемнадцать месяцев¹⁷.

Ярмарочная торговля была устроена так, что товар отправлялся на места оптовой продажи с большим запасом. Почти не было случаев, чтобы он был распродан весь. В рассмотренных нами документах есть сведения о том, сколько товара оставалось нераспроданным и куда его потом везли. Некоторые ярмарки в европейской части России следовали вскоре после окончания той или иной холуйской ярмарки. Так, после Никольского торжища, прошедшего в декабре, сани с товаром направлялись из Холуя на ярмарку, которая происходила в городе Мензелинске. Он первоначально входил в Оренбургскую, а потом в Уфимскую губернию (ныне – в Республику Татарстан). Также непроданные в Холуе ткани везли в город Новохопёрск Воронежской губернии, где также происходила всероссийская известная ярмарка¹⁸. Попутно отметим, что ткани фабрики братьев Гарелиных продавались и на самых крупных и известных в России Нижегородской и Ирбитской ярмарках, в городах Ростов Ярославской губернии и Тихвин около Петербурга, а также на ярмарках в сёлах Парское и Введенье в текстильном крае¹⁹.

С конца 1860-х гг. и в первой половине 1870-х гг. наблюдается постепенный упадок ярмарочной торговли в Холуе в связи со строительством в 1867-68 гг. железной дороги Новки – Савино – Шуя – Кохма – Вознесенский посад и, соответственно, Иваново. Об этих неблагоприятных тенденциях убедительно свидетельствуют статистические данные, обнаруженные нами в фронтальном просмотренном фабричном фонде Гарелиных. В это время остатки непроданного товара становятся всё больше, причём слово «остат-

ки», употреблявшееся в документах, реально не соответствовало действительности. В 1869 году на Тихвинскую ярмарку эти ивановские фабриканты привезли 1175 кусков ситцевого товара на 60 тыс. рублей (сумма по тем временам очень солидная!), а нереализованными остались 1118 кусков на 57 тыс. р. То есть из привезённого товара было продано всего лишь 5 % его количества²⁰. В связи с этим перед фабрикантами возникал вопрос о том, стоит ли тратиться на доставку товара на ярмарки в Холуй, если торговля здесь, как тогда говорили, «падает», и не лучше ли его везти в Москву или на Нижегородскую ярмарку, где коммерция шла гораздо лучше. Точно так же рассуждали и другие текстильные фабриканты,... и не только они, но и оптовые продавцы прочих товаров – посуды, икон, книг, перевозочных средств (телег и прочих повозок), овчинно-шубного товара и др. Как отмечал А. Г. Торопов, в середине 1870-х годов крупная торговля в Холуе фактически прекращается²¹. Это существенно сказалось на материальном благополучии многих жителей Холуя, которые на протяжении долгого времени получали очень значительные доходы от ярмарочной торговли.

1. Иванова А.Ю. Судоходство по реке Тезе и Холуйская пристань // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 2. Иваново – Южа, 2007. Сс. 34–42.
2. Торопов А.Г. История ярмарочной торговли в Холуе // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 3. Иваново – Южа, 2007. Сс. 53–58.
3. Каган Ф.И., Белугина Г.К. Традиционная ярмарка для современных людей // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 5. Иваново – Южа, 2009. Сс. 60–66.
4. Якушкина М.М. Материалы по истории торговых мест в селе Холуйская слободка второй половины XVIII – первой половины XIX в. (по материалам ОПИ ГИМ) // Южский альманах. Вып. 2. Иваново – Южа, 2016. Сс. 23–44.
5. Балдин К.Е. Конкурентная борьба вокруг холуйских ярмарок в середине XIX в. // Южский альманах. Вып. 9. Иваново – Южа, 2023. Сс. 26–31.
6. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.
7. ГАИО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 66. Л. 21–22; Д. 143. Л. 6; Д. 144. Л. 2.
8. Там же. Оп. 1. Д. 143. Л. 6; Д. 144. Л. 2; Д. 162. Л. 2.
9. Там же.
10. Там же. Д. 66. Л. 21 – 22.
11. Там же. Д. 143. Л. 12; Д. 162. Л. 7.
12. Там же. Д. 143. Л. 6.
13. Там же. Л. 3.
14. Там же. Д. 143. Л. 3; Д. 144. Л. 5.
15. Там же. Д. 143. Л. 3.
16. Там же. Д. 144. Л. 5.
17. Там же. Д. 143. Л. 8–9.
18. Там же. Л. 7.
19. Там же. Д. 66. Л. 1.
20. Там же. Д. 144. Л. 2.
21. Торопов А. Г. Указ. соч. С. 57.

Раздел V

Духовная и нравственная культура

Е. С. Бутрин

Из истории Николо-Шартомского монастыря в первой половине XVIII в.

После восстановления в январе 1701 г. Монастырского приказа началась новая эпоха в жизни российских монастырей. Этот орган, по справедливому замечанию М.И. Горчакова, явился высшим учреждением, «специально посвящённым преобразовательным целям Петра по отношению к церкви». Приказ принял в управление все монастырские и архиерейские вотчины. Главной задачей нового органа было описание, а затем сбор доходов с церковных владений – часть их перечислялась на содержание духовенства, а другая уходила через приказ в государственную казну. Кроме того, чиновники приказа исполняли обязанности суда первой инстанции по гражданским и уголовным делам в подведомственных вотчинах.¹ Николо-Шартомский монастырь был описан приказными чиновниками в 1702 г., а уже в мае 1703 г. стольник Иван Кологризов получил указание «о даче Шартомского монастыря архимандриту з братиєю денежного и хлебного жалования на новой 703 год». В грамоте определялось также количество «лошадей и коров и корму», который получала братия монастыря. В сентябре 1703 г. стольник Гаврила Суворов адресовал архимандриту монастыря Александру указ о присылке именной ведомости монахам. Этим же документом постригать новых братьев «впредь без указа» запрещалось.²

Согласно переписи 1678 г. за монастырём числилось 515 дворов в Шуйском уезде, 37 дворов в Костромском уезде и 26 дворов в Юрьевецком уезде.³ В Шуйском уезде монастырские деревни были разбросаны по пяти вотчинным комплексам. Центром первого были сёла Пупки и Введенье (позже слились в 1 насел. пункт, ныне с. Введенье Шуйского района), второго – с. Чернцы, третьего – д. Королевино, четвертого – д. Гумнищи, пятого – с. Калачёво. В Костромском уезде Шартомскому монастырю принадлежало с. Акинфово.

в Шухомошской волости, а в Юрьевецком – с. Устье Сокольской волости. В шуйских вотчинах монастыря по переписным книгам 1678 г. имелось 3 села и 63 деревни. В них зафиксировано 494 крестьянских двора, 23 бобыльских и 5 «безтяглых». Монастырская администрация была сосредоточена в Пупках и Введенском – в них имелось 19 «служных» и 16 «детенышевых» дворов. Во Введенском имелись также конюшенный и скотный дворы, еще один скотный двор располагался в с. Калачёве. Все эти земли попали в управление Монастырского приказа в тяжёлый момент – полным ходом шли петровские преобразования, выкачивавшие из податного населения не только налоги, но и рабочую силу.⁴ Согласно описи Монастырского приказа, за монастырём было зафиксировано 292 жилых и 222 пустых двора – «пустота» составила 43%.⁵ Эти цифры приводятся в указе от марта 1703 г., по справке же Камер-конторы 1724 г. за монастырём по переписи 1678 г. значилось 602 двора, а запустило из них 312.⁶ Монастырский приказ разделил вотчины монастыря на три части. Доходы с Пупковской трети (206 дворов по книгам 1678 г.) шли на обеспечение монастыря. Крестьяне Чернецкой и Новой третей, а также костромской и Юрьевецкой вотчин (398 дворов) уплачивали налоги в Монастырский приказ. Общий оброк с монастырских вотчин составил 1119 руб. 99 коп. Поскольку 418 руб. 48 коп. приходились на «пустоту», оброк был снижен до 701 руб. 51 коп. Из них 294 руб. 12 коп., 88 четв. хлеба и 42 саж. дров выдавались на содержание монастыря, тогда как в государственную казну уходило 407 руб. 39 коп. и 80 четв. хлеба.⁷

Уже в феврале 1704 г. впервые устанавливается штат монастыря. По грамоте из Монастырского приказа стольник Гаврила Суворов переводит в монастырь четверых «служебников». Таким образом, общее число наследников определяется в 40 чел. Согласно справке архимандрита Кирилла, отправленной по указу епископа Сузdalского и Юрьевского Афанасия в марте 1736 г., по определению Монастырского приказа 1704 г., монастырская десятинная пашня и с хлебом, сенокосы и пустоши были переданы крестьянам с. Пупки «из оброка». За эти земли крестьяне пупковской «трети» были обязаны вносить в Монастырский приказ в год оброка на 1001 руб. 84 коп. Штат монахов первоначально был определён в 40 чел., а годовое жалование – по 5 руб. и 5 четв. хлеба каждому (всего – 200 руб. и 200 четв.). Затем штат был сокращён до 32 чел., с той же раскладкой на человека (160 руб. и 160 четв. хлеба). Кроме того, монахи должны были получать 10 четв. «разного мелкого запасу»: 4 четв. толокна, по 2 четв. овсяной и гречневой крупы, а также конопляного семени. Большую часть хлеба (88 четв.) вносили крестьяне пупковской трети, оставшиеся 82 четв. приходились на долю «приказных» третей (Чернецкой и Новой). Указом 1710 г. хлеб с «приказных третей» был переведён в денежный оклад «по указанной цене». Этот оклад составил 38 руб. 60 коп. и был положен на Пупковскую треть, тогда как две другие трети теперь платили хлеб в Монастырский приказ. Пупковский хлеб выдавался для повседневной

пищи монахам, бельцам и проживавшим при монастыре отставным солдатам*, в результате чего «исходил весь без остатка» в течение полугода. Из «монашеских порций» в 160 руб. платилось «зажилое» монахам и солдатам, «про всякой монастырской обиход» покупалась «рыба, соль и всякой харч», приобреталась одежда, оплачивался помол хлеба. Эта сумма также ежегодно употреблялась «вся без остатку».⁸

Стороннее управление, введённое Монастырским приказом в церковных вотчинах, отнюдь не способствовало их хозяйственному развитию. Главной задачей чиновников было получение как можно более значительной суммы налогов. Всё же огромный процент «пустоты» заставил приказ несколько снизить налоговую ставку: в марте 1708 г. дворянин Афанасий Сурмин получил указ взыскать «Оброчные и накладные» деньги только с жилых дворов, а с пустых «денег и хлеба до указу не спрашивать». Постепенно приказ даёт некоторые послабления и монастырю, увеличивая скучную сумму доходов. В июле 1710 г. архимандрит Павел получает указ о дополнении суммы жалования выплатами «на церковные потребы» (25 руб. 2 коп.).⁹ Тем же указом монастырским властям возвращается «суд и росправа» над крестьянами. В январе 1712 г. монастырь получает право на денежную компенсацию «на покупку дров и на монастырское церковное строение» (39 руб. 49 коп.). В октябре 1713 г. старосты и крестьяне Пупковской и Чернецкой третей получают указ о выдаче в монастырь «на просфоры пшеницы по полторы четверти».¹⁰ Все оброчные платежи собирались, естественно, не приказными чиновниками, а монастырскими служителями. Первоначально они доставлялись в Сузdalский архиерейский дом, откуда направлялись в Москву. На исходе августа 1712 г. промежуточной инстанцией для отправки в Монастырский приказ был определён комендант г. Шуи. В ноябре 1712 г. приказом был назначен специальный «управитель вотчинных дел и крестьян» – шартомский монах Макарий. А в феврале 1718 г. он был назначен келарем (управляющим хозяйственной деятельностью) монастыря.¹¹

На исходе 1722 г. (30 октября и 11 декабря) в монастырь к архимандриту Нафанаилу прибывают первые отставные солдаты – Никифор Белоусов с товарищами (5 чел.), «которым указанную дачю денег и хлеба велено чинить». Солдаты должны были получать по 3 руб. жалования и 3 четв. «отсыпного хлеба», а также постоянные дворы для жительства. Однако монастырской суммы на их обеспечение не хватало – вскоре они пожаловались, что архимандрит не только «хлеба и жалованья» сполна им не выдаёт, но ещё и посыпает «во всякия монастырские нужные работы». В начале января 1723 г. Нафанаил

* Прим. ред.: Монастырский приказ по велению самого государя поручил монастырям принимать оставшихся без содержания отставных солдат. После введения в 1721 г. Духовного регламента монастыри должны были часть получаемых от своих вотчинных доходов средств выделять на содержание отставников и их семей. (свящ. М.Горчаков. Монастырский приказ. // <https://sedmitza.ru/lib/text/439439/>).

получил предписание под угрозой штрафа выполнять предписания об их обеспечении.¹² Согласно его донесению, в монастыре в марте 1729 г. «по определению архиерейского духовного приказа» проживало отставных солдат 7 чел.¹³ Два месяца спустя в ответ на указ о высылке в Коллегию экономии не положенных в подушный оклад солдатских детей (свыше 15 лет) он направил в приказ солдата Илью Кубанцева. У того имелся взрослый сын Василий, но проживал он не в монастыре, а на московской фабрике «на полотняном дворе у Николы в Хамовниках».¹⁴ В расходной книге 1734 г. упоминаются четверо отставных солдат, получавших жалование: Кузьма Полозов (3 руб. 59 коп.), Никита Истомин (3 руб. 62 коп.), Никифор Усов (3 руб. 54 коп.), Алексей Мериков (3 руб. 91 коп.).¹⁵ Как видим, к определённому жалованью (3 руб.) прибавлялись деньги на «отсыпной хлеб». Однако на них можно было приобрести не более половины необходимого («указная» цена ржи составляла 50 коп. за четв.). Согласно именной ведомости, составленной в мае 1736 г., в монастыре проживали те же солдаты, причём трое показаны женатыми, а Никифор Кондратьев (Усов) – вдовым.¹⁶

Изредка между ними и начальством возникали конфликты: в феврале 1736 г. солдат Фома Давыдов жаловался на шартомского наместника, иеромонаха Андronика. По его словам, тот пьяным явился в монастырь «в нощи поздно» и «безвинно» избил Давыдова тростью. Поскольку по освидетельствованию на Давыдове действительно явились «немалые боевые знаки», было решено Андronика, за «побои почти смертельные им учинённые православному старому и заслуженному человеку», отрешить от наместничества, переведя в разряд обычной братии.¹⁷ Кроме того, жалование из монастырских денег получали отставные офицеры. Согласно расходной книге монастыря 1742 г., жалование солдатам и офицерам выдавалось по третям: 30 апреля (январская треть), 1 октября (майская) и 31 декабря (сентябрьская). Его получали поручик Кузьма Солдатов (26 руб. 67 коп. в год), полковой обозный Гаврил Гастухов (20 руб. 1 коп.), прапорщик Петр Усынин (16 руб. 65 коп.), сержант Андрей Драгунов (5 руб. 49 коп.), а также семеро солдат – драгун Михаил Батраков, Кузьма Полозов, Никита Истомин, Самсон Тупиков, Иван Орехов, Алексей Мериков и Иван Ковалёв (по 3 руб. 66 коп.). В последней трети 1742 г. к этим семерым прибавился ещё один солдат – Иван Шиняев. «Хлебные деньги» выдавались только на одну половину года (за первую выдавался хлеб натурой из Пупковской трети), причём заранее: 30 июня 1742 г. отставные солдаты получили деньги за хлеб на вторую половину 1742 г. Они выплачивались лишь отставникам, непосредственно проживавшим при монастыре: в 1742 г. ими снабжались семеро солдат и сержант Андрей Драгунов (по 1 руб. 25 коп. год).¹⁸ Таким образом, в 1742 г. отставные офицеры и солдаты получили из монастырской казны денежного и хлебного жалования на 105 руб. 66 коп. – 36% всей годовой суммы «окладных доходов» на содержание монастыря.

Поскольку окладная сумма должна была обеспечивать и жалование братии, то увеличение количества отставников неминуемо влекло сокращение числа монахов. Согласно ведомости от 19 февраля 1726 г., в монастыре проживал архимандрит, казначей, инквизитор и 30 монахов. С Пупковской трети в монастырь платилось 294 руб. 12 коп., а хлеба собиралось 88 четв. (51 четв. озимого и 37 четв. ярового). Общие доходы складывались из оброчной суммы «на жалованье» братии (160 руб.), на «церковные потребы» (25 руб. 2 коп.), на починки и постройки (55 руб. 50 коп.), на покупку сена лошадям (15 руб.) и «на прочие монастырские расходы» (38 руб. 60 коп.). Последняя сумма – это деньги за хлеб с приказных вотчин, получавшиеся из пупковского оброка с 1710 г. Обозначенная сумма расходовалась полностью. При этом указывалось, что в монастыре необходимо «надлежит быть» светским служителям: стряпчему, подьячemu, двум слугам и четырём служебникам. В прибавку «на жалованье монахом и на пищу и на всякие расходы и свецким служителем на жалованье» было необходимо увеличить денежную сумму на 200 руб. 10 коп., а хлебные платежи на 272 четв. Таким образом, планировалось повысить денежное содержание монастыря более чем вдвое, а хлебное – втрое (прежде монахи получали 294 руб. 12 коп. и 88 четв. хлеба).¹⁹ Однако эта реформа так и осталась в проекте: вскоре последовал указ об «отписке» приписанных к Шартомскому монастырю обителей и число братии сильно снизилось.

Этот период оказывается тяжёлым в жизни монастыря: денег на содержание братии не хватает, при этом монахи вынуждены управлять вотчинами, большая часть налогов с которых уходит не в монастырь, а в государственную казну. В связи с этим популярность монашеской стези постепенно падает: новые «постриженцы» не поступают, а прежние стареют и уже не имеют возможности трудиться. Согласно ландратской переписи А.Ф. Татищева (август 1715 г.) в монастыре проживали 32 чел. К высшему составу братии можно отнести двух архимандритов – «нового» Селиверста и «старого» Павла, четырех иеромонахов (Феофилакт, Исаак, Никита, Арон), двух иеродиаконов (Александр, Козьма), казначея Спиридона, головщика Иакова, пономаря Единарха и «просфиренного монаха» Кирилла (12 чел.). Ещё 20 чел. относились к рядовой братии. Средний возраст монастырский верхушки – 56,8 лет, рядовых монахов – 61,5 лет. Самыми молодыми членами братии были иеродиакон Козьма (41 год) и иеромонах Арон (42 года). При этом среди всей братии лишь шестеро не достигли 50-летнего возраста. Наиболее возрастными оказались рядовой монах Ефрем (87 лет) и головщик Иаков (81 год). Казначею Спиридону и рядовым монахам Никифору, Иакову и Марку было по 75 лет. Кроме монахов, в конюшенном дворе имелся один служебник (дворник Трофим Яковлев с женой и четырьмя детьми).²⁰

В начале июня 1728 г. архимандрит Нафанайл получил из архиерейского духовного приказа предписание отослать в Троицкий Шуйский монастырь

«для исправления» шартомского иеродиакона Арсения. В ответ он писал, что Арсений исполняет должность казначея, причём монастырь испытывает проблемы со штатом: «монахов малолюдство и все престарелые». В связи с этим Нафанаил просил оставить казначея на месте – и получил соответствующее разрешение (с условием отправки в Троицкий монастырь иеродиакона Козьмы).²¹ Согласно справке марта 1736 г., в монастыре «на порциях» содержались архимандрит и 22 чел. братии, а также «бельцы, без которых по самой крайней и необходимой нужде пробыть невозможно»: подьячий, повар, конюх, дворник, звонарь, кузнец (он же часоустановщик). Прибавлением к ним четверых отставников число порций, определённых Монастырским приказом для Николо-Шартомского монастыря, исчерпывалось (32 порции). Монахи жаловались, что «на те определённые порции деньги употребляются по вся годы без остатку». Во второе полугодие «хлебное жалованье» выдавалось деньгами, но поскольку реальная цена хлеба была намного выше «указной», насельники обители претерпевали «немалые голод и нужду».²² В ведомости мая 1736 г. указываются, кроме четверых отставников, архимандрит Лев Андреев, казначей Филарет, пять иеромонахов (Авраам, Аарон, Александр, Дионисий, Андроник), три иеродиакона (Александр, Козьма, Варсонофий) и 10 рядовых монахов.²³ Таким образом, общая численность братии составляла всего 20 чел.

В октябре 1735 г. также была предоставлена ведомость о членах братии, постриженных из духовного сословия. Таковых оказалось шестеро: наместник Андроник, 46 лет, иеромонахи Авраам, 56 лет, Аарон, 57 лет, Александр, 60 лет, иеродиакон Александр, 66 лет, а также клирошский монах Дионисий, 48 лет. Все они попали в число братии из попов и церковников Шуйского уезда (с. Введенское, с. Чернцы, г. Шуя), а также Сузdalского уезда (с. Ивановское, с. Дроздово).²⁴ В расходной книге 1734 г. перечисляются выдачи денежного жалованья монашеской братии. Поскольку выдача производилась не единовременно, новая сумма каждый раз вписывалась в книгу (но дата при этом не указывалась). Поэтому трудно понять, насколько полными являются данные этого документа. Согласно им, архимандрит Нафанаил получил в 1734 г. 3 руб., ключарь иеродиакон Козьма – 2 руб., иеромонахи Авраам, Аарон, Александр и Дионисий – в общей сложности 7 руб. 27 коп., иеродиаконы Александр и Варсонофий – 3 руб. 47,5 коп., крылошане монах Дионисий и Иосаф – 1 руб. 82 коп., больничные монахи Питирим, Феодосий и Константин – 2 руб. 48 коп., а монахи-служебники (9 чел.) – 10 руб. 10,5 коп. Таким образом, общее число монахов составляло 22 чел. Некоторые из них, судя по всему, влились в число братии в течение года: клирошанин Дионисий получил всего 20 коп., а служебники Кирьяк и Иван Морозов – по 50 коп.²⁵

Таким образом, в среднем монахи иерейского чина получали 1 руб. 96 коп., а представители рядовой братии (исключая троих новичков) – 1 руб. 20 коп. В любом случае, это жалование оказывалось намного ниже, чем у

отставных солдат (каждый из которых получал в среднем 3 руб. 66 коп. в год). Согласно расходной книге 1742 г., монахи получали жалование одновременно с солдатами по третям («хлебные деньги» братии не выдавались). Всего в книге перечислены 12 монахов: архимандрит Макарий (5 руб. в год), иеромонахи Аарон и Дионисий, иеродиаконы Козма и Варсонофий, диакон Борис Степанов, казначей Матфей, «хлебенный» Иоасаф и пономарь Нифонт (по 3 руб.). Больничные монахи (иеродиакон Александр, Феодосий и Кириак) получали по 1,5 руб. в год. Таким образом, увеличение числа монастырских солдат до 11 чел. привело к сокращению братии до 12 чел. При этом, если один отставной офицер в среднем в год получал 17 руб. 20 коп., отставной солдат – 4 руб. 91 коп., то монахи – всего по 2 руб. 79 коп. Заметим, что половина братии владела грамотой – они лично расписывались за полученные суммы. Исключение составляли слепой Козьма, Нифонт и Иоасаф (за них расписывался пупковский дьякон Михаил Яковлев), а также казначай Матфей и «больничные» – деньги за них получал иеромонах Аарон. Судя по всему, грамотными были выходцы из церковного сословия, тогда как постриженцы «из крестьянства» читать и писать не умели.

«Круг жизни» монахов Николо-Шартомского достаточно полно очерчивается сохранившимися приходо-расходными книгами 1734 и 1742 гг.²⁶ Монастырь жил преимущественно натуральным хозяйством. Хлеб, полученный натурой от пупковских крестьян на братию, молился на мельницах, а на месте возделывались огородные культуры – капуста, огурцы, свёкла, морковь. В начале мая монахи обычно приобретали свекольные, морковные и огуречные семена, в середине июня – луковое семя. Гряды под огородные культуры обрабатывались не только монахами, но и работниками. Тяжёлая физическая работа была не по силам большинству членов братии. Работы продолжались в течение мая и июня: в 1734 г. с 4 мая по 30 мая работники «от рытья гряд» получили 3 руб. 85 коп., в 1742 г. с 18 мая по 25 июня – 1,5 руб. При обработке земли использовался сор и навоз. Главным образом, сажали на огородах капусту: в 1734 г. 75% всей суммы, уплаченной за «рытье гряд» (2 руб. 90 коп.) получили именно работники на капустных грядах, в 1742 г. в записи от 31 мая упоминается 30 капустных гряд (обработка каждой стоила 1 коп.). Капуста в изобилии засаливалась в специальных чанах: в 8 сентября 1732 г. было куплено два таких чана (1 руб. 75 коп.), а 23 сентября – ещё один большой чан (70 коп.). Нельзя с уверенностью сказать, что значительное сокращение расходов на обработку огорода в 1742 г. (в 2,5 раза сравнительно с 1734 г.) свидетельствует о таком же сокращении этой отрасли монастырского хозяйства: значительная часть работ всё же исполнялась самими монахами. На это указывают записи о выдаче денег за поливку и рубку капусты «вместо болнишных» (12 июня и 23 сентября 1734 г.), а также «за рубление капусты» вместо казначея (9 июня 1742 г.). Но всё же размер огородных площадей

в 1734 г. явно был выше: об этом говорят выплаты дворнице «за полотье огурцов» и прополку капустного огорода (65 коп. в конце июня 1734 г.). Часть не засоленного урожая монахами продавалась: в сентябре и ноябре 1742 г. монастырской капусты было продано на внушительную сумму 9 руб.

Мало внимания в расходных книгах уделено содержанию монастырской скотины: в июне 1734 г. пастух Андрей Фёдоров получил «от пасьбы скотины» 30 коп., а в декабре 1742 г. Иван Шестенин за ту же работу – 1 руб. 20 коп. При этом скотина приносила немалый доход: навоз использовался не только для монастырского огорода, но и на продажу, а в октябре и ноябре 1742 г. монахи продали скотины на 4 руб. При этом анализ рассматриваемых расходных документов позволяет установить, что в промежутке между 1734 и 1742 гг. монастырь отказался от собственного сенокоса. В 1734 г. для работников на сенокос было приобретено 50 ложек, для них мололся монастырский хлеб «на толокно и крупу», варился квас (для чего куплено 86,4 кг солода), а денег за работу было уплачено 18 руб. 59 коп. А вот в 1742 г. сено приобреталось стогами у крестьян разных деревень: всего в течение года за него было уплачено 28 руб. 90 коп., да ещё на 1 руб. 10 сентября 1742 г. было куплено «травы на пустоши Лихораеве». Кроме того, стали приобретаться и другие хлебные продукты – овёс (на 3 руб. 54 коп.), пшено (59 коп.), мякина (86 коп.) и даже солома (4 руб. 40 коп.). Можно видеть, что доставляемого крестьянами хлеба монастырю не хватало и приходилось докупать его на стороне. Для засолки овощей и приготовления монастырской пищи требовалось много соли. Всего в течение 1734 г. в монастырь было закуплено 24 пуда соли, а в 1742 г. – 20 пудов. Уменьшение количества соли (наряду с приведёнными выше данными) свидетельствует о значительном сокращении монастырского хозяйства – ведь расходная книга 1734 г. содержит записи лишь со 2 мая, исключая первую треть года.

Квас обычно изготавливается непосредственно в монастыре. В расходной книге 1734 г. имеются сведения о найме для этой цели специальных работников (всего они получили 38 коп.). Судя по тому, что нанимались они во время праздников (8 мая, 12 ноября, 9 января), обычно работа эта производилась самими монахами. В монастыре производилось также и пиво, для чего имелась специальная пивоварня. Работы по изготовлению пива были сложными и для них обычно нанимались профессионалы: в мае 1734 г. трое пивоваров получили за работу 58 коп., в апреле и декабре 1742 г. – 90 коп. В случае нехватки пива его могли докупить и на стороне – 26 февраля 1742 г. в Дунилове для братии было куплено 4 ведра пива. Сырьё для пива и кваса (солод) монахи получали натурой от пупковских крестьян и мололи на мельнице. Значительные средства уходили на дрова для «пивных варь»: в марте и апреле 1742 г. на пиво было куплено 3 воза дров и изба «на дрова» из д. Поповки (всего на 1 руб. 30 коп.). В монастыре имелась специальная посуда

для изготовления пива: в книге 1734 г. имеются сведения о покупке обрущей и набивке их на пивные чаны. «Пивная посуда» для варки сдавалась в аренду крестьянам – в 1742 г. таким путём было собрано 1 руб. 75 коп.

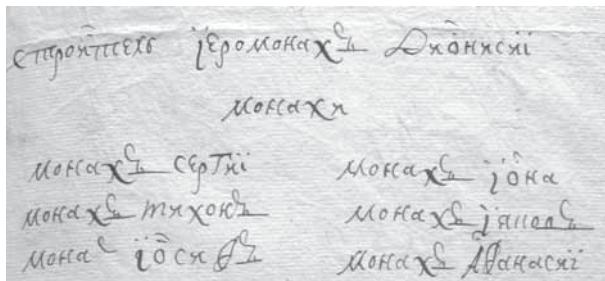
На праздники для монастырской братии обычно приобреталась рыба и вино. Рыба покупалась самая разнообразная – лещи, щуки, судаки, окунь, язи и «подъяски», причём как свежая, так и «сухая». Для гостей архимандрита – изысканная осетрина и белужина, стерлядь и «белорыбица», изредка приобреталась «яицкая икра» и вязига. Кроме рыбы, к праздникам иногда приобреталось постное масло для пирогов, уксус, лук и чеснок. Подобных поводов было немного: в 1742 г. особыми покупками отмечены Сретенье, Масленица, Благовещенье, Вербное воскресение, Пасха (для неё было закуплено 110 яиц), Никольская неделя в мае, Петров день, Преображение, день Казанской иконы Богоматери, Николин день в декабре и Рождество. Каждый праздник отмечался вином – его приобретали на братию от полуведра до двух вёдер (всего – до 10 вёдер вина в год). Иногда к нему прибавлялось пиво, водка и мёд: на 9 мая 1742 г. было куплено 2 ведра вина, 4 ведра мёда и полведра водки. Обычно пища монахов этим и ограничивалась, дополнительные «деликатесы» покупались крайне редко: по одному разу в книге 1742 г. отмечены сушёные и свежие грибы, а также ягоды (земляника и малина). В расходной книге 1734 г. зафиксированы также продукты для участников соборного пения на молебнах по поводу торжественных событий: обычно «про соборян и крылошских» покупалась четверть ведра вина. Изредка им также раздавалась деньги: 25 декабря 1734 г. «от славленья» было роздано 52 коп., 6 февраля 1742 г. – 1 руб.

Но большая часть готовых продуктов приобреталась всё же не для соборян или братии, а в келью архимандрита. Ему приходилось регулярно принимать гостей – и на этих пирах нельзя было ударить в грязь лицом. В расходной книге 1742 г. сведения об отдельных покупках для архимандрита отсутствуют, поэтому его обеспечение можно проследить лишь по книге 1734 г. Только на майскую Никольскую неделю (в ходе неё при монастыре проходила знаменитая ярмарка), архимандрит получил белужины, осетрины, щук, икры, чеснока, лука и ситного хлеба на 2 руб. 6 коп., да ещё вина, водки и мёда на 3 руб. 80 коп. В дальнейшем покупки продуктов для его гостей отмечались отдельно, а для самого архимандрита продукты закупались два-три раза в месяц. Среди них большую часть занимала рыба в разных видах, ситный хлеб и калачи. На праздники (7 мая и 28 июня) архимандрит получил по полведра вина. Кроме того, разнообразил он пищу и другими продуктами: грибы, яблоки, огурцы, лук и чеснок. И хотя глава монастыря обеспечивался разнообразной пищей, в целом она мало отличалась от обычного монашеского рациона и особых средств не требовала. За исключением праздничных покупок и вина, на продукты для архимандрита в 1734 г. было истрачено всего 2 руб. 57 коп.

В то же время любой чиновник даже не самого высокого ранга требовал от монастырских властей более серьёзных расходов. Об этом тоже позволяют судить сведения расходной книги 1734 г. 8 мая на Никольскую ярмарку при монастыре явился секретарь воеводской канцелярии Иван Киселёв. Он получил в «почесть» хлеба, калачей, рыбы и вина на 46 коп., да ещё полгуда «мыла ядра» на 60 коп. Кроме того, 15 коп. получил сын Киселёва, ещё 20 коп. – его люди и недельщики*. Когда 28 июля 1734 г. из Сузdalского архиерейского приказа прибыли недельщики Яков Перепелицын с товарищем – им было «выпоено» вина и скормлено хлеба на 29 коп. 13 августа в монастырь явились недельщики Степан Пятницкий и Парфен Шибаев вместе с архимандритом Шуйского Троицкого монастыря – для них «изошло харчей, вина и рыбы» на 1 руб. 10 коп. (кроме того, за работу они получили 75 коп.). Но ещё больше расходов принесло появление в монастыре сына боярского Петра Оборина и недельщика Ивана Рожкова 29 октября, которые должны были доставить в столицу подводу с оброчными деньгами. Они жили в монастыре трое суток, пили вино и пиво, ели хлеб, рыбу и мясо – всего на это было истрачено 1 руб. 99 коп. Таким образом, только этот визит обошёлся монастырской казне почти в ту же сумму, как все покупки хлеба, рыбы и овощей для архимандрита в течение года.

Введение в действие в январе 1721 г. Духовного регламента открывает эпоху ликвидации «малобратственных монастырей». Авторы прибавления к этому регламенту в мае 1722 г. отмечали, что оптимальное количество насельников в монастыре – не менее 30, а объединение малых монастырей с более крупными «принесёт во всех потребах вящее во всем изобилие».²⁷ К числу малобратственных относилась большая часть безвотчинных монастырей – не имеющих пашенных земель, обрабатываемых крестьянами (или самими монахами). Шартомский монастырь был крупнейшей обителью Шуйского края, уступая по числу вотчинных крестьян лишь могучим сузdalским духовным корпорациям – Покровскому и Спасо-Евфимьеву монастырям. Поэтому именно он стал центром приписки для многих окрестных малых монастырей. В октябре 1724 г. из Синодальной канцелярии поступил указ, согласно которому было велено упразднить «малобратные» монастыри. Для этого необходимо было составить ведомости о количестве братии, денежных и хлебных доходов, а также земельных угодий данных обителей. На практике составление ведомостей о малых сузdalских «пустынях» поручалось архимандриту Николо-Шартомского монастыря, который должен был «в немедленном времени» прислать их в архиерейский духовный приказ. Для понуждения к этому шартомского архимандрита 4 ноября 1724 г. в монастырь был направлен недельщик Иван Киселёв.²⁸ А уже десять дней спустя появилась первая опись – Воробьёвской

* Прим. ред.: Недельщик – лицо, состоящее на государственной службе и выполняющее свои обязанности в очередь с другими, сменяясь по неделям. Функции недельщиков – выезд в командировки для выполнения поручений судебной власти.

Перечень монахов Воробьёвской пустыни в Дунилове.
ГАИО. 1724 г.

пустыни в с. Дунилово. Она была составлена строителем этой пустыни иеромонахом Дионисием, инквизитором Васильевского монастыря Никифором Лежневским и архиерейским сыном боярским Алексеем Обориным.

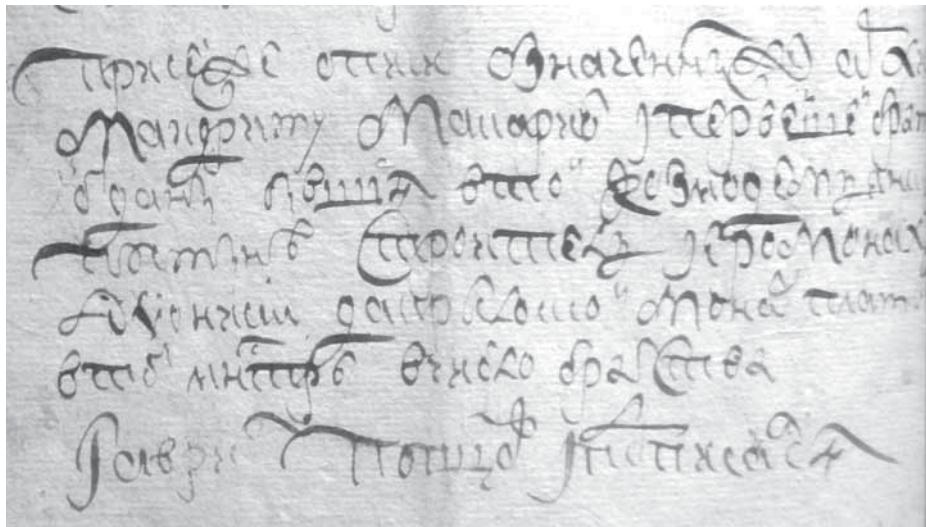
В описи подробно

описывалась Спасская церковь «деревянная, крыта тёсом, об одной главе, при ней трапеза да колокольня» с пятью колоколами, а также тёплая Успенская церковь. При пустыне имелось всего четыре кельи – строительская «двойня» с двумя печами, три братских – «двойня да две одинаких», к ним три пристена, сенница и малый амбар (в них хранился хлеб и хозяйственная утварь). Также находились в монастыре два скотных сарая (в них два мерина, две кобылы, две коровы, телица и два «подтёлка»). Пустынь была окружена деревянной оградой со «святыми» и двумя «въезжими воротами». За ней имелись гуменник с овином, три стога сена, два омета соломы, шесть поленниц дров и «анбарушка с колосом». Кроме строителя, при Воробьёвской пустыни обреталось шестеро монахов. Они сеяли на своей пашенной земле две четверти с осмыной ржи, косили 20 копен сена (не имея на землю никаких «крепостей»).²⁹ Монастырь этот было решено приписать к Николо-Шартомскому, куда были переведены монахи Воробьёвской пустыни. Однако уже в январе 1725 г. был получен новый указ – о переводе воробьёвских монахов со всем имуществом в Юрьевский Архангельский монастырь. А ещё два года спустя Воробьёвская пустынь была восстановлена на прежнем месте.³⁰ В связи с переездом в Юрьев-Польский воробьёвский строитель Дионисий 14 марта 1725 г. принял у шартомского монаха Варсонофия хлеб, ранее доставленный дуниловскими монахами в своё новое пристанище. Часть хлеба выдана не была – 5 четв. без четверика ржи, 3 четв. ячменя, 1,5 осмины ржаной и ячневой муки, а также 0,5 осмины овсяной муки осталась на месте. Таким образом, из описанного хлеба в Шартомском монастыре была удержанна вся ржаная и овсяная мука, а также большая часть ржи (в Юрьев отправлена всего 1 четв.). Наличные запасы принял для 24-х служителей Архангельского монастыря тамошний строитель иеромонах Филипп. Оставленный хлеб шартомские монахи должны были возместить позднее, однако этого не случилось. После длительной тяжбы 15 февраля 1730 г. воробьёвский строитель Моисей и шартомский архимандрит Нафанаил договорились впредь этого хлеба «не искать».³¹

В 1724 г. к Шартомской обители были приписаны ещё три пустыни: шуйский Троицкий монастырь, Николаевская пустынь в с. Пищугове и холуйская Борковская пустынь. Подробные сведения о них имеются в ведомости Николо-Шартомского монастыря февраля 1726 г. Наиболее значительным был Троицкий монастырь (он располагался всего в 7 верстах от Шартомского). В нём имелась каменная церковь, ещё одна церковь (тёплая), келья и ограда были деревянными. По переписным книгам за Троицким монастырём значилось 13 дворов (46 душ м.п. по I-й ревизии 1722 г.). Никаких оброков крестьяне не платили, обрабатывая лишь монастырскую пашню. На 12 дес. земли высевалось ржи 12 четв., а ярового хлеба 20 четв. (всего 42 четв.). «Приплод» был невелик – 15 четв. ржи и 30 четв. ярового. При пустыни проживали архимандрит, казначей и 15 монахов, питавшиеся хлебом, «которого многое число в год не достает» (всего было описано наличного хлеба по 6 четв. ржи и ярового). Дополнительные доходы, а также деньги «на церковные всякие потребы и починки и монастырское строение» троицкие монахи получали от вкладчиков.

Николаевская Пищуговская пустынь располагалась в 43 верстах от Шартомского монастыря (ныне – с. Писчугово Комсомольского района). В ней имелось четыре каменных церкви с трапезой. Ещё одна церковь, ограда и кельи были деревянными. К пустыни было приписано 6 крестьянских дворов (34 души м.п.). Монастырский надел при этом был крупнее, чем при Троицкой обители: 22 дес. пашни, на которых высевалось 22 четв. ржи и 35 четв. ярового, также имелся сенокос (5 копен). Впрочем, «приплод» был невелик – 10 четв. ржи и 25 четв. ярового. Хлеба этого также «многое число в год не доставало» (при описи оказалось ржи 2 четв., ярового 5 четв. с четвериком). Насельников было немного – игумен и 8 монахов. Большая часть бюджета обеспечивалась «вкладчиками монастырскими подаянием». Имелась также мельница, половиной которой владели монахи. При этом она доставляла всего 2 руб. «помольных денег», из которых 70 коп. уходило в канцелярию Камер-конторы. Борковская пустынь под с. Холуем была расположена в 35 верстах от Шартомского монастыря (ныне – м. Борок Южского района). Всё строение в ней было деревянным – две церкви, кельи и ограда. Пашенной земли было немного – всего 4 дес., сенокосов – 10 копен. Пашню монахи обрабатывали сами, питаясь «мирским подаянием и своею работою». Причём этот труд приносил им неплохие результаты: по описи в монастыре было зафиксировано 6 четв. ржи и 13 четв. ярового хлеба, а также 4 лошади и 10 коров. Поскольку монастырь оказался «безвотчинным», его обитатели (игумен и 20 монахов) были вывезены в Николо-Шартомский монастырь, «а в той упразненой пустыне за умалением земли и доходов для церковной службы ничего не оставлено».³²

Таким образом, братия Пищуговской пустыни Троицкого монастыря была оставлена на месте, а вот насельники Борковского монастыря были переведены в Николо-Шартомский. Но на новом месте они оставались недолго, как и во-

Фрагмент описи Козмодемьянской пустыни. ГАИО. 1745 г.

робъёвские монахи – их просто не мог вместить штат монастыря. В мае 1726 г. последовал указ Синода о запрещении впредь приписывать к другим обителям безвотчинные монастыри, если «имеющаяся в них братия пропитание себе имеет неоскудное без определённого им жалования».³³ В соответствии с этим указом борковские монахи были переведены обратно. Но отсутствие вотчин отнюдь не способствовало быстрому возрождению монастыря – пустынь была возобновлена лишь в 1765 г. стараниями архиепископа Астраханского Мефодия.³⁴ Впрочем, на этом история приписных монастырей не окончилась: 31 января 1745 г. последовал указ архиепископа Симона о ликвидации Козмодемьянской пустыни (ныне – д. Кузмаденье Лежневского района). Строитель иеромонах Дионисий донёс в Сузdalь, что монастырский амбар с ржаным и яровым хлебом сгорел, «и хлеба от того пожару ничего не осталось и пропитания де иметь им не ис чего». По свидетельству, в этой пустыни церковь и всё строение оказалось ветхим, «и хлеба и скота нашлось самое малое число, которым те строитель и монах пропитатца никак не могут» (в пустыни, кроме Дионисия, имелся лишь один клирошский монах Платон).

Дабы они «не могли бродить в мире, и не нанесли бы оттого какого монашескому чину поношения», было решено всё имущество пустыни (образа, утварь, книги, монастырское строение и скот вместе с обоими насельниками) перевести в Николо-Шартомский монастырь, «не оставливая ничего». К Шартомскому монастырю также оказалась приписана пашня Козмодемьянской пустыни: 5 дес. и сенокосов на 50 копен. Церковь при пустыни была заперта, а церковники ближайших сёл подписками были обязаны следить, чтобы

она не была «расташена». Монастырю предполагалось даже продать её за «настоящую цену», если будет необходимо.³⁵ Всё имущество пустыни было по описи передано шартомскому архимандриту Макарию 31 января 1745 г. В распоряжении Никольской обители, кроме икон, церковной утвари и книг, оказались деревянные постройки. Это – настоятельская келья «ветха двойня», одна келья против неё, а также ещё две кельи «весьма ветхи», четырехугольные «святые» и проезжие входные ворота, два сарая и погреб (в нём хранилась посуда), а также скотный двор с воротами, двумя жилыми избами, тремя салями, овином и клетью с омшаником. На нём хранился хозяйственный инвентарь – сохи, косы, телеги, сани, а также обретались серая кобыла, две коровы и две «тёлочки». В мякиннице находилось 0,5 осмыны ржаной муки и четверть горелого ячменя, имелось два стога сена, колоса «ржаного и ярового облуков з десять» и омёт соломы. Кроме того, озимой рожью было засеяно 5 четв. земли, а ещё 2,5 дес. отданы в наём двум крестьянам с. Михайлова Сузdalского уезда (вотчины А.В. Степанова).³⁶ Всё имущество по описи в Никольский монастырь передал архиерейский сын боярский Гавриил Попцов.

Таким образом, в Шартомский монастырь оказались переведены оба «насельника» Козмодемьянской пустыни. Клирошанин Платон, до этого уже подвергавшийся за свои буйства телесному наказанию в Сузdalской духовной консистории, содержался в пустыни под строгим надзором. Не успокоился он и на новом месте – в следующем году, напившись пьян, изругал скверными словами и побил шартомских монахов, а когда его повели под караул, выкрикнул «слово и дело». За это Платон был наказан плетьми без пощады и должен был до конца дней своих содержаться в монастыре скованным в ножных железах.³⁷ Спустя десять лет после Козмодемьянской пустыни были упразднены ещё два монастыря. Н.В. Малицкий, комментируя предание об упразднении Покровского монастыря в с. Иваново в 1754 г., связал его появление с судебным делом об убийстве игумена Никона в октябре 1754 г. иеромонахом того же монастыря Антонием.³⁸ Однако в сентябре 1755 г. архимандрит Николо-Шартомского монастыря Феодосий действительно получил указ духовной консистории об упразднении Покровского монастыря – «и быть тому монастырю приходской церковью, а имеющегося в том монастыре монаха Нифонта вывесть и определить в тот Шартомской монастырь и числить его в том монастыре в числе прочих монашествующих».³⁹

Судя по всему, указ об упразднении Покровского монастыря был затем отменён, поскольку он был упразднён только после введения штатов указом консистории от 19 июля 1764 г. Аналогичным образом в 1755 г. была предпринята попытка упразднения Мстёрского Богоявленского монастыря. Сузdalский епископ Порфирий и воевода И.Н. Кошелев решили, пусть при Богоявленском монастыре находится 200 приходских дворов, а церковь при нём числится приходской. В церкви служили поп, дьякон, дьячок и пономарь, а в

монастыре имелось всего двое монашествующих – иеромонах (строитель) Иоасаф и монах – «питаются точною от подаяния, а никакового жалования им не производится и вотчин тот монастырь не имеет». В связи с этим было решено Богоявленский монастырь упразднить, а монашествующих вывести в Николо-Шартомский монастырь, «и быть в том монастыре в числе общего братства».⁴⁰ Возможно, Богоявленский монастырь, подобно Покровскому, не был окончательно упразднён – «История Российской иерархии» называет датой его ликвидации год учреждения штатов (1764 г.).⁴¹

Подводя итоги обзору истории Николо-Шартомского монастыря в первой половине XVIII в., можно отметить, что именно в этот период обитель теряет прежнее значение. Монашество, как и другие сословия, было поставлено Петром I на службу государству. Власти монастыря должны были ведать «судом и росправой» своих крестьян и собирать с них оброк, но большая часть этих денег уходила в государственную казну. Полностью исчезает «господская» пашня – хозяйство монастыря ограничивается небольшим скотным двором и огородом. Хлеб монахи получают натурой, однако для «достаточного довольствия» его не хватает. Из прежнего денежного оброка в монастыре оставалась лишь небольшая сумма, которой едва хватало на поддержание нормального функционирования обители. При этом значительная часть её уходила на обеспечение отставных солдат, количество которых при монастыре постоянно увеличивалась. В связи с этим численность братии постепенно уменьшалась, новые «постриженцы» в Шартомском монастыре практически не появлялись. Зато монастырская братия изредка пополнялась искусственно – в неё вливались насельники ликвидируемых согласно Духовному регламенту «малобратьных» обителей.

Николо-Шартомский монастырь, фото нач. XX в.

- Горчаков М.И. Монастырский приказ (1649-1725). СПб., 1868. С. 123.
- Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 217.
- Новосельский А.А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей, по переписным книгам 1678 г./Исторический архив. Т. 4. М.-Л. 1949. Сс. 112, 120.
- Бутрин Е.С. Вотчинное хозяйство Николо-Шартомского монастыря в XVII веке // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 3. Сс. 70-71.
- ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 217.
- Там же. Д. 2. Л. 89.
- Там же. Л. 89 об.-90. В оригинале общий оброк 1191 руб. 99 коп., что является явной ошибкой.
- Там же. Л. 253-257.
- Там же. Д. 4. Л. 217.
- Там же. Л. 217-217 об.
- Там же. Л. 217 об.
- Там же. Д. 2. Л. 68-68 об.
- Там же. Л. 188.
- Там же. Л. 189.
- Там же. Л. 347 об.
- Там же. Л. 483-484.
- Там же. Л. 444.
- Там же. Д. 3. Л. 119-138.
- Там же. Д. 2. Л. 138 об., 143-143 об.
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Д. 470. Л. 177-177 об.
- ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 159-159 об.
- Там же. Л. 253-257.
- Там же. Л. 483-484 об.
- Там же. Л. 375-375 об.
- Там же. Л. 347-347 об.
- Там же. Д. 2. Л. 341-352 об; Там же. Д. 3. Л. 119-138.
- Нечаева М.Ю. Закрытие малобратственных монастырей в 20-е годы XVIII века: замысел и реалии реформы // Технологос. 2018. № 3. С. 74.
- ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 113, 120.
- Там же. Л. 114-119.
- Малицкий Н.В. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. 3. Владимир, 1911. С. 43.
- ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 119 об.
- Там же. Л. 140 об.-143.
- Нечаева М.Ю. Закрытие малобратственных монастырей в 20-е годы XVIII века: замысел и реалии реформы. С. 78.
- Голышев И.А. Борковская пустынь // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 7. Владимир, 1867. Сс. 107-108.
- ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 214-215.
- Там же. Д. 3. Л. 216-219 об.
- Малицкий Н.В. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. 3. Сс. 76-77.
- Там же. Сс. 85-86.
- ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 26-26 об.
- Там же. Л. 28-29.
- Амвросий. История Российской иерархии. Ч. 5. М., 1813. С. 113.

Из жизни архимандрита Сретенского монастыря Серафима Богоявленского, уроженца с. Алексино

Среди незаслуженно забытых выдающихся духовных деятелей XIX столетия можно назвать нашего земляка архимандрита Серафима (Богоявленского), уроженца Савинской земли. Поначалу в качестве священника Сузdalского пехотного полка и настоятеля храма «Матрёской Тишины», а потом настоятеля Сретенского монастыря в Москве он получил большую известность как проповедник. Именно он первым организовал в первопрестольной публичные народные чтения и общенощное церковное пение. Сын сельского дьячка, архимандрит Серафим являлся духовником для тысяч людей, причём из самых различных слоёв общества, которые стекались к нему из всех уголков страны. По инициативе архимандрита Серафима в Сретенском монастыре была открыта церковная школа, а сам он много лет занимался благотворительностью и увлекался историей. В частности, именно отец Серафим в 1887 году участвовал в воссоздании сгоревшей избы крестьянина Фролова в Филях, в которой 13 сентября 1812 года фельдмаршал М.И. Кутузов проводил знаменитый военный совет.

Архимандрит Серафим, в миру – Дмитрий Григорьевич Богоявленский, родился в 1827 году в большом торговом селе Алексино Ковровского уезда (ныне Савинского района Ивановской области), известного ещё со времён Стародубского княжества и ставшего затем одним из центров знаменитого оfenского промысла. В этом селе отец будущего архимандрита Григорий Алексеевич, носивший фамилию Богословский, служил дьячком при Богородице-Рождественской церкви.

Дед будущего архимандрита Алексей Дмитриевич Волоцкий (в ту пору представителям духовенства часто меняли фамилию во время учёбы в духовном училище или в семинарии) родился в 1756 году, обучался в Сузdalской духовной семинарии, по окончании которой был привлечён «к наставлению семинаристов нотному пению». К 1782 году Алексей Волоцкий уже служил иподиаконом в Сузdalском архиерейском доме и одновременно обучал латинскому языку малых певчих при архиерейском доме. В 1786 году иподиакон А.Д. Волоцкий был утверждён в должности информатора Сузdalской духовной семинарии, то есть помощника учителя низших (младших) классов. Но уже через год он был отрешён от должности учителя по неизвестной причине¹. В 1789 году епископом Владимирским и Сузdalским Виктором (Онисимовым) иподиакон Сузdalского архиерейского дома А.Д. Волоцкий был назначен священником Богородице-Рождественской церкви в Алексино².

Настоятелем сельского Богородице-Рождественского храма иерей Алексей Волоцкий оставался более 15 лет, вплоть до своей кончины в 1805 году³.

Село Алексино – родина архимандрита Серафима. Современный вид

Именно при нём в Алексине началось строительство каменной Богородице-Рождественской церкви. Этому предшествовали трагические события, когда в 1802 году издавна существовавшая в селе деревянная Богородице-Рождественская церковь сгорела вместе с другим деревянным Предтеченским храмом, который впервые был построен в середине XVI века иноком Московского Богоявленского монастыря Ионой Протопоповым (в миру Иван Васильевич Благовещенский), сыном протопопа Благовещенского собора Московского Кремля и братом княгини Евфимии Васильевны Мезецкой. После пожара 1802 года Предтеченский храм в Алексине более не возобновили, а его пригут был причислен к Богородице-Рождественскому храму. Именно в той церкви, где служил о. Алексий Волоцкий, был погребён местночтимый святой князь Фёдор Иванович Стародубский, по прозванию Благоверный, убитый в Орде ханом Узбеком в 1330 г.⁴

Иерей Алексей Волоцкий стал одним из инициаторов строительства в Алексине каменной пятиглавой Богородице-Рождественской церкви с колокольней и оградой. Храм начали строить на средства прихожан в 1804 году, но дожить до его освящения настоятелю о. Алексию Волоцкому было не суждено. Лишь к 1813 году в селе полностью воздвигли каменный храм, а ещё ранее освятили его приделы: в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи

(освящён в 1806 году) и в честь Святой Живоначальной Троицы (освящён в 1807 году). При каменной Богородице-Рождественской церкви была устроена такая же и колокольня, но уже в 1822-1823 годах вместо прежней колокольни прихожане построили новую, большую размерами. Новую колокольню пришлось выстроить по той причине, что на старой не помещались все колокола, пожертвованные богатыми алексинскими крестьянами-офицерами⁵.

В новом каменном Богородице-Рождественском храме служил уже старший сын священника А.Д. Волоцкого Григорий, который в составе его причта состоял в должности дьячка. Он родился в 1785 году, окончил Сузdalское духовное училище, поступил в семинарию, но уже в 1801 году вышел из неё, и тогда же был определён дьячком к Богородице-Рождественскому храму села Алексино. Во время учёбы старший сын алексинского священника получил новую фамилию – в отличие от отца он стал называться Богословским⁶. Более 55 лет дьячок Григорий Алексеевич Богословский прослужил в Богородице-Рождественской церкви. Архивные документы свидетельствуют, что он был женат дважды. Первая супруга Г.А. Богословского Елизавета Александровна скончалась ещё до 1815 года, оставив двух малолетних сыновей – Петра, ставшего затем приказнослужителем в Вязниковском духовном правлении, и Андрея, впоследствии закончившего Владимирскую духовную семинарию и служившего священником в селе Сакулино Вязниковского уезда.

На воспитании Богословских находился ещё и младший брат Григория Евграф, который был на 18 лет младше своего старшего брата и который уже в два года остался сиротой. Во многом благодаря брату-дьячку Григорию Алексеевичу и его второй супруге Марии Алексеевне Евграф Волоцкий получил возможность окончить духовное училище и семинарию во Владимире, а потом и стать священником. Местом его служения стал Владимирский храм погоста Дмитриевский, что в Пропастицах, Ковровского уезда (ныне – Камешковского района Владимирской области), где он был настоятелем 35 лет, с 1830-го по 1865-й.⁷

Всего в семействе алексинского дьячка Григория Богословского было 12 детей, которые росли в крайней бедности. В журнале «Чтения Общества любителей духовного просвещения» за 1880 год были опубликованы автобиографические воспоминания тогда ещё протоиерея Дмитрия Григорьевича Богоявленского, будущего архимандрита Серафима, о разных периодах своей жизни, в том числе, и детских годах, проведённых в Алексине:

«Происхождение мое очень незавидное. Отец мой был бедный причетник села Алексина Ковровского уезда Владимирской губернии, имел восемь человек детей. Рождение в такой бедной и многочисленной семье что могло обещать мне впереди, какая перспектива могла рисоваться в будущем, кроме горькой нужды и различного рода лишений и недостатков во всем. Так оно и было. Годы моего детства протекли мирно, безмятежно, в младенче-

ской бессознательности бедного положения моих родителей, в обыкновенных забавах и играх невинного возраста.

Счастливые были эти годы, доброе было это время! Не знал я, как и вообще все дети, ни нужды, не знал я ни горя, не имел никаких забот, кроме одной заботы, чтобы быть сытым, не быть голодным. Мрачную картину бедности моих родителей я нарисовать не мог: что они выбивались из сил, и как им было трудно прокормить и воспитать такую огромную семью, мне это не представлялось, до этого я не мог додуматься. Каждый день, набегавшись и наигравшись, я засыпал ночью так же сладко, как и дитя, растущее во всем довольстве и неге.

Но с горькой действительностью я встретился скоро, безвыходную бедность и нужду я узнал, когда был отдан на девятом году своего возраста в духовное училище. С этого времени и до окончания полного семинарского курса я постоянно пил и до конца выпил горькую чашу бедности, поднесенную моим происхождением. Не знаю, описывать ли картину нашей школьной жизни, нашего учения, наших квартир, нашей пищи? Описывать ли, что мы, преимущественно бедные ученики, терпели от нашей бедности, какие переносили лишения вдали от наших несчастных родителей, которые, отправив нас в училище, а потом в семинарию почти с пустыми руками, только и знали, что слезами своими постели свои орошали, представляя нас на чужой стороне и голодными, и холодными? Так, говорю, описывать ли? Не лучше ли, чтобы не растревлять раны сердечные, воспоминая эту вопиющую прошедшую бедность и ту горечь, которую пришлось пить в период воспитания и образования, не лучше ли, говорю, опустить завесу на эту мрачную картину? Да, гораздо лучше, и, тем более, что об этом много было писано.

Итак, при Божией помощи, этот скорбный путь бедности, который выпал на мою долю при воспитании и образовании, был, с разнообразными материальными недостатками и лишениями, пройден, и я окончил полный семинарский курс. В академию же или в университет я не мог поступить в силу той же бедности...».

Окончив в 1846 году Владимирскую духовную семинарию, сын алексинского дьячка Дмитрий Григорьевич Богоявленский (именно такую фамилию он получил во время учёбы в духовном училище) почти целый год не мог найти место священника, так как в ту пору во Владимирской епархии был переизбыток духовенства. Тогда он написал в Санкт-Петербург к главному священнику армии и флота Василию Ивановичу Кутневичу письмо с просьбой определить его в число военного духовенства. Вскоре в 1848 году Дмитрий Богоявленский был назначен младшим священником Сузdalского пехотного полка – того самого, которым когда-то командовал великий Суворов. Рукоположил Д.Г. Богоявленского в сан иероя архиепископ Владимирский и Сузdalский Парфений (Чертков).

Вместе с суздальцами священник Богоявленский принял участие в походе против мятежной Венгрии, а во время Крымской войны совершил поход к западным границам в составе одного из резервных корпусов. Духовное начальство к тому времени обратило внимание на пастырские и педагогические способности молодого батюшки, назначив его во 2-й карабинерный полк, представлявший собой «учебку», размещавшуюся в Красных казармах в Москве, готовившую полковых унтер-офицеров.

После реорганизации учебных частей иерей Богоявленский стал преподавателем и настоятелем церкви Московского училища военного ведомства, позже преобразованного в военную прогимназию. Одновременно он преподавал в учительской семинарии военного ведомства, а с 1866 года и в Московском пехотном юнкерском училище. А в 1870-м, сохранив пост в юнкерском училище, к тому времени уже протоиерей Дмитрий Богоявленский был определён настоятелем Воскресенской в Императорском Екатерининском богаделенном доме, церкви-храме при приюте для ветеранов флота. По этой богадельне улицу, где она находилась, назвали «Матросской тишиной».

Именно тогда протоиерей Богоявленский по благословению и одобрению митрополита Московского Иннокентия впервые начал проводить публичные беседы о вере и вреде пьянства с московскими рабочими, получившие большую популярность. Фактически отец Димитрий основал едва ли не первое в России общество трезвости. В 1875 году благодарные москвичи подари-

Екатерининская матросская богадельня в Москве. Фото 1884 года

ли протоиерею Богоявленскому наперсный крест с драгоценными камнями, а в 1882-м – ещё один, золотой с бриллиантами и с надписью «Дорогому наставнику от благодарных слушателей». Рядом с храмом матрёсской б

Богоявленский монастырь в Москве, где протоиерей Дмитрий Богоявленский принял иноческий постриг с именем Серафима

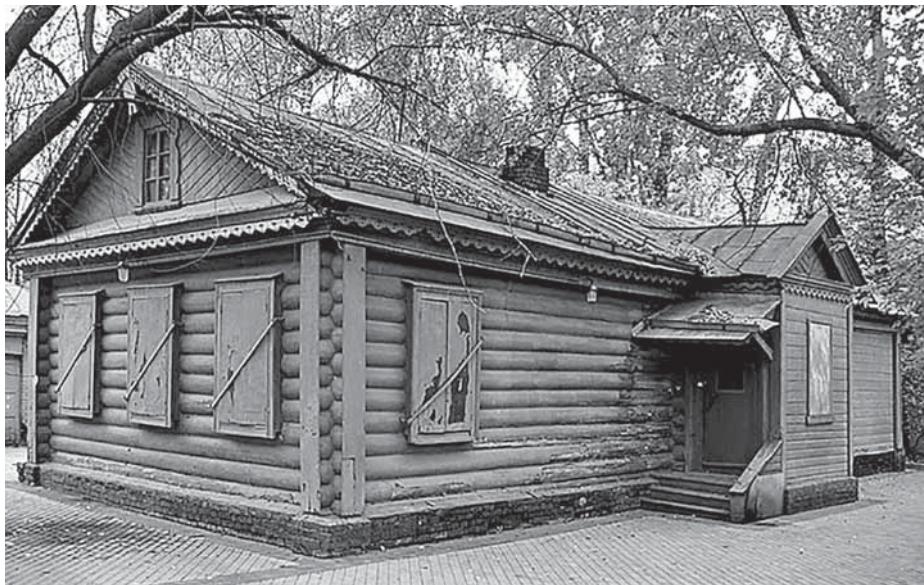
гадельни с разрешения московского генерал-губернатора князя Владимира Долгорукова было построено здание для народной читальни (библиотеки) вместимостью до 400 человек с классами для бесплатного обучения «малолетних детей бедных родителей».

Овдовевший протоиерей Дмитрий Богоявленский в начале 1880-х принял иноческий постриг с именем Серафима в одной из древнейших обителей первопрестольной, московском Богоявленском монастыре в Китай-городе, где тогда находилась резиденция викарного владыки епископа Дмитровского. А в 1884-м иеромонаха Серафима, уже в сане архимандрита, назначили настоятелем Сретенского монастыря в Москве на нынешней улице Большая Лубянка.

В качестве настоятеля архимандрит Серафим продолжил проводить публичные чтения и духовное пение, занимался историей обители. В 1885 году вышел очерк «Московский Сретенский монастырь». Издание архимандрита Серафима». В 1886-м отец-настоятель обратился в Археологическое общество с просьбой помочь в реставрации древних фресок в соборе Сретенской обители. По согласованию с заместителем председателя общества графиней Прасковьей Уваровой, муромской помещицей, в качестве мастера-реставратора в Сретенский монастырь был приглашён опытный иконописец из села Палех Вязниковского уезда Владимирской губернии (ныне районный центр Ивановской области) Николай Сафонов.

Московский Сретенский монастырь

Изба в Филях, воссозданная в 1887 году при участии архимандрита Серафима (ныне разобрана)

В 1887-м Общество московских хоругвеносцев, поощряемое архимандритом Серафимом, решило восстановить историческую избу крестьянина Андрея Фролова в Филях, которая сгорела в 1868 году. К 75-летию Военного совета в Филях изба была заново отстроена, и много позже в 1962-м стала филиалом Бородинской панорамы (кстати, в 2012 году филёвскую избу-2 разобрали до основания и выстроили заново – уже третью по счёту, что вызвало бурную реакцию ревнителей старины)⁸.

В феврале 1890 года архимандрит Серафим был назначен настоятелем при-

Современный портрет архимандрита Серафима (Богоявленского), находящийся в Сретенском монастыре.
Художник С. Ивлева, 2009 г.

вилегированного Балаклавского Георгиевского монастыря в Севастополе – одного из древнейших в России, основанного ещё в конце IX века греческими моряками (там, в частности, находился летний дом уроженца г. Владимира адмирала Михаила Лазарева, а в числе братии были иеромонахи Черноморского флота и частей береговой обороны). Но служение в Крыму оказалось для архимандрита Серафима непродолжительным. 9 августа того же 1890-го он скончался и 20 августа был погребён в Московском Симоновом монастыре.

В 2009 году московская художница Светлана Ивлева, работающая над темами, связанными с историей Сретенского монастыря, написала парадный портрет архимандрита Серафима (Богоявленского) с четырьмя наперсными крестами и многочисленными наградами. Теперь этот портрет находится в обители, которую когда-то возглавлял сын дьячка из старинного села Алексино.

-
1. Н.В. Малицкий. История Сузdalской духовной семинарии (1723-88 гг.) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. VII. Владимир, 1905. Сс. 89-90, 99.
 2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 301. Оп. 5. Д. 212. Л. 71-72.
 3. ГАВО. Ф.301. Оп.5. Д.277. Л.12-13.
 4. Ковровский исторический сборник / Авт.-сост. Фролов Н.В., Фролова Э.В. – Вып.3. – Ковров, 2002. – С. 37.
 5. Фролов Н.В., Фролова Э.В. Ковров православный. – Ковров, 1999. – Сс. 14-15.
 6. ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 355.
 7. ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 352; Фролов Н.В., Фролова Э.В. Погост на болоте, что в Пропастищах. – Владимир, 2021. – Сс. 14-19.
 8. Иоанн (Лудищев). Архимандрит Серафим (Богоявленский) – настоятель Сретенского монастыря (1884–1890 гг.) // Традиции и современность. – 2010. – № 10. – Сс. 172-177.

Балаклавский Георгиевский монастырь в Севастополе

Раздел VI

Семейный фотоархив

В. Н. Серников, Н. Н. Суворова,
п/ред. А. Е. Лихачёва

Из жизни прихожанина церкви на Малой Ламне Николая Семёновича Серникова (1921-1984)

В семье Серниковых уже не осталось в живых людей довоенного поколения, поэтому сведения сохранились отрывочные. Николай Семёнович (1921-1984) родился в крестьянской семье в д. Высоково (Поткино) Ламенского прихода (в 2 км к востоку от села), в семье с 7 детьми (кроме него было 2 брата и 4 сестры, ещё 5 братьев-сестёр умерли в младенчестве), самая старшая – Клава, 1913 г.р., а самый младший – Володя, 1936 г.р. Родители их были Семён Павлович (ок. 1890-1952) и Зинаида Васильевна (1895-1984) (в девичестве Кузнецова, родом из с. Лукино). Она в детстве закончила там церковно-приходскую школу, 4 класса, а замуж вышла в 17 лет. Уже на пенсии, в начале 70-х годов, переехала в Ламну к сыну и жила там лет 10, потом уехала в Южу к дочери Вале. У Зинаиды были сёстры – Клавдия, Нина, Зоя, Валентина и 2 брата: Владимир и кот. на войне погиб (имени не помнят). Все семеро детей Серниковых вместе с

Зинаида Васильевна Серникова (Кузнецова),
ок. 1964 г.

родителями ходили из Высоково на службы в церковь Владимирской иконы, что была ниже деревни в 2-х километрах, на берегу озера, причём батюшка (имени не помнят) выделил Колю и поручил ему помогать в алтаре. Николай

Мало-Ламенская Сретенская церковь, вид с запада. Ок. 1966 г.

потом рассказывал своим сыновьям, что он в детстве разжигал кадило. Из этого мы можем сделать вывод, что церковь была закрыта не ранее начала 30-х годов. Храм находился в с. Малая Ламна, которое было совсем небольшим – 5 домов до войны. В крайнем, возле озера, жили Шероновы, 2-й дом был Жирякова Фёдора, потом ещё два дома. За овражком стоял дом вдовы Марии Шероновой (его сруб потом в Южу перевезли).

К Ламенскому приходу «тянули» деревни Высоково, Быково, Остапово, Могучево, Родионово (исчезла в начале 30-х годов), Сереново, Крапивново (1 дом). Их жителей хоронили на кладбище рядом с храмом. Некоторых остатковских жителей хоронили в Мургеево-Дмитровском. Там, где теперь поворот с Талицкой дороги на Легково, слева была заброшенная усадьба помещика.

Когда началась война, отцу семейства Семёну было уже за 50. Его отправили на трудовой фронт, без отрыва от дома. Он принимал участие в строительстве укреплений, а когда в Талицах открылся лагерь для военнопленных, стал служить там, часто не приезжал ночевать. Николай Семёнович был в 1941 г. призван на воинскую службу, но

Николай Семёнович Серников, 1946 г.

на самом фронте не был, во время военных действий был в роте обслуживания. Некоторое время после окончания войны оставался в Германии. После демобилизации в 1947 г. женился на Жиряковой Анне Фёдоровне (родом из с. Малая Ламна, 1922-1994), и они переехали в старенький дом Жиряковых на Малой Ламне, в котором ещё жили родители Анны – дед Фёдор Иванович (+ок.1953) и баба Катя (+ок.1956). У них, кроме Анны, было ещё 6 детей (3 брата и 3 сестры), но они все уехали из маленького села. К этому времени церковь уже не действовала, её

В центре супруги Жиряковы Фёдор и Екатерина, ок. 1947 г.

Володя, Коля, Николай, Юра, Валера и Анна Серниковы, ок. 1966 г.

забрал на хозяйственные нужды колхоз, контора его была в Мугреево-Дмитровском. У Николая с Анной родились семеро сыновей, старший – Коля (1949 г.р.), потом Володя (1952 г.р.), Валера (1954 г.р.) и Юра (1962 г.р.). Троє (Виктор, Алексей и Леонид) умерли в младенчестве, четверо выросли. Супруги хранили основы христианской веры: несмотря на запреты властей, детей везли крестить в церковь в Холуе.

Анна была хорошей домохозяйкой и настоящей труженицей, так что вскоре, году в 1950-м, её выбрали бригадиром колхозной полеводческой бригады. Но пока она была, видимо, в декрете (когда бабуля умерла, с детьми сидеть стало некому), бригадиром назначили другого. Вскоре земли вокруг Ламны отошли к совхозу «Мугреевский», контора которого была в с. Мугреево-Никольское. Рядом с Ламной открыли ферму. Сначала она была свиная, примерно до 1961 г., животных кормили картошкой, а потом её перестроили: провели свет, установили электроводокачку и открыли телятник. Поголовье держали всё время около 100 голов, осенью (ближе к зиме) увозили скот, а весной пригоняли новых тёлочек. Дружные сыновья помогали родителям зимой сторожить ферму, а летом – пасти стадо. По воспоминаниям Владимира, в стаде всегда был бык-производитель. Быки – это существа с характером, они всегда злопамятны. Видимо, младший из братьев, Юра, в процессе пе-

регона как-то слишком сильно стеганул быка. Тот дождался, пока Юра оказался рядом с ним и повернулся к животному спиной. Он повалил его и начал поддевать рогами. Хорошо, старший брат Коля был рядом и, прибежав на крик, отогнал быка. А на память ребят в соседней д. Клёстово другой колхозный бык убил взрослого человека насмерть, подбросил его рогами, и человек, неудачно упав, сломал шею. Был в селе и колхозный конный двор, где для работы на полях и перевозки грузов держали сначала 5 (после войны), потом 2-3 лошади (в конце 50-х). Была в селе и кузница, в которой можно было подковывать лошадей. Жеребец «Пароль» был тоже с характером, он весной 1953 г. так ударил копытом бригадира Ольгу Алексеевну Шеронову, что она слегла и в сентябре скончалась.

В храме устроили ремонтную мастерскую колхозной техники. Предложили Анне Фёдоровне съездить на учёбу, получить специальность механика. Но Анна, видимо, помня храм действующим, воспринимала это как поругание святыни. Ей совсем не нравилась эта затея с постоянной работой в заброшенной церкви, и она отказалась. Стала в совхозе работать простой разнорабочей. Зато её муж Николай вскоре выучился на тракториста и стал им работать на колхозных полях. В это время (в середине 50-х) они с Анной сумели сами выстроить себе новый дом. Рядом с ними построился и родной брат Анны, Дмитрий («дядя Митя», как называли его мальчишки) [см. Цв. вкладыш, с. II]. Дмитрий был прекрасный плотник, хорошо зарабатывал, в

Анна Фёдоровна и Николай Семёнович Серниковы. Ок. 1964 г.

Дом Серниковых (слева), был 2-м от берега. Снимок сделан с берега озера, ок. 1965 г.

конце 70-х переехал в Южу, а Серниковы у него дом купили и поселили в нём старенькую маму Зину, забрав её из Поткино. Анна Фёдоровна имела государственные награды: медаль за доблестный труд во время Отечественной войны (1946 г.), Орден Трудового красного знамени (апрель 1971), медаль «Ветеран труда».

Несмотря на то, что храм был закрыт, люди помнили дату престольного праздника: это был день Владимирской иконы 6 июля. В это время устраивали настоящий «праздник села», на Малую Ламну приезжали все родственники, устраивали застолья и пели песни. Николай Семёнович был самоучкой гармонистом, «душой» этих праздников и всегда был в центре внимания всех сельчан.

В то время деревня в России ещё не была разрушена так, как сейчас. В д. Оста-

Праздник села. В центре, с баяном – Николай Семёнович Серников. Ок. 1951 г.

пово (ныне не существует), в 3 км от села Ламны, за каменкой, были сначала контора колхоза «Путь коммунизма» (до 1953 года), фельдшерский пункт, клуб с мини-кинотеатром, магазин и школа-четырёхлетка, куда все мальчики по очереди ходили учиться. С 5 класса они переходили учиться в дальнюю школу, в Мугреево-Никольское. Школьных автобусов тогда не было, ребята каждый день ходили в школу пешком. Путь был неблизкий, надо было пройти деревни Поткино – Могучево – Сереново – Зименки. Всех до единой этих деревень теперь нет. После них выходили уже в Черемисино (остался 1 дом) на «каменку» (отсыпанная гравием дорога, теперь заасфальтирована), и там до Никольского оставалось 2 км. А всего ежедневный путь составлял почти по 10 км в каждую сторону. Ещё Владимир Николаевич помнит, как они с отцом ходили за грибами через р. Вокшу. Там до начала 60-х годов ещё сохранились остатки деревянного моста, рядом с устьем Вокши, при впадении её в Ламну. На той стороне было возвышенное место, где росли высокие старые сосны и было много грибов.

Чета Жиряковых Фёдора и Екатерины похоронена на кладбище родного села при Ламенской церкви, там же рядом могила Семёна Павловича. А вот Зинаида Васильевна уже похоронена в Юже, там же погребены Николай и

После праздничного богослужения 6 июля 2023 г. В центре – духовенство Южского благочиния, слева-направо: монахиня Фотиния (Махсумова), иеромонах Алексий (Аванесян), иерей Валентин Колосов, благочинный иерей Василий Смирнов, (без облачения) иеромонах Лаврентий (Курудимов). Слева – инициатор восстановления храма В.Н. Пашкова, врач-пенсионер из Москвы

Анна. Их сыновья все переехали в Южу, родительский дом после кончины родителей продали дачникам. Но те его сначала забросили, а потом произошёл пожар. Очень жаль, что дома не сохранилось. Зато могилки прихожан ухожены, а теперь и здание церкви начали восстанавливать. С 2005 г. в здании проводились молебны, а первые после запустения Утреня и Литургия были отслужены иереем Алексием Лихачёвым и иеромонахом Алексием (Аванесяном) 8 августа 2022 г. [см. Цв. вкладыш, с. III] 6 июля 2023 года, когда отмечалось 200-летие храма, торжественную службу с 4 священниками возглавил благочинный иерей Василий Смирнов.

Раздел VII

Наши публикации

Служебный документ боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского:

комментарий к публикации «Наказа государеву сыщику
Василию Яковлевичу Воронову по Сузdalьскому, Шуйскому
и Луховскому уездам от 14 июля 1625 г.»

По официальному родословию¹ служилый дворянин Василий Яковлевич Воронов принадлежал к шестому колену древнего рода, ведущего своё начало от шляхтича Михаила Вороновского, выехавшего из Польши на службу к Великому князю Московскому Василию III. В разрядных актах Василий Воронов впервые упоминается в 1590 году под Рязанью в походе к городу Михайлов в скромном чине боярского сына². На склоне лет, за свою верную многолетнюю службу он был пожалован в московские дворяне. Сохранились четыре царских наказа, отражающие его заслуги перед российским престолом³. Два из них связаны со службой в Разбойном приказе под началом боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского. В феврале 1623 года Василий Воронов был назначен к сыскным делам в Ярославском и Костромском уездах⁴. Далее, по служебной ротации, начиная с июля 1625 года, он принял аналогичную должность по Сузdalьскому, Шуйскому и Луховскому уездам⁵.

В кратком изложении, оба наказа обязывали государева сыщика держать под контролем налоговые отчисления в казну; оказывать противодействие разбойным отрядам; строго следить за изоляцией тюремных сидельцев и за хранением криминального конфиската; соблюдать строгую отчётность перед Разбойным приказом в губных и налоговых делах. Интервал времени между наказами составляет только два года, но второй из них отличается появлением жёстких распоряжений и методичным изложением необходимых действий, что, видимо, следует соотнести с личностью боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, принявшего должность Судьи Разбойного приказа в 1621 году⁶. Служба князя Пожарского по этому ведомству высоко оценивается современными историографами. Так, по его инициативе Боярская

дума утвердила три новых закона. Один из них, от 14 октября 1624 года, устанавливал полную ответственность барина за преступные действия своего холопа, даже если последнего уже не было в живых⁷. Другой боярский приговор (от февраля 1625 года) предписывал в случае неумышленного убийства чужого холопа, взамен отбирать у виновного барина одного из его крестьян с семьёй и всем имуществом, для передачи потерпевшей стороне. Эти суровые меры были призваны остановить междуусобицы, нередко руководимые самими помещиками. Вторым лицом в Разбойном приказе в интересующий нас отрезок времени был опытнейший дьяк Семён Головин, состоявший в этой должности с 1623 до конца 1628 года⁸. Ранее он же состоял в должности управляющего делопроизводством Галицкой четверти⁹.

По причине управляемческого кризиса периода Смуты, в 10-е годы XVII века шуйские «государевы сироты» оказались в налоговой зависимости от суздальской администрации¹⁰. Отражённое в наказе сосредоточение власти по трём уездам в одних руках, вероятно, имело целью примирить несогласные между собой Шую и Сузdalь. Основным мотивом к несогласию были действия суздальского воеводы Фёдора Кирилловича Плещеева, давшего присягу Лжедмитрию II и принявшего личное участие в разорении Шуи в декабре 1608 года¹¹. О снижении налогового бремени за своё «терпение» от мятежного воеводы шуйяне писали в Боярскую Думу в ноябре 1613 года¹².

Поручение о сыскных делах в этом регионе говорит о значительном доверии к служилому дворянину Василию Воронову. Боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, как крупный землевладелец Сузdalского края¹³, и ранее помогал шуйянам, например, своим обращением к Земскому собору 1612 года о выдаче им жалованной грамоты на освобождение от «кормов, даточных людей <...> и [с] денежных всяких доходов оброшных денег» в течение года¹⁴. Теперь его доверенный человек должен был исправить положение в «татебных делах» проблемного региона. Притом, кроме Суздаля и Шуи, входивших в Галицкую четверть, в подконтрольную область государева сыщика был включён и Лух, входивший во Владимирскую четверть. По итогу, прохождение службы в качестве эмиссара Разбойного приказа получило высокую оценку молодого царя Михаила Романова и его наставника патриарха Филарета. Василий Воронов получил повышение и с марта 1628 года заступил в должность государева наместника по Царевококшайску¹⁵. Текст наказа Василию Воронову на воеводство введён в научный оборот и достаточно хорошо изучен¹⁶. Но для локальной истории Суздаля и Шуи не меньший интерес, как полноценный источник XVII века, представляет ведомственный наказ Василию Воронову от 1625 года. Среди тематических публикаций о работе государевых сыщиков нам удалось найти только один подобный документ. Таким аналогом является Наказ Разбойного приказа Богдану Поликарповичу

(...) о сыске разбойников и их сообщников в Бельском уезде¹⁷. Наказ от 1601 года был составлен от лица царя и великого князя Бориса Феодоровича всея Руси и давался на пять лет. Этот деловой акт обязывал служилого дворянина проводить максимально жёсткую политику и применять военные меры по отношению к преступным сообществам, что было связано со спецификой приграничного региона.

* * *

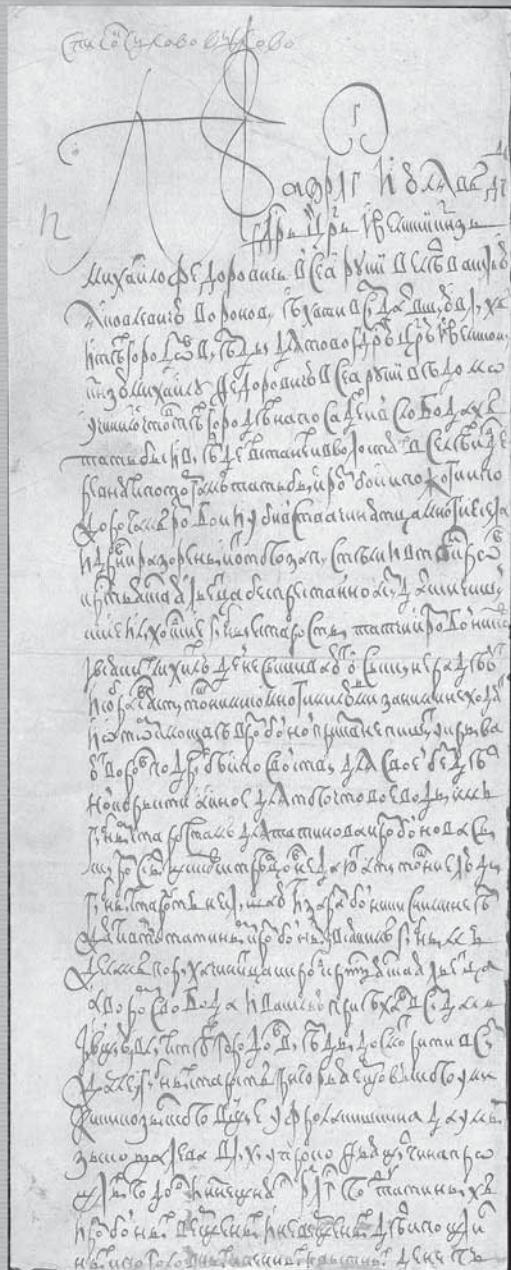
Наказ Василию Воронову начинается с основной мотивации его миссии. Вводная часть констатирует полное расстройство мирного уклада жизни и разорение множества крестьянских хозяйств. В значительной степени это были неизжитые последствия опустошительного рейда отрядов польского полковника Лисовского по Сузdalскому уезду и другим землям Восточного Замосквья осенью 1616 года¹⁸. Известны *роспросные речи* и *обысная сказка* шуйян о последствиях этого набега¹⁹. Последний приход «татей и разбойников» под Шую в 1619 году, с разорением села Васильевского, засвидетельствован шуйнами в *обыскных речах* 1623 года²⁰.

Годы лихолетья сопровождались ростом преступности в регионе и, что самое тревожное, полномочия городских губных старост были недостаточными, чтобы изменить сложившуюся ситуацию (так в тексте наказа). Назревшая проблема, неразрешимая на местном уровне, требовала вмешательства центральной власти. В наказе 1625 года изложен комплексный план розыскных мероприятий в смежных неблагополучных уездах. И в первую очередь наказ требовал наладить взаимодействие с губными старостами и объединить усилия по расследованию татебных дел. Все губные старости названы в наказе поименно: в Суздале – Григорий Ершовский и Микитка Козинский²¹, в Шье – Фрол Кишкин и Мурза Ковалев²², в Лухе – Прокофий Шульгин²³. Губные старости избирались из местного дворянства. На них возлагалась ответственность по проведению первичных следственных действий по явочным челобитным от местного населения. Среди них были опытные дознаватели, состоявшие в должности более 10 лет, такие как Фрол Кишкин в Шье и Прокофий Шульгин в Лухе.

Кроме того, по предписанию свыше государев сыщик при вступлении в должность получал чрезвычайные полномочия на широкое дознание о скрытых фактах грабежа и кровопролития, а также об укрывательстве награбленного имущества. Акт такого дознания именовался *большим повальным обыском*. Он проводился на общем съезде, невзирая на чины и звания, не исключая даже и городскую знать и духовных лиц. Обязательным требованием была письменная фиксация показаний «*обыскных людей*», под заручную роспись. При изобличении преступника требовалось изымать у него не только

ко награбленное, но также и личное имущество и даже хлеб, «молочёный, стоячий и сеянй». Тем самым преступление обличивалось тяжёлыми лишениями для всей его семьи. Соучастников разбоя полагалось «пытати накрепко неодинова», т.е. подвергать ужесточённому допросу с применением телесных пыток. Такова была общепринятая практика дознания по особо тяжким делам в государственном правосудии тех лет²⁴. Она была не только устрашающей инициативой «сверху», но и поддерживалась умонастроениями «снизу». Известны примеры, когда сделанное в истцовой целебитной замечание «не пытан», давало повод усомниться в качестве начального этапа дознания и возобновить расследование.

Наказ Василию Воронову максимально конкретен, как свойственно многим наказам 20-х годов XVII века²⁵, а некоторые его предписания явно обращаются к опыту организации земского ополчения. Так,

при необходимости силового захвата разбойных групп, предлагалось привлекать не только стрельцов и пушкарей «со всяким ратным боем», но также посадских людей «по скольку человек пригоже». На этот случай даже и сам воевода²⁶ переходил в подчинение эмиссара Разбойного приказа. Для привлечения земства на местах назначались «соцкие и пятидесятцы и десятцы из лутчих людей», которые, в случае поимки преступников, должны были передавать их губным старостам. Притом напоминалось о строгой ответственности на всех уровнях вплоть до казни или опалы за нерадивое исполнение служебного долга.

Особое внимание в наказе уделяется ограничению самоуправства в уголовных делах. Определение и исполнение меры наказания делегировалось только центральной власти. Это было настоятельное требование новой администрации. Известен синхронный акт Разбойного приказа от 1624 года²⁷, утверждающий запрет на выполнение наказаний на местном уровне. Притом этот запрет в акте подкреплён дважды: сначала целой статьёй из Указной книги Разбойного приказа 1556 года и следом – цитатой из Указной книги новой редакции²⁸: «Которые истцы с разбойники <...> в разбойных делах, не дожидаясь указу, учнут мириться, <...> и тот их мир не в мир ставить, <...> а истцом за то пеня чинить, смотря по делу, не мирись с разбойники».

На это следует заметить, что государев суд в таких вопросах имел свои приоритеты. Интересы государства ставились выше интересов заявителей, и личное имущество истцов, конфискованное у разбойников, могло быть взыскано в пользу государства. В наказе Василию Воронову также имелся подобный пункт, касаемый в первую очередь лошадей, изъятых «у татей или у разбойников или у оговорных беглых людей», которых требовалось «отдавать в Разбойном же приказе». Изъятие конной тяги могло иметь оправдание как чрезвычайный сбор, мотивированный теми же обстоятельствами, что и известная «пятая денга»²⁹ Козмы Минина.

Последствия «твёрдой руки» всё же не замедлили сказаться на повседневной жизни упомянутых городов и их уездов. Это можно заметить, например, при сравнении описей Шуи от 1619, 1623 и 1629 годов. Если составители первых двух описаний, дозорщики Никифор Неплюев и Северин Уваров, фиксируют плачевное состояние городских и церковных строений, то после пребывания Василия Воронова в должности государева сыщика по Суздалю и Шье (1625–1628) дело пошло на лад. Так, перепись шуйского землевладения, составленная Афанасием Вековым (1629), отразила возобновление основных церковных строений³⁰. В этой переписи отмечено и поступление в Государеву казну вновь назначенного оброка с прежних оброчных мест³¹, временно освобождённых от выплат в казну на период лихолетья, что так же свидетельствует об улучшении качества жизни шуйян.

Преодоление хозяйственных последствий Смуты при восстановлении вертикали власти стало предпосылкой к разрыву унизительного Деулинского мира, заключённого с Речью Посполитой в декабре 1618 года. Уже в 1632 году, начав Смоленскую войну, Россия приступила к возвращению утраченных российских территорий. К этому периоду относится и последнее упоминание Василия Воронова в исторических документах. В сентябре 1634 года во главе ратного отряда он был срочно направлен под Смоленск против войска короля Владислава IV: «И ныне указал Государь <...> с теми даточными [конными] людьми и с казаки идти под Смоленск Петру Безобразову да Василию Воронову <...> а шли б наспех, без всякого мотчанья»³². К тому времени Василий Воронов владел поместьями общей мерой 420 четей³³. Его шуйским именем стало сельцо³⁴ Волокобино на реке Люлех, получившее новое название Вороново по фамилии своего владельца.

* * *

Казалось бы, административные навыки государева сыщика должны были укрепить закон и порядок прежде всего в его собственных владениях. Однако исторические документы показывают, что и в жизни волокобинских жителей случались грубые нарушения правопорядка. Правда, такой эпизод был зафиксирован лишь через полвека после службы Василия Воронова по губным делам в Сузdalском и Шуйском уездах. В то время сельцо Волокобино принадлежало Осипу Воронову, сыну государева сыщика. В августе 1676 года в разбое и грабеже оказались замешаны несколько местных крестьян под предводительством приказчика барской усадьбы. Сохранилась явочная челобитная от потерпевших, в которой четверо крестьян из села Иваново описывают свой путь в Хотимль на Успенскую ярмарку «торговать со всякими товары». Проехав мост через реку Люлех и мельницу, они направлялись через лес к селу Ряполово. На этом участке пути они и подверглись нападению группы местных жителей. Как пишут челобитчики, «Осипа Васильева сына Воронова человек его, Лучка Миронов, да крестьяне его: Стенка Дмитриев, Ивашка Иванов, сын Белоногов с товарыщи, нас сирот твоих, <...> учили разбоем бить и грабить»³⁵. Среди пострадавших был ещё один крестьянин, и вовсе пропавший без вести «от их разоренья» вместе «с лошадью и со всяким товаром». Заручился за слова ивановских крестьян Андрей Мурзин, приказчик князя Михаила Яковлевича Черкасского³⁶ (владельца села Иваново). В данном случае можно сказать, что волокобинские мужики «не на тех напали», поскольку положение владельца челобитчиков, князя Черкасского, было несомненно выше, чем положение дворянина Осипа Воронова. И возмещать ущерб по этому иску³⁷, видимо, пришлось в полной

мере, не доводя дело до привлечения стрельцов и пушкарей, как некогда было предписано в старинном наказе.

Тем не менее, ведомственный наказ 1625 года, как и все другие наказы на имя Василия Воронова, бережно сохранялся в семейном архиве и в 1680-е годы, вместе с поколенной росписью рода Вороновых, был представлен его внуком Петром Осиповичем в Палату Родословных дел в качестве «явных» свидетельств о древности рода и его заслугах перед Российским престолом. Государевы дьяки изготовили точные списки этих документов для составления т.н. Бархатной книги Российского дворянства (1686). Благодаря этой юридической процедуре сегодня мы имеем возможность ознакомиться с содержанием Наказа боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, отданного своему доверенному лицу, Василию Яковлевичу Воронову, в июле 1625 года, и составившего впоследствии предмет гордости его потомков.

При публикации Наказа сохранены стилистические особенности источника. Текст представлен в современной орфографии, титла раскрыты, пропущена пунктуация и рубрикация на абзацы, добавлены комментарии к архаичным словам и речевым оборотам, принятым в XVII веке. В квадратных скобках проставлены слова и союзы, опущенные переписчиком.

Б. Л. Макарьянц

-
1. Родословец П.О. Воронова с комментариями // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 12. Шuya-Южа, 2023. С. 153.
 2. Юшков А.И. Акты XII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1. С. 267. № 248.
 3. Родословные росписи конца XVII века / А.В. Антонов; [Рос. гос. арх. древ. актов]. Москва : Археогр. центр, 1996. (Исследования по русской истории; Вып. 6). Сс. 120-121.
 4. РГАДА. Список (1680-е): Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137. Л. 4-11.
 5. Там же. Л. 12-27.
 6. Приказы Московского государства XVI-XVII вв.: Словарь-справочник / Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин. М.; СПб.: ИРИ РАН; РГИА; ЦГИ, 2015. С. 153.
 7. Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М.: Квадрига : Зебра Е, 2013. Сс. 146-148.
 8. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М.: Наука, 1975. С. 121.
 9. В октябре 1611 года (в лагере I Ополчения) и с января 1614 по начало 1620 гг. Приказы Московского государства... Сс. 229-230.
 10. Бутрин Е.С. Взаимоотношения Шуйской и Сузdalской администрации в XVII веке // Вестник Пермского университета. Серия: История. Вып. 1 (32) / 2016. С. 81.
 11. Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н. Смутное время начала XVII века: судьбы участников. Иваново, 2015. Сс. 6-11.
 12. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. Сс. 9-13.
 13. Среди них – родовая вотчина в селе Мугреево с землями по реке Лух и село Нижний Ландех со многими деревнями, пожалованное от царя Василия Шуйского.

14. Челобитная шуян в московскую боярскую думу, поданная в 1613 году // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1849. № 16. С. 16.
15. РГАДА. Список (1680-е): Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137. Л. 28-38.
16. Димитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 года // Марийский археографический вестник. №2. 1992. Сс. 62–71.
17. РГАДА. Ф. 1455. Оп. 3. № 118. Л. 1-10. Подлинник (без начала). Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III. / Сост. А.В. Антонов. – М.: «Древлехранилище», 2002. Сс. 445-447. Автор благодарит Д.Ю. Кривцова за предоставленные сведения об этом источнике.
18. Зорин А.В. Лисовчики: Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени. М.: Квадрига, 2022. Сс. 157, 161-162.
19. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. Сс. 254–258.
20. Борисов В.А. Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к Описанию г. Шуи и его окрестностей. М., 1853. Сс. 42–44.
21. Григорий (Гаврилович) Ершовский упоминается в деловых актах по Суздалю с 1625 по 1626 годы. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 9. Б. Записные книги Московского стола. СПб., 1884. С. 400). Никита Козинский упоминается в деловых актах по Суздалю с 1625 по 1630 годы. (Новомбергский Н.Я. «Слово и дело Государевы». Т. 1. М., 1911. № 45). По сведениям, любезно предоставленным Е.С. Бутриным, Никита Дмитриев Козинский в 1627-1630 гг. владел вотчинами в Опольском стане Сузdalьского уезда и в Шуйском уезде.
22. Фрол (Иванович) Кишкин упоминается в деловых актах по Шье с 1622 по 1635 годы. (Яковлев А.Я. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М-Л. АН СССР, 1943. Сс. 480, 486). Мурза (Трефильев) Ковалёв упоминается по Шье в 1622 и 1624 годах. (Борисов В.А. Собрание трудов (материалов): В 3 т.: Т. 1 / Редакторы-составители Е.Г. Вопилин, В.И. Баделин. – Иваново: Международная интеллектуальная книга, 2001. С. 368)
23. Прокофий (Григорьевич) Шульгин упоминается в деловых актах по Луху с 1623 по 1633 годы. (Сироткин С.В. Материалы по истории Луха и Луховского уезда первой трети XVII века // Смутное время: итоги и уроки. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Иваново, 2012. Сс. 260, 306, 309, 313)
24. Делопроизводство Разбойного приказа того времени регламентировали Указ о татебных делах от 28 ноября 1555 года и Вторая указная книга Разбойного приказа 1616/17 года. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века / под редакцией Н.Е. Носова. Л.: Наука, 1986. Сс. 36-37, 85-91.
25. Воробьёв А.В. Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории Государственного управления в России XV – первой половины XVII в. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. исторических наук. М., 2012. С. 14.
26. В Суздале стольник Иван Никитич Головин (1624-1626); в Шье Матвей Совин (1625-1627); в Лухе Пётр Иванович Ярцов (1625-1627). Списки городовых воевод Московского государства XVII столетия / сост. А. Барсуков. С.-Петербург. 1902. Сс. 130, 219, 277.
27. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III. 1613 – 1645. СПб., 1841. № 92 (VI). С. 94.
28. Новую редакцию Указной книги Разбойного приказа в 1616/17 году составили дьяк Третьяк Корсаков и подъячий Михита Посников. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 60.
29. Чрезвычайный налог, взимавшийся в виде пятой части от личных доходов и имений.
30. Мазур Л.Д. Церковь и её владения в Шье в XVII веке // Архитектурное наследство. Вып. 46. М., 2006. Сс. 87-89.
31. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. С. 277.
32. Акты Московского государства: Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571-1634. / под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. № 551. Сс. 523-524.

33. Сташевский Е.Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII в. М., 1911. С. 75.
34. Сельцо – центр поместья; деревня, где располагалась барская усадьба.
35. Явочная челобитная крестьян вотчины князя Михаила Яковлевича Черкасского, села Иваново, на крестьян вотчины Осипа Васильевича Воронова // Наказ государя, царя Михаила Федоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом, чувашскими и черемисскими волостями. – [Кострома] : издание музея Д. Г. Бурылина, 1913. Сс. 15-16.
36. Князь, комнатный стольник при царе Фёдоре Романове (1676-1682). Стольник (воспитатель) царевича Петра (1680). Боярин (1682). Председатель Расправной палаты (1692). Вое-вода в Тобольске, фактически правитель всей Сибири (1697).
37. Возможно, это был один из последних исков, рассмотренных в Шуйской губной избе. По именному указу царя Фёдора Алексеевича с боярским приговором от 27 ноября 1679 года расследование татебных дел было возложено на воевод. Тем самым губные избы были ликвидированы. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 2. 1676 – 1688 гг. СПб., 1830. Ст. 779. Сс. 219–220. О ведении всех судных дел в городах одним воеводам.

Наказ Разбойного приказа служилому дворянину В. Я. Воронову

СПИСОК СЪЛОВО ВЪ СЛОВО¹

/л 12/ Лета 7133²-го [году] июля въ 14 день Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович всея Руси велел Василью Яковлевичю Воронову ехати в Суздал, в Шую, в Лухъ и тех городов уезды для того:

Государю Царю и Великому князю Михайлу Федоровичу всея Руси ведомо учинилось, что в тех городах на посадах и в слободахъ татьбы, и в уездах, в станах и в волостях, в селах и в деревнях, и по торгамъ татьбы и розбои и пожоги, и по дорогамъ розбои и убивства чинятца. Многие села и деревни разорены и от того запустели, и в том кров[ъ] крестьянская льетца беспрестанно. А суздальские и шуйские и луховские губные старости татей и разбойников и всяких лихих людей не сыскивают, о сыске не радеют и, собрався с тутощниками со многими людми, за ними не ходят, и о том к Москве в Розбойной приказ не пишут. Укрывают воров по дружбе и по свойству для своей безделной корысти, а иное для того, что воеводы имъ, губным старостам, для татинного и разбойного сыску розылщиков и стрелцов не дают. А тутощние люди губных старост не слушают и за разбойники с ними не ездят, и в том татиным и разбойным, и всяким губным делам поруха чинитца и кров[ъ] крестьянская льетца, а ворам свобода.

И Василью, приехав в Суздал и в Шую и в Лух, и тех городов в уезды, до-смотрити в Суздале у губных старост Григорья Ершовьского [да] у Мики[т]ки

1. Надпись по верхнему полю листа, заверяющая точность копии с подлинного наказа.

2. 7133 год от Сотворения міра соответствует 1625 году от Рождества Христова. В тексте Наказа дата указана буквенно цифрию: №ЗРЛГ.

Козинского, в Шуе у Фрола Кишкина да у Мырзы Ковалева, в Луху у Прокофья Шулгина прошлых годов и нынешняго 133-го году татиных и розбойных вершеных и невершеных дел, и пошлиных³, и поголовных⁴, и пенных⁵, и вытных⁶ денег, /л 13/ и татиные, и розбойничьи, и поменные рухляди⁷, и лошадей. И в тюрях сиделцов, татей и розбойников и оговорных людей, по имяному на лицо кто имяны, и в котором году и месеце и числе, и [в] какове деле и по чьему челобитью, по поличному или по язычной мол[в]ке, или по лихованым обыском, тати и розбойники и оговорные люди приведены? И что они на себя и на своих товарыщев в татьбах и в розбоях и в убивствех в роспросе и с пыток говорили? И кто имяны тати и розбойники и оговорные люди ис тюрмы выпущены, и будут которые выпущены, по Государевым ли грамотам выпущены? И записи поручные по них есть ли? И чьих татиные и розбойничьи и оговорных людей животы⁸ переписаны и запечатаны? И сколько тех животовъ денег и платья, всякие рухляди, лошадей и всякия животины и хлеба молочено и стоячево и сяяново в земле? И кому те животы приказаны береч, и по тех сторожах записи поручные есть ли? О про то про все губных старост допросить и сыскати накрепко.

Да что у них прошлых годов и нынешняго РЛГ-го году вершоных и невершеных дел, и пошлиных, и поголовных, и пенных, и вытных денег, и татиные, и розбойничьи, и поличные рухляди, и лошадей, и в тюрях татей и розбойников и оговорных людей по имяному налицо есть. И кто в какове деле приведен, и по чьему челобитью, по поличной или по язычной мол[в]ке, или по лихованым обыскам⁹, и кто ис тюрмы выпущен и для чего выпущенъ, и сколько чьих животов запечатано и кому береч приказано. И в том во всемъ их счасть, и то все написать в росписи подлинно порознь по статьям, и свести съ тех городов з губными старосты /л 14/ в Суздале – с Григорьевъ Ершовскимъ да с Микитою Козинскимъ; в Шуе – со Фроломъ Кишкинымъ да с Мурзою Ковалевымъ; в Луху – с Прокофьемъ Шулгина.

[Да] велети в торговые дни кликати опричь него¹⁰ один день, чтоб архимандриты, игумены и протопопы, и попы, и дьяконы, и дворяне, и дети боярские, и всякие служилые люди, и посадцкие старосты, и целовалники, и всякие посадцкие люди, и Государевых Царевых и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси дворцовых сел и черных волостей, и Великого Государя Святейшаго Патриарха Феларета Никитича Московского и всея Ру-

3. Пóшлиный сбор – торговая пошлина с продаж.
4. Поголóвные деньги – личная проезжая пошлина с речного судна, с воза или с саней.
5. Пéня – штраф. Соответственно – пéнные деньги – штрафные сборы за провинности.
6. Выть – тягловая единица, то есть единица налогообложения с занимаемой земли.
7. Помéнная рúхлядь – движимое имущество, которое менялось, а не продавалось.
8. Животы – имущество.
9. Лиховáнный обыск – массовый опрос для губного старосты под присягой и под запись.
10. Кликати опричь него – огласить во округ на торгу, во всеуслышание.

си и митрополичьихъ, и владычъихъ, и боярскихъ, и дворянскихъ, и приказныхъ людей, и детей боярскихъ, и монастырские прикащики, и старосты, и целовальники, и крестьяне, и всякие кошные люди¹¹ были к ним на съезде тех городов на посаде. А каку к нимъ на съезд всякие люди съедутца, и тех всех людей роспрашивати и обыскивати *богшим повалным обыском*¹²: архимариты и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы – по священству, а дворяны и детми боярскими, и всякими служильмы, и посадцкими старосты и целовальники, и всякими посадцкими людми, и Государевых Царевых и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси дворцовых сел и черных волостей, и Великого Государя Святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского всея Руси и митрополичныхъ, и владычныхъ, и боярскихъ, и дворянскихъ, и приказныхъ людей, и детей боярскихъ, и монастырская прика- /л 15/ щики, и старосты, и целовальники, и крестьяны, и всякими многими людми – по Государеву Цареву и Великого князя Михаила Феодоровича всея Руси крестному целованию – кто у них в тех городах, на посадах, в уездах, в станах и в волостях, в селах и в деревнях [ведает] лихих людей татей и розбойников? И где, сколь давно, и в котором году, [в] кокою пору, и ково имяны, тати крали и розбойники розбивали, и людей до смерти побивали и мучили? И где ныне, и кто имяны, тати крадут, розбойники розбивают и до смерти людей побивают? И какие они люди и откуда, и от ково имянем, тати красть, а розбойники розбивать ездят, и с татебъ и с розбоев х кому приезжут? И кто их на татьбы и на розбои подводит, и стан держит, и во всяком воровстве норовит? И что у них у ково имяны, на тех татьбах и розбоях какого живота денег, и чулана, и всякия рухляди, и лошадей, имянно в земли? И где тот живот подевали, х кому привозили, и у ково что положили на соблюденье, или кому что продавали, и за татиное и за розбайнное? И что кому про то про все ведомо виденьем, а и слухом от ково кто что слышали? И чье села и деревни, и как словут¹³, и в сколких верстах около тех месть поблизу стоят, которых людей крали и розбивали, и в техъ селех и в деревнях лихие люди тати и розбойники есть ли? И будет лихие люди есть, и кто имены и прозвищи те ли лихие люди, тати и розбойники, и сколь давно в тех селех и деревнях, и за кем имянем живут, и тем воровством воруют? И иные к ним воры кто имяны, и откуды приезжают и приходят, и где по дорогамъ и по пустошам собрания станы стоят?

А как которых людей тати крали и розбойники розбивали, и тех ближнихъ сел и деревень люди /л 16/ крикъ и вой слышали ли? И будет слышали, и на крик к нимъ ходили ли? И будет ходили, и что видели? А будет не ходили, и для чего на крикъ не шли? За теми татми и за розбойники окольные люди

11. Кóшные люди – добрые, честные люди.

12. Большой повальный обыск – массовое одновременное дознание через окольныхъ людей.

13. Как словут – как в народе называют поселение.

сыскные в погоню следом ходили ли? И те люди х которым погонные люди¹⁴ следом приходили от себя следом водили ли? И будет не отводили, и для чего следом не отвели? И о том о всемъ обыскныхъ людей допрашивати подлинно порознь и по статьямъ. А говорити имъ накрепко с великою угрозою, чтоб они в обысках не лгали, речи свои сказывали прямо в правду, по Государеву Цареву и Великого князя Михаила Федоровича и всеа Руси крестному целованью, не блюдясь никого¹⁵, против татей и розбойниковъ кто что слышал, или сами видели. А семьями¹⁶ и от заговоры по дружбе, или мъстя кому недружбу, речей своихъ ложно не сказывали, и никого ни в чемъ, ни которыми всехъ лихихъ людей татей и розбойниковъ не укрывали, а добрыхъ людей напрасно не клепали. И сужмényх¹⁷ браней и деревеньскихъ драк – в татбы и в розбояные [списки] не ставили. Как что делалось, такъ [бы] и сказывали.

Да кто что про то про все в обыску обыскные многие люди скажут, и техъ людей именья, и речи, кто что говорил, по ихъ статьямъ, так велети и писати на список земьскимъ или церковнымъ дьячкомъ, прямо безо всякие хитрости, подлин[но] порознь по статьямъ, чтоб однолично не в сыску и не в допросе, ни одна статья не была¹⁸. Да к темъ обыскнымъ речамъ велети обыскнымъ людямъ руки свои приложити. А которые обыскные люди грамоте не умеют, и в техъ обыскахъ /л 17/ людей место¹⁹ велети отцомъ ихъ духовнымъ и руки свои приложити.

А будеть которые обыскные люди учнут лъгати, а речи свои учнут сказывать не прямо, лихихъ людей татей и розбойниковъ учнут укрывать, а добрыхъ людей учнут напрасно клепати, а после про то сыщетца, и темъ обыскнымъ людемъ от Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всеа Руси быти в великой опале и в казни. Да на них же Государь велит пени [и] исцовъ иски править по челобитнымъ.

А будет в обыску обыскные люди в татьбахъ, и в розбояхъ, и в убивствахъ, и в пожогахъ, и во всякихъ воровствахъ, которыхъ людей крали и розбивали, и до смерти побивали и жгли, учнут на которыхъ людей говорить слухомъ, и техъ обыскныхъ людей про то допрашивати накрепко. Какие люди и хто имяны, от ково они про то слухомъ слышали, да от которыхъ людей скажут слышали? И техъ обыскныхъ людей с теми людми, от которыхъ оне слышали, ставить с ними с очей и на очи²⁰, и ихъ роспрашивати подлинно – такие [ли] они темъ людемъ сказывали? И велети имъ то в речахъ своихъ писати именно. А будет обыскные

14. Погонные люди – группа преследования.

15. Не блюдясь никого – не взирая на чины и должности.

16. Семьями – то есть по родству, по семейному свойству.

17. Ошибка переписчика, метатеза «ж» и «м». Правильно – сúмежныхъ, то есть, межевыхъ.

18. То есть, чтобы записи в разныхъ протоколахъ другъ друга не повторяли.

19. Людей место – вместо заручной подписи неграмотныхъ свидетелей.

20. С очéй на очи – то есть на очную ставку.

люди на кого на лихих людей в татъбах и в розбоях, и в убивствех, и в пожогахъ, и во всяких воровствах, имянно скажуть, в которых городах, кого имены крали и розбивали, и до смерти людей побивали и жгли, и в которых селех и в деревнях те лихие люди, тати и розбойники за кем именем живут, – и Василью Воронову в тех городах и во сводку²¹ приказных людей имати.

Детей боярских и розсыльщиков²², и стрелцов, и пушкарей, и затинциков²³, и посадцких людей по сколку человекъ пригож[е], со всяким ратным боемъ, и собрався со многими людьми, по лихованным обыскомъ /л 18/ лихованных татей и розбойников и оговорных людей, которые от себя следу не отвели²⁴, переимати. И тех городов губныхъ старость и губных целовалников за ними посылати. А велети ихъ имати ж, а дворы их, и во дворах животы, денги и платье, и всякие рухляди, и хлеб молоченой, переписав, печатати. А лошади и животину всякую, и хлеб стоячей, и молоченой, и что сеянй в земле отписывать и приказывать береч туточним и околным людямъ, кому будет пригож[е] до Государева Царева и Великого князя Михайла Федоровича и всеа Руси указу, с поруками. А по лихованным обыском тех лихованных людей, татей и розбойников, и тех людей, которые от себя следу не отвели, велети перед собою пытали накрепко в первые, и в другие, и в третие, и огнемъ же²⁵. И у пыток ихъроспрашивати подлинно порознь и по статьямъ – хто оне, и какие люди, и где, хто, и в которых городех, на посадех и в уездах, и в селех, и в деревнях, и за кемъ именем живут? И скол они давно, и в котором году, [в] кокою пору, и ково именем крали и розбивали, и до смерти людей побивали и жегли, и от кого на розбой ездили, и с розбоев х кому приезжали, и хто их на татбы и на розбои подводит, и стан держит, и во всяком воровстве наропит? И что они у ково на татбах и на розбоях какова живота, денег и платья, и всякие рухледи, и лошадей, имянно взяли? И каковы лошади имали – кони ли, или мерины, или кобылы²⁶? И платье всякое каково имали – ново ли, или ветчано? И где тот живот подевали, х кому привозили, и у кого что положили

21. Во сводку имати, то есть мобилизация сводной командой.

22. Воеводский пристав по губным и прочим делам при съезжей (приказной) избе.

23. Затинщики – люди пушкарского чина, находились в подчинении у осадного головы.

24. Люди, попавшие под подозрение, как сообщники грабежа за хранение добычи.

25. Общепринятая в Русском государстве дознавательная практика в отношении лиц любого звания, уличённых в тяжких и особо тяжких уголовных преступлениях. Три названные пытки: дыба, кнут (батоги) и огонь.

26. Уточнение о лошадях, вероятно, связано с ценовым эквивалентом. В Указной книге Разбойного приказа 1616/17 года денежное выражение «живота» определяла отдельная статья [49]. «А животу всякому цена <...> конь 5 рублей, кобыла конская 3 рубли, жеребенок конской 2 рубли, мерин 2 рубли, кобыла пол- 2 рубли, жеребенок рубль, корова рубль, бык рубль, коза две гривны, свинья гривна, овца гривна». Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / под редакцией Н.Е. Носова. Л.: Наука, 1986. Вторая указанная книга Разбойного приказа. С. 91.

на соблюденье? Назнати кому что продавали за татиное и за розбойное, или ково чём подарили, и хто с ними на тех татбах и на розбоях имяны товарыщи были, и где к нем, те их товарыщи, бегая, живут?

Да будет они на себя и на своих товарыщев в татьбах и в розбоях, и в убивствах, и в пожогах, и в подводех, и в приездех, и в станехъ, /л 19/ и в по-клаже, и въ продаже татебные и розбойные рухляди, и в поноровке, с пыток учнут говорить, и те их речи, хто что говорил, под их статьями, так велети и написати на список подлинно ж порознь и по статьямъ. Да по ихъ язычным мол[в]камъ, по тех оговорныхъ людей самому ездить и губныхъ старость посылати, а велети их имати и приводити к себе. А дворы их и во дворехъ животы по тому ж переписать и печатать, и приказатъ береч до Государева указу. Да тех оговорныхъ людей съ языки, которые на них говорили, *во многихъ людехъ*²⁷ с очей на очи ставить. А велети имъ опазнывати, да ково тати и розбойники товарыщев своихъ во многихъ людехъ опознают, и на очной ставке учнут на них в татбах и в розбоях говорити, теж речи, что на них и за очи говорили, и тех оговорныхъ людей в татбах и в розбоях, и в убивствехъ, и во всякихъ воровствехъ, по тому же роспрашивати и пытать накрепко неодинова. Да будет они на себя и на своихъ товарыщев в роспросе и с пыток учнут говорити, и тех оговорныхъ людей по тому ж имати, и животы их переписав, печатати, и приказывати береч до указу же. Да тех оговорныхъ людей с языки, которые на нихъ говорили, по тому ж, *во многихъ людехъ*, и с очей на очи ставити, и их роспрашивати, и сыскывати про нихъ всякими сыски накрепко, многими людми, и указ им чинити по сему же Государеву наказу, и по сыску, хто до чего доведетца.

А где будет ведомо учинитца, или в обыску обыскные многие люди скажут, где розбойники собрався, станы стоят, и Василью Воронову по тому ж имати²⁸ у воевод детей боярских²⁹ и разсыпщиков, и стрелцов, и пушкарей, и затинщиков со всяким ратным боемъ. Да с теми людми на разбойников на станы приходити тайно, *не однемъ местомъ*³⁰, и над ними промышляти не-оплошно, чтоб однолично³¹ розбойников переимат, и утечки имъ нигде не было. А животы розбояные и денги, и платье, и рухлядь всякую, и лошади, на тех розбояхих станех велети перед собою переписати губному старосте подлинно порознь и по /л 20/ статьямъ, сколько чых денег и платья, и рухляди, и лошадей, чтоб тому розбояному животу *истери*³² некоторые не было. И те розбояные их животы приказывать береч окольнымъ людемъ, кому будет

27. *Во многихъ людяхъ* – то есть прилюдно, «на міру», при многихъ свидетеляхъ.

28. *По тому же имати у воевод* – то есть по тому же Государеву наказу Василий Воронов имел полномочия, превышающие власть местного воеводы.

29. *Дети боярские* – младшая степень русского дворянства, служилые военные люди.

30. *Не однемъ местомъ* – то есть с разныхъ сторон, не давая возможности к бегству.

31. *Однолично* – то есть персонально, всех до единого.

32. *Истери* – потери, растраты.

пригоже, до Государева указу. Да тех розбойников про розбои и про татбы, и про убивства по тому жроспрашивати подлинно порознь и по статьямъ, и велети ихъ перед собою пытати накрепко впервые и въ другие, и в третие, и огнем жечь. Да на ково на товарыщев своих в роспросе и с пыток въ тех татбах и в розбоех, и воровствех, и в пожогах, и во всякихъ воровствах учнут говорити, и те их речи, что что говорил, по тому же, под их статьями велети писать на список подлинно ж порознь и по статьямъ, чтоб однолично не въ допросе и не в сыску ни одна статья не была. Да по их язычным мол[в]кам оговорныхъ людей по тому же имати, а животы их переписав, печатать и приказывать береч до указу же. Да тех оговорныхъ людей с языки, которые на них говорили, с очей на очи ставити и сыскивати про них всякими сысками накрепко, и указ им чинити по семуж наказу и по наказам, каковы даны губным старостамъ, что до чего доведетца³³.

А однолично Василью, да с ним губным старостам, и тем людям, которые въ зборе на розбойников будут, за розбойники ходити неоплошно, и над ними промышляти с великимъ радениемъ, и переимати всех, чтоб однолично в тех городах и в уездах татей и розбойников вывести, и вперед [них] отцы татей и розбойников и убивцевъ, [чтоб] одне не было. А будет которой разбойникъ на поимъке утечет, и которых в обыску обыскные люди в татбах и в розбоях, и воровствех, и в пожогах учнут лиховати, и скажут про них, в которых они волостях и в селехъ, и в деревнях за кемъ именем живут, или на которыхъ языки говорили, а те тати и розбойники и всякие лихие люди под розыском по родимцам /л 21/ своимъ учнут ухоронятца, а сыскать будет их немочно, а двору будет у них и живота в тех волостях и в селениях, [и в] деревнях деньги и платье, и всякая рухлядь, и лошади, и хлеб молоченой, и стоячей, и сеянной есть, и те их дворы и во дворех животы потому ж переписав, запечатать и приказывати береч тutoшним и оконным людемъ, кому будет пригоже до Государеву указу с поруками.

А тех волостей, сель и деревень прикащиков и старость, и целовалников, и лутчих людей крестьян, чей кто ни буди, велети переписати по именам, и учинити меж ними соцких и пятидесятцких, и десятцких, и подавати на крепкие поруки и записми, что им, в тех своих волостях и в селех, и в деревнях меж собою татей и розбойниковъ, и всяких лихих людей сыскивая, приводити к ним в губу³⁴. И вперед к себе в своих волостях, селех и в деревнях, татем и розбойником и всяким лихим людямъ приездов и станов не держати, и татинные и розбайнные рухляди не перекупати, и того соцким в своих сотнях, а пятидесятцким в своих пятидесятнях, а десятцким в своих десятнях, смотрити

33. То есть по результатам дознания, в зависимости от тяжести содеянного.

34. Губа – губная изба, присутственное место губного старости в уездном городе, место судебных решений по особо опасным уголовным преступлениям.

и береч накрепко, чтоб однолично меж ими лихие люди тати и розбойники не жили и не приставали. А у которого в сотнях или в пятидесятнях, или в десятнях тати и розбойники, или иные какие лихие люди об[ъ]явятся, и они б тех людей татей и розбойников, и лихих людей имеючи, приводили без пенно³⁵ к ним в губу. А те б люди, которые учнут их приводит, от них, от татей и от розбойников, язычные мол[в]ки не брали.

А которые сотные люди вперед учнут у себя татей и розбойников, и всяких лихих людей ухоронять, и имъ приезд /л 22/ и станы держать, и их укрывать, и татиные и розбайнне рухляди учнут у них пережинати, а в губу не учнут отводити, а опосле про то сышетца, и тем людямъ от Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всеа Руси быти казненным³⁶. А животы их отдавати в ысцовы иски, да те по них поручные записи присылати к Москве в Розбойной приказ.

А которые тати и розбойники, и оговорные люди от язычные мол[в]ки, или от лихованных обысков учнут бегати в ыные города и в уезды, и Василью Воронову потому жъ, в те города къ губным старостамъ и къ приказным людямъ отписывати и отписи посылати з губными целовалники. А велети тех людей, которые от язычной мол[в]ки и от лихованных обысков бегают, имати, а животы их переписав, печатати, и приказывают береч до указу с поруками. Да тех беглых оговорных людей и животомъ их переписи и по сторожах поручные записи, велети присылати къ языком на очную ставку. А как тех беглых оговорных людей, [которых] к ним пришлють, и тех людей съ языки, которые на них говорили, потомуж во многих людях, с очей на очи ставити и роспрашивати, и сыски про них всякими сыскивать накрепко, и указ о том чинити по наказу, хто до чего доведетца.

А которые люди на татей и на розбойников учнут в своих татбах и въ розбоех, или в убивствех приносити челобитные, на тех людей челобитные имати. Да по тем их чело /л 23/ битнымъ про татьбы и про розбои, и про убивства обыскивати всякими многими людми. Да которых людей в обысках обыскные многие люди учнут лиховати, и по тем лихованым обыском тех лихованныхъ людей потомуж переимати, и животы их переписав, запечатат. А их роспрашивати и пытати накрепко, и указ им чинити по семуж наказу, кто до чего доведетца. А без Государева Царева и Великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Василью исцов[ые иски]³⁷ оговорных людей не розвычива[ти и не] правити, и татиных и розбайничихъ, и оговорных людей животов не продават, и исцом поличною платья и рухляди и лошадей не

35. Без пенно – вероятно, акцентируется добровольная выдача губным властям. Следующий пункт разъясняет последствия укрывательства с наказанием вплоть до смертной казни.

36. Фактическое исполнение наказания составляло преимущество центральной власти.

37. Лакуна в тексте из-за краевого дефекта бумаги. Фраза восстановлена по смыслу.

отдавати, и в татиных и в розбойных, и во всяких губных делех, и исцов с ответчики не мирити, и татиным и розбойным и всяким губным делам порухи не чинити. И пошлинных и поголовных, и вытных, и пенных денегъ не теряти, и татей и розбойников смертию не казнити и ис тюрмы татей и розбойников и оговорных людей не выпускати. А исцovy человитные, и обыски, и татиные и розбойничи и оговорных людей роспросные и пыточные речи, и статейные списки, которые тати и розбойни[ки] и ого[во]рные люди и их животы у них в сыске будут, и татиным и розбойничимъ и оговорных людей животомъ переписи, и по сторожех поручные записи, и все подлинные де[ла] за своими руками присылати к Москве /л 24/ в Розбойный приказ, расписав подлинно порознь и по статьямъ, сколько чьего иску, и что тати или розбойники в роспросе и с пыток скажут, у кого что взяли.

А будет тати и розбойники не упомнят у кого что взяли, и под теми статьями так и писати. И в котором деле, и кто имены тати и розбойники и оговорные люди переиманы будут, и [в] тюрях сидят, и кто им исцы, и за что на ком положил выть? И которые люди сысканы и с татми и с розбойники на очной ставке что говорили? [И] которые люди не сысканы и зачемъ кто не сыскан? И о том о всем отписывать к Государю к Москве. А велети отписки и дела отдавати в Розбайном приказе боярину князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому, да дьяку Семену Головину. И Государь Царь и Великий князь Михаило Федорович всеа Руси о тех делах велит указ учинит. А однолично Василью Воронову татей и розбойников и оговорных людей и их животов сыски дати неоплошно с великим радением прямо в правду³⁸, и без Государева Царева и Великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу вытей не розвычиват и не правити. И татиных и розбойных, и оговорныхъ людей животов не продавати, и исцам поличного платья и рухляди, и лошадей не отдавати. И в татиных и в розбойныхъ и во всяких губных делах исцов советем не мирити, и татиным и розбойным, и всякимъ губнымъ деламъ порухи не чинити. А пошлинных и поголовных и вытных и пенных /л 25/ денег не теряти, и татей и розбойниковъ смертию не казнити, и ис тюрем татей и розбойников и оговорных людей не выпускати, и указ им чинити по семуж наказу.

По Государеву Цареву и Великого князя Михаила Федоровича всеа Руси крестному целованию никому ни в чемъ не норовити, другу не дружити, а не-другу не мъстити, и посулов и поминков ни у кого ничего не имати никакими делы. И самим у татиных и у розбойных дел будучи з губными старосты быти в совете, а не в розни, чтоб их рознью татинымъ и розбойным и всякимъ губным деламъ порухи некоторые и мотчанья³⁹ не было. А будет Василей учнет татей и розбойников и всяких лихих людей сыскывати нерадением и оплошкою, и всякие губные дела делати непрямо, по дружбе или мъстя кому

38. Отдать в правду – передать центральному правосудию.

39. Мотчание – проволочка, промедление.

недружбу, и от того посулы и поминки имати; и без Государева указу исцов иски розычивати и правити, и татиных и розбойных и оговорных людей животы продавати, и исцам *личное платье и рухлядь и лошади отдавати*⁴⁰, и исцов с ответчики мирити, или с губными старосты будучи у татиных и у розбойных дел учнут быти не в совете, и их рознью татиным и розбойным и всяким губным деламъ какая /л 26/ учинитца поруха; а обыскные будет люди в обыску учнут речи свои сказывати непрямо, татей и розбойников и всяких лихих людей ведая около себя, укрывая не скажут, а после тати и розбойники у них в волостях, и в селех, и в деревнях по исцовым челобитнымъ и по язычным мол[в]кам объявятца, и Василью Воронову и обыскным людям от Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всеа Руси быти в великой опале. Да на них же велеть пени и исцовы иски правити.

А для писма татиных и розбойных дел имати губных дьячков. А где губных дьячков нет, и поимати земельских и площадных и волос[т]ных дьячков добрых. А прогоны ему за подводы, на которых он посыпал от Москвы до Суздаля, и до Шуи, и до Луху, и назад до Москвы, доправити сыску своего на оговорных людях. Да те *прогонные деньги*⁴¹ прислати къ Государю к Москве, и велети отдать в Розбойномъ приказе. А что будетъ у него в сыску объявитца татиных и розбойных и оговорных беглых людей лошадей, а доведис будет те лошади продаст на Государя, и Василию те лошади присылати къ Государю к Москве. И отписывать об них имянно, где те лошади и в какове деле, и у кого имяны, у татей или у розбойников и[ли] у оговорных беглых людей взяты. /л 27/ А велеть отписки и лошади отдавать в Розбайном же приказе. А где будет ведомо учинитца или в обыску обыскные люди скажут, где розбойники станы стоят, или по друзьямъ своимъ и по родимцамъ тати и розбойники беглые учнут ухоронятца, и за теми татми и за розбойники самим ездить и посылати. А за подводы, которые имати под себя и под стрелцов, на которых подводах за розбойники и за татми ездил, в прогонъ продавати розбойнич и оговорныхъ беглых людей хлеб, которой хлеб довелся продавать на Государя. А кому имянем сколько какова хлеба продадут, и тех людей имена записывать в книгу подлинно порознь и по статьямъ, чтоб тому хлебу в цене и в продаже некоторые истери не было.

подлинной наказ за приписью дьяка Семена Головина

40. В наказе оговаривается, что это имущество может быть изъято на государственные нужды, а не возвращено «истцам», то есть прежним владельцам.

41. Прогонные деньги – повёрстная плата за проезд, транспортный налог XVII века.

Раздел VIII

Творческое приношение родному краю

М. М. Бокарева (Субботина)

Видение о Ламне

Опустилось солнышко в озеро,
Остывает медный закат.
Речи бранные, песни зазорные,
В гладь зеркальную камнем летят.

Малыши беззаботно плещутся
В небесах, как в парном молоке.
А меня всё зовёт, всё мерещится
Умирающий храм вдалеке.

Свежий ветер доносит пение
Замолчавших колоколов.
В кровоточащих стенах видение,
Словно эхо седых веков

В предстояньи четырнадцать иноков,
Настоятель смиренен и строг.
На Руси Святой иго противников
И висит над скитом подвижников
Осквернённой Москвы едкий смок.

Но кресты здесь теперь не засветятся,
Весть благая не прозвучит.
Лишь ночами в тоске полумесяца
Запустения мерзость царит.

И уже не закат, а зарево
Обагрило озёрную ширь.
Как набат и как Смуты знаменье
Зазвучала по павшим Псалтирь

А князьям что не ересь, всё истина,
Им любой самозванец – царь,
Так в безумии братоубийственном
Каждый почестей жаждет неистово,
Веры Русской поправ Алтарь.

И в сердцах, и в умах затмение,
Близок смертный последний час,
Но летит в небеса моление
Благоверного Князя о нас...

Стихнет Смута, погаснет зарево
Над безмолвною бездной вод,
Как Великой Милости знаменье,
Русь Державная встретит восход.

3 июля 2011 г.

Таинственный Храм

Закрывшись зеленью листвы,
Стоишь забытый всеми –
Приют божественной мечты,
С печатью разрушенья.

Здесь птицы раннею весной
Поют святые песни,
Здесь вечности царит покой,
Здесь дух и прост и светел.

Забыл ты горе и печаль,
Забыл былую радость,
Забытого тебе не жаль,
Тиши познал ты сладость.

Когда под утро соловей
Приносит солнцу трели,
Когда, журча, бежит ручей,
Когда звенят капели;

Закрывшись зеленью листвы,
В молчании глубоком,
Стоишь средь летней тишины...
Но не забыт ты Богом!

Когда в начале сентября
Лист золотой ложится
На гладь озёрного стекла,
Иль первый снег кружится, –

Их звук тебе теперь милей,
Милей хоров церковных,
Творцу молящихся людей
И звонов колокольных...

Но в сердце тайну бережёшь,
Божественную тайну, –
Меня ты манишь и зовёшь
В затвор тиши хрустальной.

И я иду на твой призыв,
Вхожу. Здесь раньше пели,
Но клирос пуст и молчалив –
Сберечь храм не сумели.

Ламна. 15 февраля 2000 г.

2024

Сведения об авторах

Балдин Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Ивановского государственного университета, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Основатель Пожарских Неопалимовских краеведческих чтений в Юже. Г. Иваново.

Бокарева Мария Михайловна – научный сотрудник Палехского художественного музея, организатор Ходовских чтений, автор ряда краеведческих и искусствоведческих статей. Пгт. Палех Ивановской обл.

Бутрин Егор Сергеевич – кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и использования документов Государственного архива Ивановской области. Г. Иваново.

Грибов Николай Николаевич – доктор исторических наук, археолог, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН. Г. Москва.

Кривцов Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, преподаватель Библейской школы Автозаводского благочиния Нижегородской епархии, церковный историк и археолог. Г. Дзержинск Нижегородской области.

Лихачёв Алексей Евгеньевич, священник – кандидат богословия, настоятель Прихода Смоленской иконы Божией Матери в Юже, член Ивановского краеведческого общества. Г. Южа Ивановской обл.

Макарьянц Борис Леонидович – врач, краевед, автор исследований по истории Шуйской-Смоленской иконы и родословию дворян Вороновых. Г. Иваново.

Парфёнов Александр Юрьевич, священник – выпускник МДА, клирик Ростовского благочиния Ярославской епархии, краевед. Автор статей и путеводителей. Г. Ростов Великий Ярославской обл.

Печкин Михаил Борисович – председатель Холуйского районного отделения ВТОО «Союз художников России», директор МУК «Южский дом ремёсел», редактор-составитель Южского альманаха. С. Холуй Южского района Ивановской обл.

Потанин Сергей Владимирович – краевед, выпускник Шуйского филиала ИвГУ, член комиссии по канонизации святых Шуйской епархии. Автор ряда краеведческих статей. Г. Тейково Ивановской обл.

Серебрякова Любовь Юрьевна – учитель литературы в «Школе имени императора Александра III», преподаватель Миссионерского отдела Санкт-Петербургской епархии (курс «Режиссура экскурсионного дела. Эпоха Романовых»). Г. Гатчина Ленинградской обл.

Серников Владимир Николаевич – пенсионер, уроженец с. Малая Ламна, член приходского совета храма Смоленской иконы Божией Матери в Старой Юже. Г. Южа Ивановской обл.

Суворова (в дев. Шеронова, потом Ванягина) Нина Николаевна – пенсионер, бухгалтер, родилась в д. Высоково (рядом с Малой Ламной), внучатая племянница Серниковой (Кузнецовой) Зинаиды Васильевны. Г. Южа Ивановской обл.

Фролова Элла Владимировна – кандидат исторических наук, директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Историко-краеведческий музей Ковровского района». Г. Ковров Владимирской обл.

Якушкин Геннадий Радикович – историк-архивист. Направление научной деятельности: источниковедение отечественной истории. Г. Москва.

Якушкина Марина Михайловна – научный сотрудник Отдела письменных источников Государственного исторического музея. Г. Москва.

Содержание

Предисловие.....	3
Раздел I. К 200-летнему юбилею освящения здания каменной церкви в с. Малая Ламна	
От редакции	5
М. М. Якушкина. Описание церкви села Малая Ламна (<i>по материалам ОГИ ГИМ</i>)	10
Л. Ю. Серебрякова. Письмо в редакцию Пожарского юбилейного альманаха.....	17
Д. Ю. Кривцов. История с географией или снова о массовом и профессиональном историческом сознании (<i>ответ Л. Ю. Серебряковой</i>)	21
Раздел II. Проблемы изучения Смуты и рода князей Пожарских-Стародубских	
А. Е. Лихачёв, священник. К истории почитания святого князя-страстотерпца Феодора Стародубского	25
Д. Ю. Кривцов. Князь Фёдор Стародубский в источниках и исторической литературе: опыт комплексного анализа	35
Г. Р. Якушкин. Князь Д.М. Пожарский – руководитель Разбойного приказа	61
Раздел III. Стоянье в вере	
С. В. Потанин. О жизни священномученика Николая Великоустюжского, уроженца Писцовской волости	65
Раздел IV. История Южской земли и смежных с ней	
Н. Н. Грибов. Нижний Новгород и летописная Мордовская земля	75
А. Ю. Парфёнов, священник. Заметки о градостроительстве Ростова Великого.....	85
М. Б. Печкин. Село Холуй – происхождение названия	93
К. Е. Балдин. Иваново-вознесенские фабриканты Гарелины на холуйских ярмарках в 1850-70-х годах	98
Раздел V. Духовная и нравственная культура	
Е. С. Бутрин. Из истории Николо-Шартомского монастыря в первой половине XVIII в.	105
Э. В. Фролова. Из жизни архимандрита Сретенского монастыря Серафима Богоявленского, уроженца с. Алексино	121
Раздел VI. Семейный фотоархив	
В. Н. Серников, Н. Н. Суворова, п/ред. А. Е. Лихачёва. Из жизни прихожанина церкви на Малой Ламне Николая Семёновича Серникова (1921-1984)	129
Раздел VII. Наши публикации	
Служебный документ боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского: комментарий к публикации «Наказ государеву сыщику Василию Яковлевичу Воронову по Сузdalскому, Шуйскому и Луховскому уездам от 14 июля 1625 г.» Публикация Б. Л. Макарьянца.....	137
Наказ Разбойного приказа служилому дворянину В. Я. Воронову	145
Раздел VIII. Творческое приношение родному краю	
М. М. Бокарева (Субботина). Стихи о храме на Малой Ламне	155
Сведения об авторах.....	157

Продолжающееся издание

Пожарский юбилейный альманах

Выпуск 13

К 200-летию каменной церкви в селе Малая Ламна Южского района Ивановской области

Над выпуском работали:

Художники – О. В. Сафарова, А. В. Денисов

Дизайн – А. А. Сурков

Компьютерная вёрстка – ООО «ПресСто»

Фотографии – авторов, составителя

Материалы для настоящего сборника получены в электронном виде,
через объявление рассылки Ивановским областным краеведческим обществом.
В дальнейшем интересные исследовательские работы
будут публиковаться по мере поступления.

Ознакомиться с выпусками Пожарского альманаха №№1-12
можно на сайте Прихода Смоленской иконы Божией Матери в Юже
в разделе «Историческая Память»: <http://www.old-yuzha.ru/almanah.html>
Желающие предложить свои публикации в следующие выпуски альманаха
могут присыпать их на отзыв по э/почте: yuzha-church@yandex.ru.

Подписано в печать 14.03.2024 г. Формат 60×84 1/₁₆.
Печ. л. 10,0. Усл. печ. л. 9,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 6353.

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8
Тел.+7-930-330-36-20, e-mail:presssto@mail.ru
www.presso-ipk.com